

Н.И. ДАНИЛОВА · Н.Н. ЕФРЕМОВ · Н.И. ВИНОКУРОВА
И.Б. ИВАНОВА · Е.М. САМСОНОВА · Н.А. СИВЦЕВА · В.И. ХАРАБАЕВА

Функционально– семантические категории в якутском языке

ГРАММАТИЧЕСКАЯ
И ЛЕКСИЧЕСКАЯ
БАЗА

ЯКУТСК
ИГИ и ПМНС СО РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ:
ГРАММАТИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ БАЗА**

Ответственный редактор
кандидат филологических наук В.Д. Монастырев

Якутск 2017

УДК 811.512.157'37
ББК 81.634.1-2

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Л.М. Готовцева*,
кандидат филологических наук *Ф.Н. Дьячковский*,
кандидат филологических наук *Д.И. Чиркочева*

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Ф94   **Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база** [Электронный ресурс] / [Н. И. Данилова, Н. Н. Ефремов, Н. И. Винокурова и др.] ; отв. ред. В. Д. Монастырев, к.филол.н. ; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера. – Якутск : ИГИиПМНС СО РАН, 2017. – 140 с.

Режим доступа: <http://www.igi.ysn.ru/files/publicasii/>.

ISBN 978-5-902198-34-5
Агентство СІР НБР Саха

УДК 811.512.157'37
ББК 81.634.1-2

Коллективная монография представляет собой третью книгу из задуманной серии исследований функционально-семантических категорий якутского языка. Содержание монографии составили исследования, в которых представлены итоги анализа структурной и семантической организации категорий темпоральности, обусловленности, персональности, качественности, количественности, определенности-неопределенности.

Книга представит интерес для лингвистов, тюркологов, специалистов в области сравнительно-типологического языкознания, функциональной грамматики и семантики.

ISBN 978-5-902198-34-5

© ИГИиПМНС СО РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВИЯ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ	
Раздел 1. Глагольные формы с временным значением в якутском языке (Н.И. Данилова)	8
– Форма совпадения с моментом речи	10
– Формы предшествования моменту речи	16
– Форма следования за моментом речи	24
Раздел 2. Глагольная качественность: структура и семантика (Н.И. Винокурова)	26
– Состав поля качественности	28
– Качественность и теория прототипов	29
– Изучение глагольной качественности в якутском языке	30
– Атрибутивная глагольная качественность	33
– Предикативная глагольная качественность	34
Раздел 3. Дистрибутивная глагольная множественность: семантические особенности (Е.М. Самсонова)	38
– Выражение дистрибутивной множественности в якутской лингвистической традиции	38
– Дистрибутивная множественность и особенности представления групповых актантов в якутском языке	43
– Основные семантические подтипы дистрибутивной глагольной множественности и их репрезентанты в якутском языке	45
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ГРАММАТИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ	
Раздел 1. Полипредикативные конструкции, выражающие отношения обусловленности (Н.Н. Ефремов)	55
1.1. Синтетические полипредикативные конструкции, выражающие отношения обусловленности	57
– Полипредикативные конструкции с причинно–следственным значением	58
– Условные полипредикативные конструкции	64
– Полипредикативные конструкции цели	66
– Уступительные полипредикативные конструкции	67
1.2. Аналитические полипредикативные конструкции, выражающие отношения обусловленности	69
Раздел 2. Функционально-семантическая категория персональности: морфологические средства выражения (В.И. Харабаева)	74
– Финитная форма глагола	78
– Значения личных форм глагола	81
– Личное оформление деепричастий	85
– Личное оформление причастий	87

– Категория лица в аналитических конструкциях	88
– Именная категория сказуемости	91
– Конструкции с аффиксами принадлежности	94
Раздел 3. Категория определенности-неопределенности: семантика лексических средств выражения (Н.А. Сивцева)	98
– Имена существительные	99
– Имена прилагательные	107
– Имена числительные	111
– Местоимения	114
Раздел 4. Лексика микрополя суточного времени (И.Б. Иванова)	119
Заключение	124
Литература	127
Список сокращений	134
Список условных обозначений	139

ВВЕДЕНИЕ

Коллективная монография представляет собой третью книгу из серии исследований, посвященных функционально-семантическим категориям якутского языка. Содержание монографии составили исследования, в которых представлены итоги анализа некоторых аспектов категорий темпоральности, обусловленности, персональности, качественности, количественности, определенности-неопределенности. Функционально-семантический подход к грамматическому строю языка, принятый в данном коллективном исследовании, опирается на фундаментальную идею о соотносительности формы и содержания языковых единиц. При этом авторы стремились показать доминирующую роль анализа языкового материала в направлении от смысла к формам его выражения, от функций к средствам их реализации. Как известно, такой подход к анализу языкового строя был разработан и предложен представителями Петербургской научной школы под руководством А.В. Бондарко. Согласно теоретической концепции этой школы, семантические категории рассматриваются “в единстве с системой средств их выражения” [ТФГ, 2007, с. 17]. Применение методов анализа, принятых для такого исследования, позволило представить системную организацию выбранных категорий якутского языка в виде функционально-семантических полей.

Немаловажную роль в выполненном системно-структурном анализе семантических категорий якутского языка сыграли разработки представителей сибирской лингвистической школы М.И. Черемисиной, И.А. Невской, Н.Б. Кошкаревой, Е.К. Скрибник, И.В. Шенцовой, А.А. Мальцевой, Л.А. Шаминой, А.А. Озоновой, А.Р. Тазрановой и других. В их исследованиях анализируются конкретные вопросы системной организации синтаксических конструкций с определенной семантикой в разноструктурных языках народов Сибири.

Нельзя утверждать, что такой аспект анализа языковых единиц чужд для якутской языковедческой традиции. На идее о функциональном назначении языковых единиц основаны труды о системообразующих категориях якутского глагола. Это исследования Л.Н. Харитонова по залоговым и видовым формам глагола, монографии Е.И. Коркиной по наклонениям, деепричастным формам и по конструкциям с модальным содержанием. Основателем собственно функционального подхода к грамматическим категориям был Н.Е. Петров, разработавший теорию языковой модальности на материале лексических и синтаксических единиц якутского языка. Традиции функционального подхода к языковой системе были продолжены в изданиях “Грамматики современного якутского литературного языка” (Ч.1. Фонетика. Морфология, 1982; Ч.2. Синтаксис, 1995). Среди работ, основанных на идее о системности языковых единиц и их функциональном назначении, можно назвать “Курс якутской грамматики. Система грамматических категорий и синтаксических конструкций”, изданный в 2004 году.

Исходя из содержания и особенностей языковых способов выражения исследованных семантических категорий в якутском языке, монография разделена на две главы: “Глагольные формы как средства выражения семантической характеристики действия в якутском языке” и “Функциональная семантика грамматических и лексических единиц в якутском языке”.

В первую главу объединены три раздела, в которых выполнен анализ временной, качественной и количественной характеристики действия, выражаемой глагольными формами. Разделы, в которых представлен итог анализа синтаксических, морфологических и лексических средств выражения категорий обусловленности, персональности, определенности-неопределенности, составили вторую главу коллективной монографии.

В разделе “Глагольные формы с временным значением в якутском языке” данной монографии рассмотрены временные формы якутского глагола, обозначающие время действия / состояния относительно момента речи: морфологические способы выражения одновремен-

---

ности, предшествования и следования. При анализе учитывалось значение глагольного предиката, поскольку он играет важную роль в той или иной модификации семантики в конкретном высказывании. Ранее в исследованиях по якутскому языку время глагола было представлено в системе наклонения, которое выступает морфологическим средством выражения модальности.

Предметом анализа отдельного раздела монографии послужили средства выражения глагольной качественности. В якутском языке имеются работы по отдельным средствам выражения качественности – прилагательным, причастиям, деепричастиям, определительным предложениям, видо-временным формам глагола, образным глаголам. Но научные труды, посвященные исследованию качественности как ФСП, объединяющего разноуровневые средства на основе их общей качественной функции, отсутствуют. При анализе глагольных средств выражения качества принималось во внимание то, что в основе поля качественности лежит семантическая функция качественной характеристики – приписывание предмету, вещи, явлению определенного качества-свойства. В разделе предпринята попытка анализа предикативной и атрибутивной качественности в ее глагольной ипостаси. Основываясь на исследованиях зарубежных ученых, автор представила универсальную адъективную иерархию прилагательных, которые находятся в определительных отношениях к главному слову – существительному.

Специальный раздел посвящен анализу дистрибутивной глагольной множественности, традиционно рассматривавшейся в якутском языке как один из основных оттенков семантики многократного “вида” в трудах проф. Л.Н. Харитонова и в “Грамматике современного якутского литературного языка” (1982). В данной работе применение функционально-семантического подхода позволяет выявить другие разноуровневые средства выражения дистрибутива и дать характеристику его основных семантических подтипов. В качестве еще одного аспекта рассмотрения данного вопроса выступает характер репрезентации группового актанта.

Категория обусловленности как единое семантическое поле также не была предметом специального изучения на материале якутского языка. Ранее при исследовании структурно-семантических типов сложноподчиненных предложений и полипредикативных конструкций были освещены конструкции со значениями причины, условия, цели и уступки. В настоящем разделе на основе методики полевого структурирования и структурно-семантического моделирования выделяются и описываются ядерные и периферийные средства выражения отношений обусловленности, а также системные связи между ними.

Обширный раздел составил результат исследования категории персональности в якутском языке. Хотя многие вопросы, касающиеся форм лица в якутском языке, были подвергнуты анализу во многих работах по грамматике, категория персональности в виде системы, с разграничением ядерных и периферийных средств ее выражения, не была исследована. В представленной монографии проанализированы морфологические средства, которые образуют ядро семантического поля: аффиксы сказуемости и принадлежности. В исследовании выяснены закономерности и причины применения личных аффиксов и аффиксов посессивности, также проводится семантический анализ данных средств. Внимание уделяется систематизации фактов и описанию условий употребления форм выражения персональности.

В качестве лексических средств выражения категории определенности-неопределенности в якутском языке рассмотрены основы имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений. Несмотря на то, что в исследованиях по якутскому языку имеются существенные замечания и сведения о явлении определенности-неопределенности, до сих пор не был осуществлен опыт обобщенного представления его в качестве функционально-семантической категории. Описание средств выражения категории определенности-неопределенности в якутском языке дано в рамках традиционного деления по уровням языка: морфологическом, лексическом, синтаксическом. При этом особое внимание уделяется влиянию контекста.

В отдельном разделе рассмотрены лексические средства выражения циклического суточного времени. Параграф охватывает лексику, отражающую традиционное суточное обозначение времени у носителей якутского языка.

При исследовании семантических категорий якутского языка авторы применили разные методы анализа, соответствующие конкретной цели каждого раздела: методы полевого структурирования, семантического анализа, лингвистического описания.

Коллективная монография выполнена сотрудниками сектора грамматики и диалектологии ИГиПМНС СО РАН по государственному заданию в рамках научно-исследовательского проекта “Функционально-семантическое исследование якутского языка”. Введение, заключение монографии и раздел “Глагольные формы с временным значением в якутском языке” написаны д.филол.н. Н.И. Даниловой, авторами других разделов выступили: “Глагольная качественность: структура и семантика” – к.филол.н. Н.И. Винокурова, “Дистрибутивная глагольная множественность: семантические особенности” – к.филол.н. Е.М. Самсонова, “Полипредикативные конструкции, выражающие отношения обусловленности” – д.филол.н. Н.Н. Ефремов, “Функционально-семантическая категория персональности: морфологические средства выражения” – к.филол.н. В.И. Харабаева, “Категория определенности-неопределенности: семантика лексических средств выражения” – к.филол.н. Н.А. Сивцева, “Лексика микрополя суточного времени” – к.филол.н. И.Б. Иванова.

ГЛАВА 1.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВИЯ

РАЗДЕЛ 1.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ С ВРЕМЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В функциональной грамматике категория темпоральности рассматривается как отдельный компонент аспектуально-темпорального комплекса, который объединяет языковые семантические категории, выражающие идею времени. В якутском языке данный комплекс объединяет семантические категории аспектуальности, времени и модальности, имеющие как синтетические, так и аналитические способы выражения разной структуры и степени сложности. Все названные семантические категории в якутском языке получили достаточно глубокое и подробное исследование. Так, временные формы якутского глагола стали предметом обстоятельного анализа работ Е.И. Коркиной “Наклонения глагола в якутском языке” (1970), “Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке” (1979). На основе первой монографии был составлен также соответствующий раздел позднее опубликованной “Грамматики современного якутского литературного языка” (1982). В названных работах формы времени глагола квалифицированы как формы выражения категории наклонения, которая, в свою очередь, выступает показателем модальности [Коркина, 1970, с. 27]. Автор исходит из представления о том, что “в якутском языке, как и во всех других тюркских языках, категория наклонения весьма тесно связана с категорией времени” [Там же]. Идее времени в причастных формах посвящены исследования известного якутского лингвиста Г.Г. Филиппова, итог которых представлен в монографии “Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование” (2014). Синтаксические конструкции с темпоральной семантикой были исследованы Н.Н. Ефремовым [см.: “Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке” (1984), “Полипредикативные конструкции в якутском языке” (1998)]. К отдельным вопросам аспектуально-темпорального комплекса в якутском языке обратились также Н.И. Винокурова, Н.И. Данилова, Н.И. Попова.

Глагольные временные формы якутского языка в данном разделе представлены в качестве одного из способов выражения категории темпоральности. При этом она, вслед за А.В. Бондарко, “трактруется как семантическая категория, охватывающая в ее языковом выражении различные типы отношений обозначаемых ситуаций к моменту речи говорящего или иной исходной точке отсчета (производной от момента речи) на основе признаков одновременности (настоящее), предшествования (прошлое) и следования (будущее)” [ТФГ, 1990, с. 66]. Исходя из такого определения, в разделе рассмотрены временные формы якутского глагола, обозначающие время действия/состояния относительно момента речи. При таком подходе анализ темпоральных синтаксических конструкций разного уровня, начиная с деепричастных и заканчивая сложными синтаксическими целыми, и лексических средств с временным значением не входит в задачу данного исследования.

Предлагаемый анализ темпоральных глагольных форм якутского языка выполнен также с учетом представления о коммуникативном назначении языка, согласно которому любое высказывание призвано что-то сообщить, донести до собеседника и получить ответную реакцию. Коммуникативным центром высказывания служит предикативная единица, сообщающая,

что делается и кто, когда это совершает. При этом “сообщаемые в предложении сведения имеют разный статус по отношению к замыслу говорящего, а именно, среди них есть такие, сообщить которые говорящий намеревался, а есть и такие, сообщить которые он, может быть, и не намеревался, но от сообщения которых он, тем не менее, ... не мог уклониться. Вот эти “вынужденно” сообщенные им сведения (вынужденные грамматикой языка) и считаются грамматическими значениями (по крайней мере – в более мягкой формулировке – именно они образуют ядро грамматических значений), и именно к таким значениям и применяется понятие обязательности” [Плунгян, 2000, с. 106]. К обязательным в структурном и семантическом отношении формам в якутском языке относится лично-временная форма глагола, которая имеет не только семантически, но и грамматически единую, флективную структуру. Она обязательно должна содержать информацию о времени совершения действия или протекания события, грамматическом лице, совершающем данное действие, и числе лиц, совершающих действие. Важно отметить также, что при анализе значений временных глагольных форм было необходимо максимально учитывать лексическое окружение или контекст, которые выступают действенным модификатором значения глагольной формы.

Категория темпоральности в якутском языке образует хорошо структурированное функционально-семантическое поле, ядро которого составляют формы индикатива с грамматическим значением времени. Ядро, в свою очередь, дифференцируется по признаку синтетичности и аналитичности способа формального выражения. Синтетические формы времени в якутском языке составлены при помощи грамем настоящего-будущего времени на *-ар*, будущего на *-ыах*, недавнопрошедшего времени на *-т* (*-д*, *-л*, *-н*), преждепрошедшего на *-быт* + аффикс принадлежности, прошедшего результативного на *-быт* + аффикс сказуемости.

Аналитические формы с темпоральным значением образованы от причастных и деепричастных форм. Это три формы с семантикой прошедшего эпизодического времени, образуемые по схеме *быт* + *лаах* + аффикс сказуемости; *-быт* + аффикс принадлежности + имя *баар*; деепричастие на *-ан* + форма настоящего-будущего времени от глагола *тур-*; две формы прошедшего незаконченного времени на *-ар* + *этэ* и *-ар* + *а*; форма преждепрошедшего времени на *-быт* + *этэ*; три аналитические формы с семантикой давнопрошедшего эпизодического времени: причастие на *-быт* + *лаах* + *этэ*; причастие на *-бытым* + *баар* (суох) *этэ*; деепричастие на *-ан турар* + *лаах* + *этэ*.

Приведенные формы в работе Н.И. Поповой на основе точки отсчета времени действия были разделены на формы первичной и вторичной ориентации. Она отметила, что “по своей структуре система времен представляет собой два ряда простых и сложных форм” [Попова, 2004, с. 77]. При этом первый ряд форм образуется в соответствии с определенными структурными схемами, которые в общих чертах можно обозначить как “*причастные/аналитические глагольные формы + аффикс принадлежности/сказуемости*”. Эти временные формы разделены на четыре структурные модели. «Второй ряд сложных форм времени образован простым прибавлением ко всем временным основам первого ряда вспомогательного глагола *этэ* ‘было’» [Там же, с. 78]. В семантическом отношении они “соотносятся между собой как прямое (индикатив) и относительное (релятив) употребления форм времени” [Там же, с. 79]. Такая трактовка форм времени в функциональных тюркологических исследованиях распространена довольно широко [см.: Иванов, 1969; Гузев, 1990].

Окружение ядра образуют формы, которые Е.И. Коркина назвала “лично-глагольными конструкциями”. Первый тип этих конструкций составлен “грамматикализовавшимися аналитическими формами с одним общим значением и выполняющими в предложении функцию единого сложного сказуемого” [Коркина, 1970, с. 31]. Это формы, образованные сочетанием причастий на *-ар*, *-быт*, *-ыах* и спрягаемых форм служебного глагола *буол-* ‘быть’. Во вторую группу входят формы, “промежуточные между грамматическими аналитическими формами и свободными глагольными сочетаниями” [Там же]. Эти формы представляют собой несвободные или полусвободные и синтаксические сочетания, образованные сочетанием причастий с лексическими единицами модального значения. К таковым причислены, например, *-ыах буолар* ‘намерен что-л. делать; *-ар кыахтаах* ‘может, в состоянии что-л. делать’ и т.д. Третью группу

глагольных аналитических форм составляют свободные словосочетания причастий с модальными словами.

В периферии ФСП темпоральности находятся лексические средства, т.е. темпорально-обстоятельственная лексика. Сюда можно включить также многочисленную группу лексических единиц различной структуры, обозначающих природное время. В большинстве случаев семантика лексической единицы накладывается на темпоральное значение соответствующей глагольной формы. В высказываниях, где предикат не имеет четкой темпоральной характеристики, эта характеристика задается лексической единицей. Таковыми в якутском языке выступают высказывания с предикатом в форме косвенных залогов или в форме имени.

В якутском языке традиционно выделяются формы времен в трех точках локализации относительно момента речи: настоящее, прошедшее и будущее времена. Е.И. Коркина отметила настоящее-будущее, будущее и 8 форм прошедшего времени. Позже, с началом нового этапа исследований с позиций функционально-семантической грамматики, которая объясняет языковые факты как системно организованные, в классификацию времен индикатива были внесены некоторые коррективы, о чем было сказано выше.

Как принято в исследованиях по другим языкам, в якутской языковедческой традиции принято считать, что форма настоящего времени определяет событие как совпадающее с моментом речи, прошедшее – как предшествующее, будущее – как последующее. В этом отношении якутский язык представляет собой язык с типичной системной организацией временного дейксиса. Как отмечается в типологических исследованиях, “в связи с тем, что время в естественных языках обычно мыслится линейно, т.е. как вектор (направленный из прошлого в будущее), временная ориентация ситуации сводится к указанию относительной хронологии двух ситуаций на оси времени: описываемой ситуации Р и ситуации речевого акта (т.е. того момента, когда говорящий сообщает о Р). Это – простейший “эгоцентрический” способ локализации ситуации во времени, и все естественные языки применяют его достаточно единообразно, независимо от культурных различий в восприятии времени как такового (эти отличия, как считается, могут быть очень значительными)” [Плунгян, 2000, с. 264]. Придерживаясь такой трактовки, в представленном разделе рассмотрены грамматические формы глагола, связанные с обозначением следующих ситуаций: «‘ситуация Р совпадает с моментом речи’, ‘ситуация Р предшествует моменту речи’, ‘ситуация Р следует за моментом речи’». [Плунгян, 2000, с. 264]. Исходя из этого, в разделе представлен анализ грамматических форм выражения трех семантических ситуаций: совпадения ситуации с моментом речи, следования за моментом речи и предшествования моменту речи.

Форма совпадения с моментом речи

Семантику совпадения с моментом речи в якутском языке передает форма настоящего-будущего времени или презенса-футурума, которое во всех тюркских языках представлено граммемами *-a* и *-p*. Из представленных граммем форма на *-p* считается более древней: “уже в древнейших памятниках мы застаем картину значительного развития форм на *-p* и их четкого противопоставления претеритальным формам. Причем и в орхонских текстах, и в древнеуйгурских, и в языке, описанном Махмудом Кашгарским, форма на *-p* передает настоящее неотносительное, принимая в зависимости от контекста значения настоящего актуального, будущего и т.п.” [Кормушин, 1984, с.18].

Представленная в современном якутском языке форма на *-p*, выступающая в третьем лице, является, по свидетельству компаративистов, более древней. Более того, “выражение граммемы настоящего неотносительного является исторически исходной функцией формы *-p* в системе времен, подтверждение чего мы находим не только в памятниках древних эпох, но и в памятниках средневековых, непосредственно соотносящихся с нынешними национальными языками” [Там же]. Своего рода заменителем формы на *-p* в некоторых функциональных позициях послужила форма на *-a*, представленная в формах всех трех лиц современного якутского языка. В большинстве тюркских языков, кроме современных огузских, этой форме свойственна функция

выражения настоящего абсолютного (общего, неотносительного) времени [Сравнительно-историческая грамматика, 1988, с. 409].

Поскольку в якутском языке обе формы настоящего времени представлены в одной словоформе: *бар-а-р* (ед.ч.), *бар-а-р-лар* (*бараллар*) (мн.ч.), функциональные возможности третьего лица более обширны. А первые два грамматических лица выражены только формой на *-а*, что естественным образом сужает их функциональные возможности. Таким образом, в целом настоящее время как результат синтеза двух разных форм имеет чрезвычайно широкий семантический потенциал.

В исследованиях Е.И. Коркиной по глагольным формам якутского языка, в том числе по наклонениям, форма на *-ар* представлена как форма настоящего-будущего времени [см.: Коркина, 1970, ГСЯЛЯ, 1982]. Она следующим образом обосновывает свою точку зрения: “семантическая нагрузка разбираемой временной формы получается довольно емкая. Но поскольку основными оттенками ее значения является выражение действий, происходящих как в момент речи, так и после, на наш взгляд, точнее ее назвать не настоящим, а настоящее-будущим временем, тем более, что такое название за аналогичной формой по родственным тюркским языкам в научной литературе укоренилось достаточно прочно” [Коркина, 1970, с. 52].

Н.И. Попова совершенно обоснованно квалифицировала форму на *-ар* как форму “непредшествования настоящему моменту”, которая может “передавать в тексте различные смыслы в зависимости от семантики глагольной основы, в частности, настоящие актуальные, неактуальные и будущие действия” [Попова, 2004, с. 90]. Таким образом, можно утверждать, что форма на *-ар* в якутском языке представляет собой грамму презенса, в значениях которого присутствует обозначение действий, непредшествующих моменту речи – как совпадающих с ним, так и следующих за ним.

Следует добавить, что в исторической тюркологии давно и часто отмечается, несмотря на “совершенно четкую разграниченность настоящего и будущего времен (как общих, так и относительных) в синхронном плане в каждом из тюркских языков, в плане диахроническом формы, обслуживающие данную сферу, оказываются ... тесно взаимосвязанными” [Сравнительно-историческая грамматика, 1988, с. 388]. Такая ситуация объясняется тем, что граммы будущего времени имеют позднее происхождение и “потребности в выражении будущего действия в первоначальной, еще детально не дифференцированной системе покрывали формы настоящего общего времени” [Там же, с. 369].

Проблема семантического анализа любой языковой единицы и морфологического, и синтаксического уровня обязательно связана с решением проблемы инвариантного значения. Необходимость определения структуры значения граммы возникает и в связи с семантическим анализом форм времен. В этой структуре выделяется основное значение, традиционно именуемое грамматическим или категориальным, и значения, проявляющиеся в определенной речевой ситуации. При таком подходе можно утверждать, что основное значение презенса содержит тюркская форма на *-р*, которая в современном якутском языке сохранилась только в третьем лице. В высказывании это значение “отягощается”, приобретая дополнительный оттенок или получая различную модификацию.

В семантической структуре формы на *-ар* Е.И. Коркина выделяет четыре основных значения. Первое из них: “обозначение действий, не ограниченных конкретными временными рамками, а происходящих, постоянно или естественных по своей природе” [Коркина, 1970, с. 46]. Во-вторых, форма на *-ар* обозначает действия, которые, “начавшись раньше, продолжают в момент речи” [Там же, с. 47]. Третье значение – обозначение действий, предстоящих после момента речи. И, наконец, форма на *-ар* связана с обозначением действий, совершенных в прошлом.

Приведенная семантическая характеристика настоящего-будущего времени позволяет говорить не только о темпоральном характере этой формы, но и об ее аспектуальном составляющем. К примеру, первое из приведенных значений несет аспектуальное значение длительности действия. Обоснованием для такой трактовки служит то обстоятельство, что сема одно-

временности с моментом речи “вклинивается” в другую семантическую плоскость, где превалирует значение признака действия.

Пересечение, иногда совмещение темпоральной и аспектуальной семантики в одной граммеме можно объяснить также тем, что “поле не имеет четко выраженных границ и пересекается с другими полями” [Всеволодова, 2005, с. 78]. Более того, “постепенные переходы, частичные пересечения” – один из основных признаков функционально-семантического поля [Бондарко, 1976, с. 219]. При этом “пересечения полей основаны на множественности признаков языковых явлений. По одному признаку данное явление может относиться к одному полю, по-другому – к “соседнему” полю, пересекающемуся с данным – так что в целом рассматриваемые языковые явления могут оказаться причастными к нескольким полям” [Там же]. К таким явлениям относится и пересечение полей темпоральности и аспектуальности в якутском языке. Разграничение темпорального и аспектуального значения возможно только при анализе конкретной речевой реализации граммемы, представленном ниже.

Категориальное значение презенса, т.е. значение совпадения события с моментом речи, не осложненное аспектуальным значением, представлено в следующих примерах: *Обо маһын сүкпүтүнэн киһирэн оһох төрдүгэр быраҕар* (К ТА 136) ‘Ребенок заходит с дровами на спине и бросает их перед печкой’; *Дуһа атабын тумсуһан үктэнэн таһырдыа таһсаары аанһа барар* (СЕ ТП 43) ‘Дуһа, наступая на цыпочки, чтобы выйти на улицу, идет к двери’. Не видится причин отрицать, что в приведенных примерах семантика презенса подкреплена самой представленной ситуацией. В первом предложении событие представлено так, что оно происходит на глазах говорящего, повествование ведется также от его лица, поэтому присутствие момента речи оказывается более выпуклым на всем фоне граммемы. Правда, действие выражено динамическим процессуальным предельным глаголом *бар-* ‘идти, направляться’ и это накладывает определенный отпечаток результативности на грамматическое значение презенса.

Основанием считать инвариантным (основным) для современной формы на *-ар* значение совпадения с моментом речи может служить также то, что это значение предшествует всем остальным на диахроническом уровне. Г.Г. Филиппов не без оснований считает причастную форму (которую на самом деле представляет собой форма *-ар*) не только самой древней системообразующей глагольной формой, но и основанием всей грамматической системы якутского языка [Филиппов, 2002, с. 146].

Следующим основанием для того, чтобы считать значение совпадения с моментом речи для формы на *-ар*, основным видится то обстоятельство, что это значение неизменно присутствует во всех функциональных речевых употреблениях или в системе употреблений. Это значение представлено на материале якутского языка как основной семантический признак данной формы.

Но во многих случаях презенс выступает не в темпоральном значении, а репрезентируется по-разному под влиянием речевой ситуации. Так, значение презенса часто может быть модифицировано так, что событие происходит регулярно или часто, по протяженности оно дольше момента речи. В таких случаях обычно речь идет о действиях, мыслимых как свойство предмета, о котором повествуется. Рассмотрим примеры: *Сылайбыт сынһанар, тонмут тохтуур, аччыктаабыт аһыыр* (АА СК 1963 329) ‘Уставший отдыхает, замерзший останавливается, проголодавшийся ест’; *Оннообор биһр киһи таптаатабына киһи өйүн-төйүн сүтэрэр* (СД СТТ 1967 325) ‘Даже если один человек полюбит, человек теряет разум’; *Мин кэпсэтиитин кыйар буоламмын, билиһгэ дылы ити аһы-танһаһы дэлэйдик абалан атылыбын* (ХС 1968 6 19) ‘Поскольку я умею договариваться, до сих пор привожу вдоволь товара и продаю’; *Дуһа урут кыраттан да тыһта түһэрэ суох буолбут, ол оннугар набыл, намчы сиили кэстөр* (АФ ОД 320) ‘У Дуһи исчезла привычка выходить из себя по пустякам, вместо этого виден спокойный, нежный нрав’. Как видно из приведенных примеров, действие в этом случае представлено так, что в этих случаях точкой отсчета времени служит не момент речи, а наоборот, момент речи вклинивается в определенный отрезок длительного, обычного для грамматического лица действия. Таким образом, для глагольных словоформ в последних из приведенных примеров доминирующим является значение признаковости, а не презенса.

Значение признаковости для якутских глагольных форм, как мы отметили выше, считается наиболее древним, системообразующим. Более того, у исследователей есть основания полагать, что существовал “функциональный синкретизм основ, показывающий предмет и его признак” [Филиппов, 2002, с. 138]. Но значение признаковости, как исторически наиболее древнее, на современном этапе развития языка отошло на задний план, уступив место в семантической структуре грамлеммы значению одновременности с моментом речи. На этом основании обсуждаемое значение мы не отнесли к основному, считая своего рода ядром семантической структуры грамлеммы одновременность с моментом речи. Важно отметить, что обсуждаемое значение презенса чаще всего отмечается у глаголов состояния или у динамических глаголов неопредельной семантики (в приведенных примерах это глаголы и фразеологические единицы состояния: *сынньанар* ‘отдыхает’, *тохтуур* ‘останавливается’, *аһыыр* ‘ест’, *өйүн сүтэрэр* ‘теряет разум’, неопредельные глаголы *атылылыбын* ‘продаю’, *көстөр* ‘виден’). Подобные глаголы, не предусматривающие логического предела в своем протекании, надолго “задерживаясь” в поле действующего субъекта, вполне могут начать мыслиться как его признак. Значение длительного настоящего времени часто обнаруживается в пословицах, в этом случае оно максимально приближается к аспектуальному значению длительности: *Эрдэ турбут чыычаах тумсун соттор, хойут турбут чыычаах харабын хастар* ‘Рано вставшая птичка вытирает клюв, поздно вставшая птичка протирает глаза’.

Во многих ситуациях изначальная заданность, непреложность действия или события подчеркивается употреблением страдательного залога глагола: *Сирэйдэммэтэх этиигэ санаа булгуччу, быраабыла курдук этиллэр* ‘В безличном предложении мысль высказывается как обязательная, как правило’. Обсуждаемое значение грамлеммы презенса часто обнаруживается в случае употребления безличных глагольных форм: *Оол “Бэлэм буол” хаһыат эрдээксийэтэ. Билэбин буолбат дуо элбэх ойуулаах, кэпсээннээх хаһыаты? Ол хаһыаты итиннэ онороллор* ‘Во-он редакция газеты “Будь готов”. Ты ведь знаешь газету с множеством рисунков, рассказов? Ту газету делают там’ (СД КС 304); *Ол дойдуга илии тутуура суох сатаммаккын. Утары уунардаах буоллаххына табыллар. Онтуга суох дьыалабын өтөрүнэн быһаарбаттар. Биэрэрдээх буоллаххына, ол-бу кумаабыга наадыйбакка, тутта быһааран хачыгыратан кээһэллэр* (СД КС 317) ‘В том месте не обойдешься без подношения. Необходимо иметь чем отблагодарить. Без этого дело твое в скором времени не решат. Если есть что поднести, тут же, не требуя никаких бумаг, быстренько решают’.

К этому значению близко значение, когда длительное событие началось давно, но продолжается и в момент речи: *Алаас арбаа өттүгэр Маайа дьонун дьыэлэрэ көстөр* (НЯ Т 1960 125) ‘На западной стороне аласа виднеется дом родителей Майи’; *Тыа сабатыгар дьахтардаах эр киһи, ийэ көлөһүннэрэ эиннэринэн түһэн, отторун мунньан бугуйэхтиллэр* ‘На опушке леса мужчина с женщиной, вспотев так, что пот заструился по спинам, из последних сил сгребают сено’; *Бу кэпсээни биһиги олус сэргээн истэбит. Оннообор доодоннообут кус обото истибит курдук туттар* ‘Этот рассказ мы слушаем с большим интересом. Даже маленький утенок как будто услышал’.

Иногда действие, начавшись в момент речи, продолжается и после: *Үчүгээйи тэлгэһэ ортотугар дьиктиргээбит киһи быһытынан туран хаалар* (СЕ ТП 238) ‘Ючюгяев остается стоять посреди двора с видом удивленного человека’; *Сандаарка кэлэн ампаар мунугуттан быган көрөр* (СЕ ТП 226) ‘Сандарка подходит и выглядывает из-за угла амбара’; *Истэргит буолуо, Өлүөнэ өрүс баһыгар кыһыл көмүс көстүбүтүн* (НЯ Т 1960 27) ‘Вы слышите, наверно, что на верховье реки Лены найдено золото’; *Обонньордоох эмээхсин оһох күлүгэр түһэллэр* (СЕ ТП 137) ‘Старик со старухой бросаются за печь’; *Мин төрөөбүт нэһилиэгим уһугар кэлэн олоробут* (СЕ ТП 48) ‘Мы приехали и сидим на самой крайней точке моего родного наслега’. Как видно из приведенных примеров, такому смысловому варианту значения презенса способствует лексическое значение глагола. Как правило, это динамические непереходные глаголы. То, что действие продолжается и после момента речи, подчеркивает также употребление сочетаний, в которых первый компонент – деепричастная форма (*туран хаалар* ‘встав остается’, *быган көрөр* ‘выглянув смотрит’, *кэлэн олоробут* ‘приехав сидим’).

В некоторых предложениях презенс представлен в таком виде, когда в нем превалирует значение прошедшего времени. Это значение близко к предыдущему, но здесь речь идет о событии, которое к моменту речи уже произошло, завершилось. Приведем примеры: *Кини ишиллээн турбахтыыр* (НГ ҮДь 32) ‘Он некоторое время стоит, прислушиваясь’; *Быыһаных быатыгар Уол охтон соһуйар* (СД СС 43) ‘К счастью избавления Мальчик упав пугается’; *Күөл уутун бүүрүгэ чарчыйа мууһулар* (НЯ Т 1960 3) ‘Закраины воды в озере неровно покрываются льдом’; *Дьон быыһынан ханан эмэ, дэн эмэ тиэтэйбит официанткалар, мас ойуун курдук, ытыллан ааһал-лар* (НЗ КДУ 1968) ‘Между людьми иногда, изредка пробегают как юлы торопливые официантки’. В таких предложениях употребляются глаголы, не мыслимые как статический признак предмета. В большинстве своем это динамические глаголы, а отрезок времени, в течение которого происходило событие, указывается каким-либо способом, например, аспектуальным показателем недлительного действия *турбахтыыр* ‘недолго стоит’, наречием *дэн эмэ* ‘редко’. В плос-кость прошедшего времени событие переносится также при помощи результативных глаголов: *соһуйар* ‘пугается’, *мууһулар* ‘покрывается льдом’.

Во многих случаях использование презенса в составе аналитического морфологического комплекса придает дополнительный оттенок определенного характера протекания действия: *Ама саа-саадах ыбарбана суобун иһин, хайаатар даһаны суостаах күннэр кэлэн тураллар ээ* (ПО ТА 2 1993 189) ‘Хотя и нет прямой угрозы оружия, точно наступили (букв. *наступив стоят*) опасные времена’. В таких ситуациях время события и его характеристика с точки зрения завершенности взаимодействуют, даже переплетаются.

Чрезвычайно часто встречается употребление временной формы на *-ар* в значении так называемого “настоящего изобразительного”. В этом случае событие разворачивается на самом деле не в момент речи, а произошло раньше, но говорящий описывает его сейчас и ему принадлежит решающая роль в определении времени события. Такое значение наиболее часто встречается в художественных произведениях, поэтому естественно предполагать у него стилистическую окраску. Рассмотрим это значение в конкретных предложениях: *Борук-сорук буолар. Таһнары өнгөйбүт сүдү хайалар систэрин көннөрөн өссө үрдүүрүгэ дылы ғыналлар. Тымныы сырылыыр. Талба мууһа хайыта тонгон, сыыр аннынан нүгсүйтэлиир* (АА СК 1963 170) ‘Смеркается. Склонившиеся сверху огромные горы, как будто становятся еще выше. Трещит мороз. Лед речки Талба, раскаляясь от мороза, грохочет время от времени по берегу’; *Ойуур саһатыгар, оттоох күрүө аттыгар, отуу уота чабылыыр* (К ТА 95) ‘На опушке леса, около ограды с сеном, светится огонь костра’; *Чыркымай от саһатынан устара урун көмүс суол буолан дыргыйар* (НЯ Т 1960 125) ‘След от чирка, плывущего вдоль берега, виднеется как серебряная дорога’; *Халлаан хараһарар. Этин этэр. Холорук. Курулас самыыр. Дьон таһырдьаттан дыэбэ киирэллэр. Ат туйаба табыгырыыр* (Э XII 618) ‘Небо темнеет. Гром гремит. Вихрь. Проливной дождь. Люди заходят с улицы в дом. Дробно стучат копыта лошади’; *Түптэ буруота сир кырсынан сыылар* (НЯ Т 1960 73) ‘Дым от костра стелется над поверхностью земли’.

В приведенных примерах действие-событие в форме настоящего времени создает общий фон для других событий, происходящих на самом деле в момент речи. В таких случаях часто, как можно убедиться из последнего примера, проявляется значение одновременности с другими событиями.

Иногда отнесенность события к прошедшему отрезку времени уточняется указанием конкретного времени: *Олунньу ый ортоһунааһы сарсыарда, халлаан лаһпа сырдаабытын кэннэ, чэйдээри остуолу тула олоһоллор* (НЯ Т 1960 53) ‘В утро середины февраля, после того как заметно рассвело, сажаются за стол, чтобы пить чай’; *Сарсынгытыгар эмээхсин күнү быһа уһа оронго утуйан үллэ сытта. Дьон ботугураһан кэпсэтэллэр, ордууй үктээн хаамаллар* (АА СК 1963 242) ‘На другой день старуха весь день проспала, завалившись на правую лавку. Люди разговаривают шепотом, ходят осторожно наступая’. В приведенных предложениях форму настоящего времени глагольного предиката без всякого ущерба для содержания повествования можно заменить формой прошедшего времени: *Олунньу ый ортоһунааһы сарсыарда, халлаан сырдаабытын кэннэ, чэйдээри остуолу тула олоһодулар* (сели – проше-

дшее категорическое время), или *олорбуттар* (говорят, сели – прошедшее субъективное время).

Е.И. Коркина отмечает, что “с помощью данной формы времени с большой колоритностью передаются воспоминания о прошлом” [Коркина, 1970, с. 49] и приводит большое количество примеров, подтверждающих это. Этот случай функционирования формы презенса, скорее всего, можно объяснить тем, что говорящий события и действия прошлого как бы прокручивает, восстанавливает в момент речи. Такая модификация формы настоящего времени также исходит от говорящего, при этом говорящий сам определяет порядок изложения событий.

Исследователи якутского языка отмечают также широкое употребление глагола в форме настоящего времени для обозначения будущего, еще не совершенного действия: *Билигин аны оҕолорбут кэллилэр, уруккубут курдук олохпунун онгостон, эмиэ үчүгэйгэ тиийиэхпит, ол иһин, Ылдьаа уонна Микиитэ, мин эһиги тускутугар мань иһэбин* (ДТ ТА 1954 16) ‘Теперь вот приехали наши дети, как прежде, устроим свою жизнь, опять дождемся лучших времен, за это, Илья и Никита, за вас я пыю’. В приведенном примере действие, хотя оно и повернуто на плоскость будущего, должно свершиться в ближайшем будущем, в рамках настоящей речевой ситуации.

Очень часто отнесенность действия к будущему подкрепляется лексическим средством соответствующего содержания: *Алтыс сарсыардабар эмтээчи луохтуурбут: “Сарсын сарсыарда тыллаабы госпитальга барабын” – диэн биллэрбитэ* (СД КС 24) ‘В шестое утро наш лечащий доктор сказал: “Завтра утром едешь в тыловой госпиталь”. Глагольную форму настоящего времени в таких предложениях можно заменить формой будущего времени: *Сарсын сарсыарда тыллаабы госпитальга барабын* ‘Завтра утром поедешь в тыловой госпиталь’. Употребление формы презенса в данном случае придает ситуации в целом модальный оттенок, когда говорящий уверен в том, что указанное событие произойдет обязательно.

Иногда уверенность говорящего в том, что событие, выраженное формой настоящего времени, произойдет обязательно, подкрепляется модальным словом или сочетанием: *Бэйэтэ киирэн биэрдэбинэ бу бөрөлөр, бэлэм сылтах, кинини сииллэр* (ВЯ УоИи 31) ‘Если он сам допустит оплошность, эти волки, как пить дать, загрызут его’ (модальное слово *бэлэм сылтах* ‘как пить дать’). В следующем предложении обязательный характер события подчеркнут модальной частью *эбит* ‘оказывается’: *Дьону кытта ылсыбакка-бэрсибэккэ хайдах олоһор эбиккин* (СЕ ТП 139) ‘Посмотрим, как ты будешь жить, не обмениваясь с людьми’. Таким образом, презенс несет иногда модальную функцию, но эта функция задана, скорее всего, не его базовым значением, а комплексом средств, формирующих структуру речевой ситуации в целом.

Большой интерес в рамках семантического анализа представляет отрицательная форма настоящего времени. В случаях прямого, собственно темпорального употребления эта форма означает, что действие или событие в момент речи не происходит, не наблюдается. Рассмотрим примеры: *Эйигин олус таптыыр киһи баар. Оттон эн кинини хайыырын биллибэт* (ДТ ТА 1954 82) ‘Есть человек, очень любящий тебя. А ты как к нему относишься, не известно’; *Костя онно тоҕо сэрэниэх тустаабын кини бэйэтэ да чопчу билбэт* (НЗ КДУ 247) ‘Почему Костя должен остерегаться этого, он и сам не знает’; *Киэһэ ыраатта. Оо, чэхчы аанньаран бачча хойутаабат* ‘Поздний вечер. О, правда, он зря так не опаздывает’.

Нередко в одном отрезке текста, повествующем о развитии одной ситуации, где события происходят друг за другом, используется одна временная форма. Данным стилистическим приемом подчеркивается “привязанность” событий к одной ситуации: *Айан суолунан биир манан аттаах мааны баҕайы киги айаннатан мэҥилитэн кэллэ. Кэлэн атын сэргэбэ баайан баран, дьиэбэ киирэр. Оҕо маһын сүкпүтүнэн дьиэбэ киирэн, оһох төрдүгэр бырабар, кинитэ уҥа оронго олорор* (К КТ 45) ‘По проезжей дороге резво подъехал очень нарядный человек на белом коне. Подъехав, привязав лошадь к сэргэ, входит в дом. Ребенок, зайдя в дом со связкой дров на спине, бросает у печки, человек садится на правую лавку’.

Важно отметить также, что “системы значений ... формируются одной частью речи, одним типом формантов или одним типом синтаксических единиц” [Всеволодова, 2005, с. 37]. Исходя

из этой точки зрения, для глагольных временных формантов якутского языка системообразующим является темпоральное значение.

Формы предшествования моменту речи

В общелингвистической традиции прошедшее время принято определять как грамматическое время, обозначающее событие, предшествующее моменту речи. По своей семантической природе оно более сложно по сравнению с семантикой презенса, поскольку в этом случае во взаимодействие обязательно вступают не только время самого события и момент изложения этого события, но и тот фон, та ситуация, которая сопутствовала излагаемому событию.

В якутском языке прошедшее время богато не только семантическим потенциалом, но и формальными показателями. Е.И. Коркина приводит 8 форм прошедшего времени: недавнопрошедшее (определенное, категорическое) на *-т* (*-д*, *-л*, *-н*), преждепрошедшее повествовательное (причастие на *-быт* + аффикс принадлежности), прошедшее результативное время первое (причастие на *-быт* + аффикс сказуемости), прошедшее результативное время второе (деепричастие на *-ан* + форма настояще-будущего времени глагола *тур-*), прошедшее эпизодическое время (причастие на *-быт* + аффикс *-лаах*; причастие на *-быт* + аффикс принадлежности + имя *баар*; деепричастие на *-ан* + форма настояще-будущего времени глагола *тур-*), прошедшее незаконченное время (имперфект), которое образуется по моделям причастие на *-ар* + *этэ* и причастие на *-ар* + *а*, давнопрошедшее (преждепрошедшее) время на *-быт* + *этэ*, давнопрошедшее эпизодическое время (причастие на *-быт* + *лаах* + *этэ*; причастие на *-бытым* + *баар* (*суох*) + *этэ*; деепричастие на *-ан* + *турардаах* + *этэ*). Как видно из приведенного списка, подавляющее большинство форм прошедшего времени представляют собой аналитические морфологические конструкции. Это сочетания причастных или деепричастных форм с аффиксом обладания *-лаах*, со служебными именами *баар* 'есть', *суох* 'нет'. Из этих форм, как было отмечено выше, при помощи вспомогательного глагола *этэ* 'было' образуется второй ряд форм, которые называются формами вторичной репрезентации.

В этих конструкциях достаточно прозрачно представлена аспектуальная характеристика действия: результативность в формах первого (причастие на *-быт* + аффикс сказуемости) и второго (деепричастие *-ан* + настояще-будущее время глагола *тур-* 'стоять') прошедших результативных времен, эпизодичность действия: прошедшее эпизодическое время (причастие на *-быт* + аффикс *-лаах* + аффикс сказуемости; причастие на *-быт* + аффикс принадлежности + имя *баар*; и уже приведенная аналитическая конструкция деепричастие на *-ан* + форма настояще-будущего времени глагола *тур-* 'стоять', выражающая прошедшее результативное время второе, давнопрошедшее эпизодическое время, тоже формируемое несколькими аналитическими конструкциями (причастие на *-быт* + *лаах* *этэ*; причастие на *-бытым* + *баар* (*суох*) + *этэ*; деепричастие на *-ан* *турардаах* + *этэ*). Кроме приведенных аналитических форм, приводится еще одна со значением незаконченности действия – прошедшее незаконченное время (имперфект), образуемая по схеме причастие на *-ар* + *этэ* или причастие на *-ар* + *а*. Поскольку в приведенных аналитических конструкциях собственно темпоральная семантика активно взаимодействует с аспектуальной, причем, во многих случаях аспектуальная семантика превалирует, мы ограничимся рассмотрением семантической структуры синтетических форм прошедшего времени.

Форма на *-ды*

Форма на *-ды(-ты)* представлена "во всех современных тюркских языках и начиная с самых древних памятников" [Кормушин, 1984, с. 8] и квалифицируется как показатель "отнесенности действия к прошлому в самом общем виде" – претерита [Там же, с. 9]. Семантической особенностью этой формы в языках тюркской общности является ее нейтральность в отношении категорий аспектуальности и модальности, а также дополнительных временных оттенков.

Важно отметить, что в определении формальной структуры претерита в общетюркской и якутской традиции есть расхождения. Так, в тюркологии показателем претерита считается

формант *-ды/-ты*, тогда как в структуре якутской формы “формообразующим” элементом принято считать *-т* [Коркина, 1960, с. 5]. Вопрос о формальной структуре якутского претерита важен в том смысле, что он затрагивает до сих пор не получивший удовлетворительного решения вопрос якутско-общетюркского соответствия *-с/-т* [Кормушин, 1984, с. 13].

Семантическая структура этой временной формы в якутском языке достаточно богата. Как отмечает Е.И. Коркина, “исследователи якутского языка и авторы практических грамматик по-разному трактовали значение данной формы прошедшего времени. Это, прежде всего, выразилось в различном наименовании ими этой формы. Так, О.Н. Бетлингк и Э.К. Пекарский называли ее перфектом, В.В. Радлов – то имперфектом, то перфектом, С.В. Ястремский и Д. Хитров – прошедшим совершенным временем, П.А. Ойунский – только что оконченным временем, Н.С. Григорьев и Л.Н. Харитонов – недавнопрошедшим временем” [Коркина, 1970, с. 70]. Сложность определения семантики этой формы обусловлена присутствием достаточно сильно выраженного семантического компонента очевидности, достоверности. Так, Е.И. Коркина подчеркивает ее объективность, достоверность: “основное значение разбираемой формы прошедшего времени состоит в выражении определенного, совершенного незадолго до момента речи, действия-состояния, очевидцем которого является само говорящее лицо или в выражении действия-состояния, известного из источников, объективность которых для говорящего лица не подлежит сомнению” [Коркина, 1970, с. 71].

Самое распространенное и, скорей всего, основное значение формы прошедшего времени на *-ды (-ты, -ны, -лы)* – это когда излагаемая ситуация имела место незадолго до того, когда говорящий сообщает о ней, т.е. собственно темпоральное значение. В этом случае излагаемое событие действительно произошло в обозримом временном срезе в пределах данной речевой ситуации: *Көлүйэбэ кустар түстүлэр, ыта обус* (АА СК 1994 75) ‘На озеро сели утки, скорей стреляй’; *Ханна эрэ кыһар тумарык быһыгар онгоойу үөрэ: “ы-ы-ы-ы” – диэн ыллыыра иһилиннэ* (К ТА 107) ‘Где-то в розовом мареве послышалось пение мошкары’; *Утахпын ханнарда даҕаны, Олус да минньигэс баҕайы* (ЛП ОУо 74) ‘Как (хорошо) мне жажду утолил, Очень уж вкусный он’; *Күөлгэ көбөн обото Көттө ууну таһыйа, Хомулунна хочо ото, Чугдаарар үөр туруйа* (ИГ КХ 99) ‘Над озером взлетел детеныш кряквы, Трепыхаясь по воде, Убрано сено с нивы, Курлычет стая журавлей’; *Утарсар туһата суох буолбута чакчы биллиннэ, онон Тогойкин эйэ дэмнээхтик кэпсэтиэн баҕарда* (АА А 103) ‘Стало ясно, что спорить бесполезно, поэтому Тогойкин захотел поговорить мирно’. Как видно из приведенных примеров, в данном случае временные параметры действия-события распространены в пределах восприятия как говорящего, так и собеседника. Выступают в этом значении глаголы разных семантических групп – динамические (*түстүлэр* ‘сели’, *көттө* ‘взлетел’), глаголы состояния (*ханнарда* ‘утолил’, *баҕарда* ‘захотел’).

Во многих случаях форма на *-ды(-ты)* выступает как аорист, т.е. обозначает недлительное совершенное прошедшее действие. Аористивное значение этой формы встречается часто: *Арахсалларыгар Дьөгүөрдээн, барыгыт уоскутунан үллэстинг диэн, Эрдэлииргэ чэй, табах сыһа биэрдэ* (АА ТА 1970 69); ‘При расставании Егордан, чтобы все поделили на каждый рот, дал Эрдэлиру немного чаю, табаку’; *Кини, харабыттан уу-хаар баһа-баһа, мунна сурдургуу-сурдургуу, аатын эрэ “бэрис да” диэн, ытыһын тоһуйда* (СО ТА 57) ‘Он, с полными слез глазами, шмыгая носом, неубедительно говоря “дай же”, протянул руку’; *Төлөтөргө диэн түмүк онордулар* (РК КК 57) ‘Вынесли решение заставить заплатить’; *Оттон Микиитэ хотонго баран эбэтигэр “балык аҕаллылар” диир* ‘А Никита идет в хотон к бабушке и говорит “рыбу принесли”’; *Туох-ханник иннинэ тууларын уга бардылар* ‘Прежде всего пошли ставить верши’; *Дьилээхтэр хоноһону киэһэ чэйгэ ынгырдылар* ‘Хозяева пригласили гостя к вечернему чаю’; *Мин өтөх маһын төнгүргэһигэр олорон, табахтаатым* ‘Я, сев на пень от изгороди, покурил’; *Ык-сал-тиэтэл үлүгэр, Ырбаахытын уһулда* (СД КС 49) ‘Такая спешка, Снял рубаху’. Как видно из приведенных примеров, в аористивном значении чаще всего выступают глаголы активного динамического действия, лексическое содержание которых не предполагает его продолжительного протекания (*биэрдэ* ‘дал’, *тоһуйда* ‘протянул’, *аҕаллылар* ‘принесли’, *бардылар* ‘пошли’, *ынгырдылар* ‘позвали’, *табахтаатым* ‘покурил’, *уһулда* ‘снял’).

Такие действия часто, сменяя друг друга, помогают говорящему построить повествование в виде непрерывного развития событий: *Кини бэйэтин иэhin толордо: кутталлаах сири этэнгэ тумунна, дьону сэрттэ, онон билигин ыраас суобаһынан суолун хайдах баҕарар салгыы турар кыахтанна* (НЗ КДУ 131) ‘Он выполнил свой долг: благополучно обошел опасное место, предупредил людей, поэтому теперь получил возможность с чистой совестью продолжить путь как угодно’; *Мүччүргэннээх кэм дьэ кэллэ, Микиитэ нэж бэргэхэтин түөһүгэр ыга баттанна, таһырдыа диэки сыбарынаата* (АА СК 1963 124) ‘Вот и наступил решающий момент, Микита крепко прижал к груди истертую шапку, попытался к двери’; *Уол бүдүрүйдэ, трамвай үктэлигэр ангар атаһынан тобуктуу түстэ, ангар атаһын тумсунан сиргэ тирэнэн өрүтэ үөмэ сатаата* (АА ТА 1970 25) ‘Мальчик поскользнулся, сел коленом одной ноги на подножку трамвая, опираясь на кончик другой ноги, попытался подняться наверх’.

Упомянутый прием особо распространен в произведениях устного народного творчества, в олонхо, когда говорящий старается достичь максимальной доходчивости повествования. В этом случае форма на *-ды(-ты)* играет важную композиционно-стилистическую роль: *Сирэйиттэн-харабыттан Сизэрэ уота Сирдьигинии тобунна, Сирилии умайда, Хангас хараба Хааһын диэки Ханньары татта, Унга хараба Уоһун диэки Умсары татта* (ДьНьБ 149) ‘Из глаз-лица его Огонь серы Потек с шипением, Загорелся со свистом, Левый глаз его Перекосило к бровям, Правый глаз его Перетянуло вниз К губам’; *Алаас-алаас ахсын Анах сүөһү алтахтаата, Уулаах өттө Умса-төннө түстэ, Оботун ньылбалаата, Оһоллоро үксээтэ, Олохторо оғдолуйда* (ДьНьБ 153) ‘В каждом аласе Рогатый скот Вдруг захромал, Стельные коровы Упали ничком, Выкинули плод, Умножились увечья, Жизнь их разладилась’.

Этот прием используется также для построения диалога в художественных произведениях, когда подчеркивается непрерывный характер обмена информацией: – *Суолбун сүтэрэн, муһан сылдыабын, – кыыс аат аҕай харата хоруйдаата. – Оччоҕо иккиэн биир буолбуннут дии!* – *Ылдыаа биир эрэйгэ эрэйдэммиттэрин быһыытын улаханнык үөрэ, уруургуу санаата* (НЗ КДУ 87) – ‘Потеряв дорогу, заблудившись хожу, – девушка ответила вяло. – Тогда мы оказались в одинаковом положении! – Илья, поскольку они попали в одинаковую беду, воспринял это с радостью, по-родственному’.

Обсуждаемое значение формы на *-ды* отмечает Е.И. Коркина и объясняет его следующим образом: “Употребляя данную форму прошедшего времени, рассказчик или писатель как бы мысленно переносится в описываемое давнопрошедшее время, заново переживает события далекого прошлого, воссоздает их в своей памяти как только что происшедшие. Тем самым он добивается более доходчивого преподнесения этих давнопрошедших событий слушателю или читателю, достигает более яркого, колоритного восприятия” [Коркина, 1970, с. 74]. В некоторых случаях, как мы убедились выше, последовательное применение этой формы в одном отрезке текста создает впечатление быстрой смены действий, динамичного развития сюжета.

Прошедшее время на *-ды(-ты)* часто может иметь оттенок результативности, т.е. темпоральное значение глагольной формы отягощается аспектуальной семантикой. В такой модификации могут употребляться преимущественно глаголы неопредельной семантики, в основном глаголы состояния. В этом случае форма на *-ды/-ты* обозначает не просто достигнутую цель, но и не вытекавшее из намерений субъекта или не зависящее от него положение дел на момент речи: – *Бу да сөп, хайа уонна бириэмэ да ыраатта, – диэтэ кини* (НЗ КДУ 144) ‘И этого хватит, да к тому же и время позднее (букв. далеко ушло)’; *Учууталлар сынньанар дьылэригэр тахсыбытым аһыйах хонно* (НЗ КДУ 140) ‘Прошло (букв. переночевал) несколько дней, как я выехал в дом отдыха учителей’; *Ньургун түгэбэр тийэй ыйдангаран көстөргө айылаах ып-ыраас, сып-сырдык харахтарынан Дмитрийи чыпчылыйбакка утары көрөн турда* (СД МЭЖ 39) ‘Нюргун стоял, не мигая глядя на Дмитрия такими чистыми, светлыми глазами, что, казалось их было видно до дна’; *Эмээхсин өссө тугу сангарар эбит диэн, ах баран турдулар* ‘Молча стояли, ожидая, что еще скажет старуха’.

Оттенок результативности во многих случаях достигается благодаря употреблению формы на *-ды/-ты* в составе полипредикативной конструкции: *Биэс харчылаах дьэс манньыаты да булбатым, арай олох биир муудараһын булдум* (ИГ ХК 1987 197) ‘Я не нашел даже медного

пятака, зато нашел одну мудрость жизни'; *Уол сангарбакка утуйда, ол гынан баран туох эрэ уорбалыыр санаа кини чөмчөкөтүгэр мантан ыла олохсуйда* (АА ТА 1970 83) 'Мальчик молча уснул, но какая-то догадка в его голове с этого дня поселилась'.

Часто результативность действия выражается оформлением фрагмента текста цепочкой монопредикативных предложений минимальной структуры. Препозитивный предикат обозначает действие, которое должно было привести к определенному результату, а постпозитивный – результат этого действия. Например: *Киһилэрин уһугуннараары ынгырдылар. Уһуктубата. Хаһытаатылар, тардылаатылар. Ынгыранан кэбиһээт, түгнэри эргийдэ* (АА ТА 1970 332) 'Позвали его, чтобы разбудить. Не проснулся. Покричали, подергали. Коротко промычав, перевернулся на другой бок'.

Отрицательная форма таких глаголов, соответственно, имеет оттенок безрезультатности: *Мин дьонум кыахтаахтар да, үөрэнэр баһам сүһүбүр турбата* (МД КС 11) 'Мои родители обеспеченные, но мое желание учиться не осуществилось (букв. *не встало на ноги*'); *Оҕобут баай, мааны буоллун диэн, Оскуолаҕа биэрбиппит Баҕабыт хоту буолбата* (К ТА 63) 'Чтобы наш ребенок стал богатым, нарядным, отдали в школу, но не получилось как мы хотели'. В последнем примере отрицательная результативность подчеркнута употреблением для обозначения первого действия формы преждепрошедшего времени (*биэрбиппит* 'мы давно отдали'), тем самым создается оттенок непредвиденности результата.

Семантическая структура формы на *-ды (-ты)* связана не только с перфективным или аористивным значением. В зависимости от конкретной ситуации речи и от семантики глагола эта форма глагола может обозначать и протяженные во времени действия: *Балай эмэ буолан, атын хабылатан, бэйэтэ тото-хана аһаан, ирэн-хорон баран, ити күн түгүннэри төнүннэ* 'Довольно долго задержавшись там, дав поесть своему коню, сам досыта наевшись, отогревшись, в тот же день ночью возвратился'; *Микиитэни сурдьун курдук таптыыр Маайыс, саҕата суох санааргыы сырытта* (АА ТА 1970 497) 'Любящая Микиту как младшего брата Маис, молча ходила в печали'; *Туох буолаҕай, дьэ, биллэҕим диэн, ол саҕа хоту бардым* 'С целью узнать, что случилось, я двинулся в сторону того голоса'. Как видно из приведенных примеров, аспектуальное значение протяженности действия формы на *-ды/-ты* в этом случае поддерживает лексическое значение неопределенных глаголов (*төнүн-* 'возвращаться', *сырыт-* 'ходить', *бар-* 'уходить').

Значение формы на *-ды(-ты)* тесно переплетается с аспектуальной семантикой в составе аналитических конструкций. Например, быстрая смена действий может передаваться глагольной формой на *-ды(-ты)* в сочетании с деепричастными формами: *Полковник чыпчылыыях бэтэрээ өттүгэр трамвай диэки ыстанан кэбистэ. Сангардыы тэйэн ээрэр трамвайы ситэ баттаата, уолу синнигэс биһилиттэн бобу харбаан ылла, мүлчү тарта уонна трамвай иһин диэки куду анньан кэбистэ* (АА ТА 1970 65) 'Полковник в мгновение ока бросился к трамваю. Он догнал только отходивший трамвай, схватил мальчика за талию, оторвал и протолкнул его внутрь трамвая'; – *Онто суох биһиги аҕабыппыт арыгыһыта бэрт, алҕаһаабыта да буолуо! – Ньургууна күлэ түстэ* (АС КХ 36) 'Да к тому же наш батюшка очень много пьет, может, и ошибся! – Нюргуна рассмеялась'; *Киэһэ халлаан илин иититтэн өрө көтөн тахсыбыт Үргэл сулус халлаан оройун ааһан арбаа диэки таннары хойуостан түһэн барда* (НЯ Т 1960 100) 'Звезда Плеяды, взлетевшая наверх вечером с восточного небосклона, миновав небесную высь, начала спускаться вниз головой к западу'; *Бу олонор, Кылбанов Аласовы ордугурбаан, дьолун-соргутун былдьаппыкка дылы, киниэхэ өстүйэ санаан кэллэ* (СД СТТ 1967 566) 'Сидя так, Кылбанов, завидуя Аласову, как будто лишившись счастья из-за него, вдруг к нему начал испытывать ненависть'. Во всех приведенных примерах деепричастные формы (*ыстанан* 'прыгнув', *харбаан* 'схватив', *анньан* 'толкнув', *күлэн* 'засмеявшись', *түһэн* 'спутившись', *өстүйэ санаан* 'испытав ненависть') имеют информативное значение и обозначают само действие. Представляется важным не сбрасывать со счетов также исконную семантику формы на *-ан*, которое квалифицируется как значение постоянства и продолжительности. Финитные формы в таких конструкциях играют служебную роль и обозначают грамматическое

время. Во многих случаях при определении семантической доминанты важную роль играет соотношение значений глагольных основ, выступающих в качестве компонентов аналитической конструкции.

Е.И. Коркина отмечает также модальное значение формы на *-ды(-ты)*, которая “может употребляться в языке также в значении будущего времени, относясь к действию, предстоящему в близком или отдаленном будущем, но в скором совершении которого говорящее лицо вполне уверено и почти мыслит его как уже совершившееся” [Коркина, 1970, с. 74]. Действительно, такое употребление формы на *-ды/-ты* распространено довольно широко, например: *Мин Дулбалаахнын ылабын. Бөтүрүөп күн хотуурбун сүктүм да бардым* ‘Я забираю свой “Дулгалах”. В Петров день я взял косу на плечо и пошел’. В данном случае типовое категориальное значение осложнено субъективным модальным значением. В итоге форма на *-ды/-ты* несет, во-первых, значение реальности, заданное индикативом, во-вторых, категориальное значение темпоральности, на которые накладывается субъективное модальное значение, обусловленное задачами коммуникативной ситуации или конкретного текста.

Таким образом, прошедшее категорическое время на *-ды/-ты* предстает как форма с четко выраженным значением аориста – недлительного совершенного прошедшего действия, которое накладывается на модальное значение достоверности происходящего. Такая семантическая структура формы на *-ды* позволяют ему активно строить композиционный рисунок текста. Значение совершенности действия иногда принимает оттенок результативности, что представляется логически закономерным.

Форма предшествования на *-быт*

Эта форма времени известна всем тюркским языкам (в большинстве из них *-мыш*). Она определяется как древняя форма перфекта, которая “широко употребляется в языке орхонских памятников VIII в.” [Кормушин, 1984, с. 43]. Более того, формы с этим показателем “как содержательный элемент грамматической системы (граммему) с полным основанием можно постулировать для пратюркского состояния, поскольку он наличествует абсолютно во всех (без исключения) современных, средневековых и древних тюркских языках” [Там же, с. 412]. В тюркологической литературе эту форму принято рассматривать в системе относительных времен как преднастоящее. В отличие от формы на *-ды*, обсуждаемая форма с временной функцией сочетает причастную, это обстоятельство, безусловно, накладывает дополнительную нагрузку на ее семантическую структуру. В современном якутском языке форма на *-быт* послужила основой двух временных форм: преждепрошедшего повествовательного (*-быт* + аффикс принадлежности) и прошедшего результативного (*-быт* + аффиксы сказуемости). Первую форму Е.И. Коркина определяет так: “Форма данного времени передает ... определенное, реально уже совершившееся к моменту речи действие, участником, свидетелем которого было говорящее лицо, и в объективности которого последнее совершенно уверено” [Коркина, 1970, с.78]. Как можно судить из приведенного определения, важным составляющим семантической структуры этой временной формы является модальное значение достоверности, освидетельствованности действия. Но в отличие от формы на *-ды*, она “служит для обозначения таких прошлых действий, которые отдалены от момента речи относительно более длительным отрезком времени” [Там же].

Главное отличие функции формы на *-быт* + аффикс принадлежности – это преимущественное употребление в повествовательной речи, для изложения давно состоявшихся ситуаций, что дало повод Е.И. Коркиной назвать ее преждепрошедшим повествовательным. Действительно, наиболее распространенным, базовым значением ее выступает такое значение, когда событие имело место задолго до момента речи. Правда, промежуток времени, который отделяет момент речи от состоявшегося события, может быть разным, но оно не должно быть привязано к настоящей ситуации речи. По этой причине данная форма широко применяется при изложении воспоминаний, исторических событий, она также часто используется в тексте сказок: *Күөх тумул эбэ хотун хооннулары, томторун сабалары киһи бөбө лыык курдук мустубута. Бу көргө аттаах атынан, сорох сатыы, ололуун-дьахтардыын бары кэлбиттэрэ*

‘По равнинам, по краям пригорков великой матушки зеленого мыса собралось полным-полно народу. На это развлечение у кого лошадь верхом, некоторые пешком, и дети, и женщины все пришли’; *Сатай бу дуоспуруннаах киһини көрөөтүн уйатыгар уу киирбитэ* (ДТД 215) ‘Как только Сатай увидел этого серьезного человека, в его душу закралось беспокойство’; – *Олох чугас, оол баар, – дии-дии, Киппирийээн тыа сабатыгар турар дьиэни түннүгүнэн ыйан көрдөрбүтэ* (ДТ ТА 1954 168) ‘– Совсем близко, во-от он, – с такими словами Киприян указал через окно на стоящий у опушки леса дом’.

Во многих случаях указывается точное время состоявшегося события: *Витябын атаа-рабын диэн, икки хонуктаабыта барбыта* (ВЯ УоИи 148) ‘Сказав, провожаю моего Витю, уехала два дня назад’; *Петр холкуоһугар кэлбитэ уонча хоммутун кэннэ, биһрдэ күнүс дьиэ-тигэр олоодобуна, почтальон сылдьан суругу туттарбыта* (СД КС 66) ‘Примерно через десять дней с того времени, когда Петр приехал в свой колхоз, однажды днем, когда он сидел дома, заходил почтальон и вручил письмо’.

Данная форма предстает иногда как перфективная, т.е. в ее значении может присутствовать элемент результативности. Этому способствует, по всей вероятности, ее причастное происхождение – действие представлено как признак, присутствующий при субъекте. Существенное значение имеет также семантика глагольной основы. Например: *Биир сарсыарда мин эмиз төбөм ыалдьыбыта, сүрэжим өлөхсүйбүтэ* (ХС 1970 3 16) ‘Однажды утром у меня тоже заболела голова, меня затошнило’; *Массыына сыыры өрө дабайан тахсан, суол тобонобор киирэн, бэйэтэ көстүбэт буолан, көтүппүт буора-сыыһа эрэ күдээрийэн хаалбыта* (ДТ ТА 1954 54) ‘Машина, забравшись наверх по горке, заехав за поворот, сама пропала из виду, только поднятая ею пыль осталась клубиться’; *Оболоох эһэттэн куотаммын, Оруктаах тишкэ ыттаммын, Түүнү быһа хаайтарбытым, Түмүгэр утуктаан барбытым* (ПТ Э 126) ‘Убежав от медведя с детенышем, Забравшись на лиственницу с густыми ветвями, На всю ночь задержался, В конце концов начал засыпать’. Оттенок результативности достигается благодаря семантике глагола – в первом примере это глаголы состояния (*ыалдьыбыта* ‘заболела’, *өлөхсүйбүтэ* ‘затошнило’), во втором – динамический процессуальный глагол со статическим значением (*хаалбыта* ‘осталась’). В третьем примере эффект результативности достигается путем специального указания протяженности действия (*түүнү быһа* ‘всю ночь’) и применением аналитической конструкции с начинательным значением (*утуктаан барбытым* ‘начал засыпать’).

Таким образом, прошедшее повествовательное время в современном якутском языке обозначает ситуацию, которая имела место задолго до момента речи. Как правило, эта ситуация логически не связана с настоящим моментом речи. Во многих случаях точное время этой ситуации в тексте указывается. Иногда, когда специально отмечается протяженность события, оно может иметь оттенок результативности, приближаясь к перфекту. Представляется важным добавить, что семантическая структура прошедшего повествовательного времени во многом определяется также формирующим его аффиксом принадлежности.

Форма предшествования на -быт + аффикс сказуемости

Данная форма прошедшего времени по значению соответствует общетюркской перфектной форме на *-мыш*. В тюркологии “обычно перфект определяют как действие, которое совершилось в прошлом и результат которого наличествует в настоящем. Учитывая системность временных форм, точнее будет сказать, что форма перфекта актуализуется в соотношении с формой настоящего времени как относительно прошедшее, т.е. прошедшее только по отношению к моменту речи” [Кормушин, 1984, с. 40]. Как видно из приведенного определения, обсуждаемая форма охватывает семантические зоны как прошедшего, так и настоящего времени.

В якутском языке она “выражает именно такое действие, которое будучи совершенным в прошлом, обнаруживается по своему результату в настоящий момент” [Коркина, 1970, с. 84]. Другими словами, в этой форме превалирует значение результативности. По мнению И.В. Кормушина, эта форма, наряду с временной формой, образованной по модели *быт + лаах + аф*.

сказуемости, “базируются на причастной разновидности формы на *-byt*” [Кормушин, 1988, с. 419].

Особенность якутской перфектной формы заключается в том, что при ее употреблении момент речи совпадает с моментом фиксации произошедшего события со временем этого события: *Уой, доботтоор, Оройдуу түстүм: Хоодуот редактор Хотуулаахтык сарбий-быт Хоһооннорум оҕолорун!* (ЛП ОУо 1966 41) ‘Ой, друзья, Понял вдруг: Храбрый редактор Решительно сократил, оказывается, Милые мои стихи!’; *Сатаатар, хаһан төһнөрбүн эптэтэхпин* (АА КСХ 313) ‘К тому же, я не сказал, когда вернусь’; *Мин, быһыыта, Сөдүөккэ сыыһа эргэ тахсыбыппын* (БДь МС 39) ‘Я, видимо, вышла замуж за Федота по ошибке’.

В приведенных примерах семантическую структуру глагольной формы осложняет “заглазность” произошедшего события, “незасвидетельствованность” его в момент речи, потому что ни говорящий, ни собеседник не могли быть его свидетелями. Тем не менее, это время простирается в пределах изъявительного наклонения, основным признаком которого является достоверность ситуации. Дополнительный модальный оттенок этой формы обусловлен также тем, что часто достоверность события обнаруживается только в момент речи, оно неожиданно для говорящего.

В современном якутском языке форма результативного времени часто употребляется как преждепрошедшее, когда, по мнению говорящего, от момента события до момента речи прошло достаточно времени: *Хомоҕо сөтүөлээн баран, биһиги чаран күлүгэр тахсан, сынньана олобуппут* (НЗ КДУ 29) ‘Искупавшись в заливе мы, выбравшись под тень рощи, сидели отдыхая’; *Биһиги уолбут, кэлин диэн, киһи ыыта сылдыбыт, онуоха кэлбэтэх* (АС ТА 1964 127) ‘Наш сын, чтобы она вернулась, отправлял, оказывается, человека, но она не приехала’; *Ол кэлэн, ханна сүтэ сылдыбытын быһыта-орута кэпсээтэбинэ Кэчинэ тиэргэнтэн тахсаат, атыһыт барбыт айанын суолунан көтүппүт* (ХС 1970 3 33) ‘Когда он, приехав, отрывками рассказал о том, где пропал, Кэчинэ, тотчас выехав со двора, поскакала по дороге, по которой уехал купец’. Иногда давность события подчеркивается при помощи лексемы: – *Мин эйигин эрдэттэн сэрэппитим эбээт: бороҕоттору сэнээмэ диэн* (Д ТД 256) ‘– Я ведь заранее предупредил тебя: не пренебрегай борогонскими’.

Глаголы состояния часто обозначают прошедшее время с оттенком длительности, когда состоявшееся событие трактуется как признак субъекта: *Маайа дьонун түптэлэрин буруота алаас күөх оттоох хонуутун арбаа саҕатын солко лиэнтэнэн саба халыйбыт* (НЯ Т 1960 125) ‘Дым от дымокура Майных родителей накрыл шелковой лентой западный край поросшей зеленой травой поляны’; *Билигин аны субу да сис үөһүттэн оруу тардан таһааран, кинини сүдү дьүүлүнэн дьүүлүүр кутталлара суоһаабыт* (ДТ ТА 1954 198) ‘Теперь вот нависла опасность, что будут судить строгим судом, вытащив даже из этой глухой тайги’. В этом случае результат ранее произошедшего действия или события продолжает присутствовать и в момент речи.

Иногда результатив обнаруживается в чистом виде: *Ол киһэттэн ыла үс сыл ааспыт* (К КТ 8) ‘С того вечера, оказывается, прошло три года’; *Марба уһуктубута, күн үөһэ ойбут* (К КТ 18) ‘Когда Марба проснулась, солнце оказалось высоко’. В последнем примере результатив употребляется на фоне формы другого прошедшего времени – преждепрошедшего (*уһуктубута* ‘проснулась’) и тем самым его семантика еще больше оттеняется.

Как показывает наш материал, форма прошедшего времени на *-быт + аффикс сказуемости* в современном якутском языке служит основным способом выражения перфективности. Семантическая зона этой формы простирается от времени действия до момента речи. Эта временная форма наделена сильным модальным оттенком, поскольку ситуация, о которой идет речь, состоялась без свидетелей, но при этом говорящий имеет основание быть уверенным в ее достоверности. Иногда эта форма употребляется как средство обозначения предшествующей ситуации.

Форма предшествования на -ара

Эта форма в исследованиях по якутскому языку получила название прошедшего незаконченного времени. В ее семантической структуре Л.Н. Харитонов и Е.И. Коркина подчеркивали прежде всего продолжительность действия. По мнению Л.Н. Харитонova, “в форме этого времени глаголы выражают действие, процессы состояния, продолжавшиеся в течение известного периода или момента прошедшего времени” [Харитонов, 1947, с. 213]. Е.И. Коркина полностью поддерживает своего предшественника: “Данная форма прошедшего времени выражает такое совершившееся в прошлом действие, которое имело длительный характер, т.е. длилось довольно продолжительное время в прошлом” [Коркина, 1970, с. 121]. Она сравнила эту форму с тюркским имперфектом: “якутский имперфект по своей функции соответствует как определенному, так и неопределенному имперфекту в других тюркских языках, т.е. может выражать действие, как совершенное в определенный отрезок времени, так и неограниченное никакими рамками времени” [Коркина, 1960, с. 12].

В современной лингвистике имперфект понимается “как видо-временная форма глагола, обозначающая прошедшее действие или состояние, рассматриваемое в процессе его протекания или повторения без указания на момент завершения или прекращения” [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 174]. Другими словами, в семантической структуре этой формы должны содержаться следующие значения: временное значение предшествования и аспектуальное значение продолжительности или повторяемости. Рассмотрим примеры: *Сылын аайы от кэбиһиллэр хас даҕаны үүт күрүөлэр кураанах тураллара* (ВП К 216) ‘Несколько слововых изгородей, в которые ежегодно сметались стога сена, стояли пустые’; *Күөх оттору, чээлэй сибэкиллэри быыстарынан үрүн үрүмэччилэр көтөн туттаннаһаллара* (ДТ ТА 1954 154) ‘Между зелеными травами, яркими цветами летали белые бабочки’; *Ыһыахха барааччылар саналара, ырыалара-тойуктара күөх тыаны быыһынан ой дуораана буолан чугдааран иһиллэрэ* (ДТ ТА 1954 154) ‘Голоса, песни-тойуки идущих на ысыях людей слышались в лесу, раздаваясь как эхо’. В приведенных примерах выражены ситуации, предшествующие моменту речи. В этих предложениях в форме имперфекта выступают неопределенные процессуальные глаголы, что накладывает на ситуацию оттенок продолжительности. Кроме того, здесь события представлены говорящим как достоверные, говорящий был их свидетелем, наблюдателем, что тоже представляет собой дополнительный модальный оттенок.

В некоторых случаях временная локализация может быть конкретизирована при помощи лексических единиц. Но лексическая семантика этих единиц не содержит указания на точный временной отрезок, и это усиливает аспектуальное значение протяженности действия: *Оччотообуга кини, онус кылааһы сангардыы бүтэрбит уолчаан, Москваҕа үөрэнэ баран иһэрэ* (СД КС 65) ‘В то время он, только что окончивший десятый класс мальчик, ехал в Москву учиться’; *Кини обонньоруунуун саастарын тухары харанаттан харанга диэри Туруйалаах тойонугар үлэлиллэрэ* (АА ТА 1970 254) ‘Она с мужем всю жизнь от темна до темна работали на хозяина Туруялаха’.

Как свидетельствует наш материал, глаголы состояния преимущественно представляют ситуацию как повторяющуюся, обычную для субъекта. Это обусловлено узуально-характеризующей семантикой глагольной основы: *Мин да арааска тиксэрим, Бэйи эрэ, кэпсиим биһрдэһин* (ПТ Э 126) ‘Я тоже попадал во всякие истории, Давай-ка, я расскажу одну из них’; *Кини Сергей хас кэллэбин ахсын тугу эмэни истиэм диэн күүтэрэ өтө биллэрэ уонна, туох да сананы, сонуну истибэккэ, хом түһэр буолара* (СД СТТ 1967 431) ‘Было явно заметно, что она каждый раз, когда приходил Сергей, ожидала услышать что-нибудь и не услышав ничего нового, интересного, обижалась’. В приведенных примерах семантика глагольных основ *тигис-* ‘подвергаться чему-либо’, *хом түс-* ‘обижаться, разочаровываться’ способствуют тому, что ситуации воспринимаются как обычные свойства субъекта. Регулярность действия подчеркивается также лексическими средствами (*арааска* ‘во всякое’, *ахсын* ‘каждый раз’).

В целом форма прошедшего незаконченного времени в системе глагольных темпоральных форм предшествования современного якутского языка представлена как имперфект. В семантической структуре этой формы задействованы значение продолжительности пред-

ставленной ситуации и узуально-характеризующее значение. Основанием разграничения служит семантика основы глагола: процессуальные глаголы характеризуют ситуацию как продолжительную, непрерывную, а с глаголами состояния преимущественно связано значение обычности ситуации. Таким образом, аспектуальность является важной составляющей функционирования этой формы.

Из сказанного по поводу форм предшествования вытекает следующее:

Морфологические способы выражения предшествования представлены следующими формами: формой на *-ды(-ты)*, формой на *-быт* + аффикс принадлежности, формой на *-быт* + аффикс сказуемости, формой на *-ара*. В семантической структуре форм предшествования задействованы временное и аспектуальное значения. Некоторые формы содержат сильно выраженное модальное составляющее. При этом функция каждой формы простирается в известных пределах: форма на *-ды* (прошедшее категорическое время) выступает в основном как форма с аористивной функцией, т.е. представляет ситуацию как состоявшуюся в течение непродолжительного времени незадолго до момента речи. Форма на *-быт* + аффикс принадлежности (преждепрошедшее повествовательное время) обозначает действие, предшествующее моменту речи, но в этом случае сильно выражена достоверная модальность. Форма на *-быт* + аффикс сказуемости сильно выраженный семантический компонент результативности, т.е. это преимущественно перфектная форма. Она часто представляет ситуацию как обычное действие, свойство субъекта. Форма на *-ара* подчеркивает в представляемой предшествующей моменту речи ситуации ее продолжительность, т.е. в ней присутствует сильно выраженная аспектуальная составляющая.

Форма следования за моментом речи

В современном якутском языке морфологический способ выражения следования представлен формами, образованными от причастий *-ья* и *-ьях*. По мнению исследователей, это на самом деле разные грамматические единицы: “причастие на *-ья* употребляется только в финитном значении и показывает неопределенное будущее время глагола” [Филиппов, 1996, с. 169]. А форма на *-ьях* характеризуется как полифункциональное причастие, которому присущи как финитное, так и нефинитное употребление [Там же]. Подобного мнения придерживалась Е.И. Убрятова. Она считала что “в современном якутском языке форма на *-ья* является собственно глагольной и лишь отрицательная форма *-ья суох* выступает как причастие. Форма же на *-ьях* – живое причастие, сохранившее всю полноту синтаксических функций” [Убрятова, 1976, с. 53].

Существует и другая точка зрения происхождения формы следования, согласно которой форма на *-ья* представляет собой стяженный вариант причастия на *-ьях*. Е.И. Коркина, высказавшая это мнение, аргументирует такой подход тем, что, во-первых, “никакой семантико-смысловой разницы между этими двумя формами не ощущается, во-вторых, факты аналогичного фонетического стяжения якутский язык допускает и во многих других случаях” [Коркина, 1970, с. 53].

В якутоведческой традиции грамматическим значением обсуждаемых форм принято считать обозначение действия, наступающего после момента речи. Но при этом подчеркивается наличие у этих форм широкой палитры ярко выраженных модальных значений [Филиппов, 1996, с. 41-46].

Основное значение форм следования – представление ситуации как еще не имевшей место, но имеющей перспективу состояться. При употреблении этих форм глагола ни один из участников речевой ситуации не может считать себя ее свидетелем. Таким образом, эта форма обладает сильным ирреальным оттенком. Это дает основание некоторым исследователям “трактовать будущее время как граммему особой грамматической категории (а в более радикальном варианте – вообще не считать базовым значением этой грамлемы временной дейксис)” [Плунгян, 2000, с. 269]. Но в якутском языке форма следования на *-ья/-ьях* стоит в ряду временных форм, образуя логическую линию “до момента речи – в момент речи – после момента речи”, т.е. ряд предшествование – одновременность – следование.

Несмотря на сильный ирреально-модальный оттенок, форма на *-ыа/-ыах* представляет ситуацию как достаточно достоверную: – *Абам сөбүлээбэтэ, абабам буойда. Ийээ, уоскуй, ити кэннэ мин тугу да сангарыам суоҕа, сымыыттааҕар бүтэйдик, балыктааҕар кэлэбэйдик сылдьыам* (Д ТД 23) ‘Отцу не понравилось, дядя одернул меня. Мать, успокойся, впредь я не буду ничего говорить, буду вести себя ниже травы, тише воды’; *Ол өлбүттэр ортолоругар мин суох буолуом диэн киһи хайдах эрэниэн сөбүү?* (СД МЭЖ 51) ‘Как же человек может надеяться, что не окажется среди мертвых’.

Достоверность будущего действия часто усиливается при помощи различных языковых средств: *Атыыр көбүллээх курдук киһи буола түһүөн* (АА СК 1963 483) ‘Сразу станешь человеком, похожим на гоголя-самца’. В представленном примере достоверность будущего действия подчеркнута глагольной аналитической конструкцией *буола түс-* ‘тотчас превратись в кого-л.’ с аспектуальной семантикой ускоренности действия.

В нижеприведенных высказываниях реальность будущих действий подчеркнута лексическими единицами: *Оттон мин аны күһүн, эн куоракка киирдэххинэ, манна тахсан үлэлиэм* (СД КС 74) ‘А я будущей осенью, когда ты уедешь в город, приеду сюда и буду работать’; – *Галя, күн сарсын суукка көрдөһүү киллэриэм* (НЯ С 616) ‘– Галя, завтра же внесу прошение в суд’; *Мин эйиэхэ көрдөөбүккүн биэриэм* (АА СК 1963 482) ‘Я тебе дам то, что ты просишь (т.е.: *ты у меня получишь*)’. В последнем высказывании употребление формы предшествования в составе фразеологического сочетания в первом лице позволяет представить ситуацию как вполне реальную.

Модальное значение гипотетичности, ирреальности часто обеспечиваются применением модальных слов. Например: *Аны били акаары кутталыттан ууга, уокка түһэн өлүү* (АС ТА 1964 106) ‘Чего доброго, этот дурак погибнет, свалившись от испуга в воду, в огонь’; *Билигин, баҕар, ол сирбит бэйэбитигэр төннүү* (АА СК 1963 388) ‘Теперь, может, тот надел опять вернется нам’.

Таким образом, временная форма на *-ыах/-ыа* представляет ситуацию как еще не имевшую место и занимает свое место в ряду предшествование – совпадение – следование по отношению к моменту речи. Специальными языковыми средствами (чаще всего лексическими) подчеркивается реальность – ирреальность ситуации. В целом форма будущего времени от других времен изъявительного наклонения отличается большей долей ирреальности своего содержания и наличием большего количества других модальных значений – сомнения, намерения, предостережения, угрозы и т.д.

Систему времен изъявительного наклонения современного якутского языка составляют формы, представляющие реальные ситуации с точки зрения их временной локализации относительно момента речи. Семантическая структура каждой временной формы формируется сочетанием ее реально-модального, аспектуального и собственно-темпорального значений. При этом в каждой временной форме названные значения взаимодействуют по-разному. Формы прошедшего времени представляют событие как реальное (достоверное), предшествующее моменту речи. Ситуация может быть представлена как преимущественно аористивная (форма на *-ды*) или как преимущественно результативная (форма на *-быт*), т.е. эти формы разнятся и по аспектуальной характеристике: аорист связан с кратковременными событиями, результатив – с продолжительными. В якутском языке формы предшествования имеют различную степень временной удаленности от момента речи: менее удаленное событие обозначается формой на *-ды(-ты)*, более удаленное – формами на *-быт*. Форма настоящего времени связана с реальной модальностью и с продолжительным событием. Будущее время отличается ирреальностью содержания, имеет нейтральную аспектуальную характеристику.

РАЗДЕЛ 2.

ГЛАГОЛЬНАЯ КАЧЕСТВЕННОСТЬ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

В данном разделе рассматриваются средства выражения глагольной качественности в якутском языке в рамках модели функциональной грамматики, базирующейся на понятии функционально-семантического поля [Бондарко, 2002; ТФГ, 1996а; ПФГ, 2005]. Под качественностью понимается семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории качества. Впервые категория качества была выделена Аристотелем как одна из десяти основных категорий бытия в его трактате “Категории”. В числе других категорий были перечислены сущность, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание. В трактатах “Метафизика” и “Категории” Аристотель рассмотрел различные смыслы и аспекты категории качества, которое понималось им как видовое отличие сущности, совокупность свойств, делающих предмет таковым, а не иным. Аристотель выделял различные виды качеств, относя к первому виду устойчивые и преходящие свойства, ко второму врожденные способности или неспособности человека, к третьему претерпеваемые свойства и состояния (например, сладкий, горький, колючий, белый), а под четвертым видом качеств имелись в виду внешний облик, форма, фигура, очертания вещей.

Как видно, подразделяя качества на свойства, Аристотель отличает их друг от друга. В современной философии сложилась аналогичная ситуация. Так, в философском словаре отмечается, что “качество есть существенная определенность предмета, в силу которой он является данным, а не иным предметом и отличается от других предметов. Качество предмета не сводится к отдельным его свойствам” [Философский ..., 1975, с. 171]. То же самое подчеркивается в философском энциклопедическом словаре: “Категория качества объекта не сводится к отдельным его свойствам. Она выражает целостную характеристику функционального единства существ. свойств объекта, его внутр. и внешн. определённости, относит. устойчивости, его отличия от др. объектов или сходства с ними” [Философский ..., 1983, с. 253].

В логике под качеством понимается “совокупность свойств, указывающих на то, что собой представляет предмет; объективная определенность предмета, в силу которой предмет является данным, а не иным предметом, отграничивающая данный предмет от всех других предметов и с исчезновением которой предмет перестает существовать как данный предмет. Изменение качества влечет за собой коренное изменение данного предмета. Качество предмета выявляется через многочисленные свойства предмета” [Кондаков, 1971, с. 211]. Как видно из определения, качество является родовым понятием над свойством, которое определяется как “то, что присуще предметам, что отличает их от других предметов или делает их похожими на другие предметы (напр., твердость, шероховатость, упругость, теплопроводность и т. д.). Каждый предмет обладает бесчисленным множеством свойств. Проявляются свойства в процессе взаимодействия предметов, но, подчеркнем, проявляются, но не появляются. ... Свойства делятся на существенные, без которых предмет существовать не может, и несущественные. Совокупность существенных свойств предмета выражает его качественную определенность” [Кондаков, 1971, с. 457].

В языкознании же сложилась существенно отличная ситуация. Ни качество, ни свойство не включены как самостоятельные термины в ЛЭС 1990 и в “Словарь лингвистических терминов” О.С. Ахмановой. В последней работе, однако, присутствуют равнозначные и взаимозаменяемые термины “имя качества” и “имя свойства”, под которыми понимается “отвлеченное существительное, образованное от прилагательного со значением определенного признака; *русск.* доброта, белизна” [Ахманова, 1966, с. 175, с. 396]. Таким образом, в языкознании имеется сильная тенденция к совпадению понятий качества и свойства, когда слово *качество* многозначно и понимается, с одной стороны, как качественная определенность предмета, совокупность свойств, определяющих специфику вещи, и, с другой стороны, как отдельное свойство [Павлов, 1996, с. 12]. Мы будем придерживаться мнения, что в языкознании целесообразны оба значения термина *качество* [Павлов, 1996, с. 8] и что категория качественности является языковым отражением этих двух значений.

Смысловое содержание категории качественности составляют качественные значения, которые можно выделить в языке и которые в основном совпадают со значениями качественных прилагательных, что и не удивительно, поскольку из всех частеречных разрядов именно прилагательное обладает способностью обозначать качество непосредственно. Неслучайно, как указывает В.В. Виноградов, ряд языковедов предлагал заменить термин “имя прилагательное” на “имя качественное” [Виноградов, 2001, с. 157]. В зарубежной функциональной лингвистике также выдвигалось утверждение о том, что концепты (понятия), обозначающие качество/свойство, по умолчанию лексикализуются как прилагательные [Hopper & Thompson, 1984; Thompson, 1989]. Итак, в семантической категории качественности можно выделить следующие значения, которые составляют ее смысловую основу: признаки предметов, которые обычно воспринимаются органами чувств (цвет, масть; вкусовые качества; вес, размер; температура; форма, фигура, внешний вид, облик; физический недостаток); свойства характера и особенности психологического склада; свойства, обозначающие знания, способности, умения; общая качественная оценка; абсолютный признак предмета, который является неизменным, постоянным (например, *глухой, хромой, женатый, пеший*); привязанности, привычки, склонности, пристрастия. Как видно, качественная характеристика может быть условно подразделена на эмоционально-психологическую и физическую.

Семантическая функция качественной характеристики реализуется при помощи двух синтаксических функций – атрибута и предиката. Атрибутивные отношения, которые устанавливаются между определяемым существительным и определением, – это “такие отношения, при которых признак мыслится не отвлеченно, а в единстве со своим носителем” [Лингвистический ..., 1990, с. 349]. Атрибут выполняет две основные функции: ограничительную, “выделяя обозначенный им предмет из ряда однородных и тем самым индивидуализируя его”, и описательно-распространительную (там же). Предикативное отношение – это отношение между субъектом (подлежащим) и предикатом (сказуемым), при котором предикат содержит определенную информацию о субъекте: “предикат – не всякая информация о субъекте, а указание на признак предмета, его состояние и отношение к другим предметам” [Лингвистический ..., 1990, с. 392]. При атрибутивных отношениях связь между наименованием субстанции и обозначением признака представляется “как непосредственно данная в акте обозначения”, а при предикативных отношениях – “как устанавливаемая, приписываемая предмету, лицу” [Виноградов, 1975, с. 235]. А.В. Бондарко также обращает внимание на дискретность предикативной качественности: предикат никогда не сливается в единое целое с субъектом, тогда как при атрибутивной качественности признак и его носитель объединяются в составе единого сложного комплекса [Бондарко, 1996, с. 6]. Как было отмечено В.В. Виноградовым, “между определительными (или атрибутивными) отношениями и отношениями предикативными наблюдается самое тесное взаимодействие: они взаимозаменяемы” [Виноградов, 1975, с. 236]. Тем не менее, взаимозаменяемость не всегда бывает возможна. Параллелизм между предикативным и атрибутивным использованием призначных лексем разрушается в ряде контекстов [Bolinger, 1967; Baker, 2003, с. 203-205]. Это связано с разными параметрами, в том числе с различием в характере обозначаемого свойства, его временности или постоянстве, а также с различием в характере отношения между субъектом и предикатом. Эти различия получили наиболее яркое выражение в работе Г. Карлсона, посвященной типам предикатов, которые подразделяются на предикаты сценического уровня (*stage-level predicates*), предикаты индивидуального уровня (*individual-level predicates*), предикаты родо-видового уровня (*kind-level predicates*), а также коллективные и дистрибутивные предикаты (*collective and distributive predicates*) [Carlson, 1977a,b]. Предикаты сценического уровня, которые обозначают временные, проходящие состояния субъекта (*голодный*), демонстрируют наибольшую вариативность синтаксических позиций. Предикаты индивидуального уровня, которые выражают устойчивые, постоянные свойства (*умный*), более ограничены: не всегда их атрибутивному использованию соответствует предикативное. М.В. Сандакова [2006] рассматривает ограничения, накладываемые метонимическим смещением на трансформации атрибутивной структуры в предикатную. Так, лексическая метонимия не ограничивает возможности прилагательного в

отношении его синтаксической позиции, в отличие от метонимии дискурсивной, которая возможна только в позиции атрибута. В якутском языке примером такой дискурсивной метонимии может служить следующая пословица, выражающая развязавшуюся словоохотливость: *Хоммут уоһа хонгунна, өрөөбүт уоһа өһүлүннэ* ‘Освободились ночевавшие губы, развязались дневавшие губы’ (СЯПП 14). В этом примере позиция предиката невозможна: *уос хоммут; *уос өрөөбүт. Здесь произошло контекстное смещение значений *хоммут* ‘ночевавший’ и *өрөөбүт* ‘дневавший’ с хозяина на его губы, вследствие чего причастия прошедшего времени приобрели возможность выступить в качестве определений к существительному *уос* ‘губы’. В то же время, атрибутивное словосочетание *ардьайбыт тиис* ‘оскалившиеся зубы’ легко преобразуется в предикатную конструкцию, поскольку здесь изначально причастие *ардьайбыт* было употреблено в своем прямом значении. Еще один пример затрагивает два равнозначных варианта пословицы, где причастие настоящего времени не подверглось метафоризации и появляется в обоих членопредложенческих позициях: (атрибут) *Устар ууну сомободуур уус тыллаах*. Обладает красноречием, которое превращает текущую воду в комок; (предикат) *Уус тылынан устар ууну сомободуур* ‘Красноречием текущую воду в комок собирает’ (СЯПП 16).

Здесь стоит отметить, что только те атрибутивные и предикативные конструкции, которые несут семантическую нагрузку приписывания качества-свойства, включаются в поле качественности. Как известно, кроме устойчивых, постоянных качеств-свойств у предметов отмечаются и ситуативные моменты (переменные и случайные признаки), одинаковые у разных предметов в аналогичных, но разных ситуациях: так, например, интерпретация прилагательных *сегодняшний*, *соседний* и др. целиком зависит от ситуации [Павлов, 1996, с. 13-14]. В дальнейшем атрибутивные и предикативные сочетания, представляющие такие ситуативные моменты, будут исключены из рассмотрения.

Состав поля качественности

Подводя итог вышесказанному, следует еще раз отметить, что мыслительная категория качества находит отражение в языке в виде функционально-семантической категории качественности. Что касается структуры данной категории, то, согласно А.В. Бондарко, она построена в виде функционально-семантического поля. На семантической категории качественности базируется функционально-семантическое поле (ФСП), которое понимается как “группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории” [Бондарко, 2002, с. 289]. В основе ФСП качественности лежит квалитативная функция, целью которой является качественная характеристика – приписывание предмету, вещи, явлению определенного качества-свойства. Данная семантическая функция качественной характеристики реализуется при помощи двух синтаксических функций – атрибута и предиката.

Наиболее полное рассмотрение получило ФСП качественности на материале русского языка в петербургской школе функциональной грамматики [ТФГ 1996а]. ФСП качественности имеет разнородный план выражения, представленный разноуровневыми средствами – лексическими, морфологическими и синтаксическими, и имеет полицентрическую структуру с двумя основными центрами – атрибутивным и предикативным. В русском языке в атрибутивном центре находятся конструкции с полными прилагательными и причастиями в роли определения (*зеленая шляпа, помолодевший город*). На периферии атрибутивной качественности находятся сочетания с несогласованным определением (*шляпа зеленого цвета*). Предикативный центр представлен конструкциями с краткими и полными прилагательными (*Он умен; Он умный*), с именным сказуемым (*Она – сама доброта*). Ближнюю периферию глагольной предикативной качественности занимают конструкции со сказуемым в виде краткого страдательного причастия (*Я расстроен*). Дальнюю периферию составляют “глагольные конструкции с узуально-квалитативной семантикой, например: *Русский актер не умеет шалить, он в водевиле играет глубокомысленно* (А. Чехов)”, и “также конструкции, в которых качественность сопряжена с перфектностью: *С тех пор как не видел его князь Андрей, Кутузов еще потолстел*,

обрызг и заплыл жиром (Л. Толстой)” [Бондарко, 1996, с. 5]. Глагольная предикативная качественность в русском языке была рассмотрена рядом авторов в [ТФГ 1996а]. Так, Воейкова и Пупынин [1996] выделяют три основных типа глагольной предикативной качественности: 1) дифференцирующее свойство как обобщение повторяющихся действий (...я питаюсь только молоком и гренками; *Стеклянная посуда легко моется*); 2) свойство как результат конкретного факта в конструкциях с перфектом; 3) актуально протекающее свойство-состояние (*Лицо его серело, зубы золотели*) [Воейкова и Пупынин, 1996, с. 63-64]. Акимова и Козинцева [1996] выделяют несколько типов конструкций с глагольными сказуемыми, в которых выражается значение качественной характеристики, в зависимости от модально-темпорального значения форм совершенного и несовершенного вида. Смирнов [1996] рассматривает три разновидности значения качественности в ситуациях вневременности, обозначающих не локализованные во времени действия: облигаторная (обязательная), детерминированная (обусловленная) и индивидуальная. В этих типах качественного значения проявляется зависимость производимых действий от качества субъекта. Облигаторная качественность передает “наиболее общие, существенные свойства целого класса предметов (субъектов действия)”: *Человек познается по настоящему, когда он говорит о своем деле* [Смирнов, 1996, с. 96-97]. В высказываниях, относящихся ко второму типу качественности, обозначаются “менее существенные частные свойства, обусловленные принадлежностью субъекта (субъектов) нелокализованного во времени действия к какому-либо классу или группе”: *Невозделанная почва урожая не дает; ... ласковый теленок две матки сосет* [Смирнов, 1996, с. 96, с. 101]. Индивидуальная же качественность подразумевает, что “субъект получает строго индивидуальную характеристику, не связанную непосредственно с его принадлежностью к какому-либо классу”: *Мой друг говорит на трех европейских языках, но не умеет говорить с женщинами* [Смирнов, 1996, с. 103-104].

Качественность и теория прототипов

Исследователи, работающие в рамках функциональной грамматики, отмечают близость теории функционально-семантических полей к теории прототипов: “Системные признаки “прототипического подхода” в интерпретации представителей современной когнитивной лингвистики в ряде отношений сближаются с концепциями, рассматривающими закономерности языковой категоризации в терминах “центр – периферия” и “полевая структура” [ПФГ, 2005, с. 15]. Теория прототипов была разработана в рамках когнитивной психологии Э. Рош [Rosch, 1978] и была впоследствии адаптирована для нужд языковой категоризации в рамках различных направлений функционализма в когнитивной лингвистике [Givón, 1986; Lakoff, 1986; Geeraerts, 1989; Taylor, 1995; Corrigan и др., 1989]. Согласно прототипной теории лексические и грамматические категории не имеют четко очерченных границ, имеют центр и периферию и организуются вокруг прототипа, который представляет собой в концентрированном виде конгломерат наиболее типичных для данной категории признаков.

В зарубежной функциональной лингвистике семантическая категория качественности не выступала в качестве отдельной самостоятельной темы для исследователей, но некоторые вопросы, связанные с ней, косвенно затрагивались в нескольких работах. Как уже упоминалось выше, в работах С. Томпсон и П. Хоппера высказывалось положение о том, что концепты, обозначающие качество/свойство, по умолчанию лексикализуются как прилагательные [Hopper & Thompson, 1984; Thompson, 1989]. В этих работах авторы развивают частеречную теорию, объясняющую различия между существительными, прилагательными и глаголами на основе их прототипичных функций в дискурсе. Лингвистические формы (слова, лексемы) являются по сути акатегориальными – лишенными всяких признаков категориальной принадлежности к той или иной части речи. Только в дискурсе категориальность накладывается на них посредством прототипических дискурсивных функций, коей для существительных является введение дискурсивно-манипулируемого участника, а для глаголов – передача действия, события. По мере того, как эти функции выполняются лексическими единицами, последние будут категоризованы как существительные или глаголы. Так, форма *box* (концепт, относящийся к понятию ‘коробка’) становится существительным в *The toy is in the red box* ‘Игрушка нахо-

дится в красной коробке’, но глаголом в *She boxed the toy* ‘Она положила игрушку в коробку’. Что касается концептов, относящихся к понятию качества-свойства, то они выполняют две главные функции: 1) установить предикативное отношение между качеством-свойством и установленным дискурсивным референтом (предикативная функция); 2) внедрить в дискурс нового референта (атрибутивная функция для прилагательных, которые вводят новую информацию). Согласно Томпсон (Thompson, 1989, с. 260), поскольку концепты качеств-свойств (Property Concepts) разделяют предикативную функцию с глаголами, а функцию представления (введения) нового референта (участника дискурса) с существительными, то концепты качеств-свойств будут иногда распределяться по категориям в соответствии с морфосинтаксическими признаками глаголов, иногда в соответствии с морфосинтаксическими признаками существительных, а иногда, поскольку они не являются прототипичными представителями ни глаголов, ни существительных, то они образуют отдельную лексическую категорию прилагательных.

Теория прототипов также нашла типологическое применение в работе Д. Бхат [Bhat, 1994]. Основываясь на различиях в выражении категории прилагательных в разных языках, автор выделяет четыре идеализированных языковых типа: 1) языки, в которых категория прилагательного имеет свой собственный независимый статус; 2) языки, в которых прилагательные тождественны существительным; 3) языки, в которых прилагательные тождественны глаголам; 4) языки, в которых прилагательные отождествляются с существительными и глаголами. Каждая грамматическая категория связана с определенной функцией (референция для существительных, предикация для глаголов и модификация для прилагательных) и каждый языковой тип функционально мотивирован. В языках первого типа функция именной модификации настолько важна, что получает лексическое выражение в виде независимой категории прилагательного. В языках других типов функциональное различие модификации (определения) не является столь насущным и вследствие этого прилагательным не удается утвердиться в виде самостоятельной части речи. Так, в языках, где прилагательные и существительные не разграничены друг от друга, также нет функционального разграничения между модификацией и референцией. В языках третьего типа с идентичными прилагательными и глаголами утеряно различие между предикацией и модификацией, последняя будучи заменена предполагаемой предикацией (presupposed predication). Наконец, в языках, где существительные, глаголы и прилагательные все вместе не дифференцированы друг от друга, функция референции ограничена личными аффиксами, находящимися внутри предиката, который является самодостаточным, поскольку передает всю информацию благодаря своей морфологической структуре, а другие члены предложения не являются обязательными.

Изучение глагольной качественности в якутском языке

ФСП качественности в якутском языке, так же как и в русском, имеет полицентрическую структуру с двумя основными центрами – атрибутивным и предикативным. В плане частеречной характеристики на лексическом уровне семантика свойства может передаваться следующими способами:

1) атрибуты-прилагательные: *Нарын уонна дьэбир, эдэр уонна муударай хоһооннор* ‘Нежные и выносливые, молодые и мудрые стихи’ (СД ДьҮөС 31); *“Үчүгэй ийэ куһаҕан аҕаны суохтаппат” диэн өс хоһооно этэр* ‘С хорошей матерью по плохому отцу не скупаешь’, говорит пословица’ (НБ ҮС 70).

2) атрибуты-существительные: *“Былыр уус тыллаах, үчүгэй куоластаах, дьингээх талааннаах поэт дьоннор аһыыр-таннар туһугар ойуун-удаҕан буолан эрдэхтэрэ”, – диэбитэ Екатерина Ивановна биирдэ* ‘В давние времена красноречивые, обладающие хорошим голосом, действительно талантливые люди-поэты ради еды и одежды становились шаманами’, – сказала Екатерина Ивановна однажды’ (А КД 245); *Сыа дьон сылайбыттар, эт дьон эммэнийбиттэр, унуох дьон уйадыйбыттар* ‘Жирные люди устали, мясистые люди истощились, костлявые люди обмякли’ (КК 39); *мин тимир волябын* ‘мою железную волю’ (ИА КК 99).

3) атрибуты-причастия: *аттанар аһылык, көтөр көңсүү, барар малааһын* ‘отправляющаяся в дорогу пища, улетающая трапеза, уезжающий пир’ (КК 282); *Санаа диэн киһи көстүбэт модун кыната* ‘Мысль это невидимое могучее крыло человека’ (ИГ МЭТ 48).

4) предикаты-прилагательные: *Барыта сырдык, барыта чабылынгнас* ‘Все светло, все блестяще’ (ЛП КТ 64); *Сылгы чыычааба дьонумсах* ‘Трясогузка общительна’ (ГУ ӨА 132).

5) предикаты-существительные: *Керенскэй – күүх албын, тангарааччы, кини тыла эрэ мүүттээх* ‘Керенский – врун, предатель, только речь его медовая’ (НЯ Т 481); *Кини киһи буолбатах, тыыннаах аанньал!* ‘Она не человек, она ангел во плоти’ (НЯ Т 275).

6) предикаты, выраженные глагольными видо-временными формами: *уһуохтуун үрдээбит, харахтыын сырдаабыт* ‘ростом стал выше, глаза посветлели’ (АА СК 1994 309); *Былыргыта син үчүгэй собус сэбэрэлээх эмээхсин кырдьан тонхойбут эбит* ‘Эта старушка, в молодости отличавшаяся довольно привлекательной внешностью, состарившись, согнулась, оказывается’ (ЭЭ А 2 243).

Несомненно, в ядре ФСП атрибутивной и предикативной качественности находятся высокочастотные качественные прилагательные, поскольку значение качественного признака является их грамматическим (категориальным) значением. Ближе к центру атрибутивной качественности расположены конструкции с отглагольными причастиями. Существительные в роли атрибутов также встречаются довольно часто и потому не относятся к периферийным средствам, тогда как в роли предикатов они гораздо более реже употребляются для приписывания качественного признака субъекту, чем глагольные сказуемые с качественной семантикой. В данной работе мы рассмотрим предикативную и атрибутивную качественность в ее глагольной ипостаси. Кроме лексических средств, сюда также включаются синтаксические: 1) определительные предложения, предикат которых представлен причастием; 2) сложные предикативные комплексы, мотивированные валентностью глагола и его лексическим значением, состоящие из глагольного сказуемого и прямого или косвенного дополнения. К последним относятся такие примеры, как *Он любит печенье; Он умеет играть в теннис*. Как отмечают Воейкова и Пупынин [1996, с. 65], “Глаголы способны представлять качества, обладающие сложной семантической структурой. Имеются в виду, в частности, качества (свойства), связанные с регулярным отношением характеризуемого предмета или лица к целому ряду других предметов (лиц), например: *Он много и сладко ел — иной раз даже вскочит среди ночи и, зябко просеменив по холодному полу, маленький и жуткий в своей длинной сорочке, лезет, как мальчик, в буфет за шоколадными печеньями* (В. Набоков). Эта особенность глагольной качественности обусловлена, с одной стороны, “большой” валентностью глагола как части речи по сравнению с валентностью прилагательного и существительного, а с другой стороны,— комплексным функционально-семантическим потенциалом глагола, предполагающим широкие возможности аспектуально-модально-темпорального варьирования”.

Рассмотрение качественности в якутском языке было бы невозможно без предварительной систематизации языковых фактов, что впервые было предпринято О.Н. Бётлингом, а затем продолжилось в работах последующих поколений исследователей якутского языка. Как отмечено в ТФГ [1996а, с. 14-15], лингвистическая проблема качественности имеет комплексный характер и обращена как к лексикологии, так и к грамматике, включая и морфологию, и синтаксис. В якутском языке имеются работы по отдельным средствам выражения качественности – прилагательным, причастиям, деепричастиям, определительным предложениям, видо-временным формам глагола, образным глаголам, однако отсутствуют научные труды, посвященные качественности как ФСП, объединяющие разноуровневые средства на основе их общей качественной функции. Однако в области лексики, морфологии и синтаксиса якутского языка достигнуты значительные результаты в исследованиях, посвященных средствам выражения качественности, взятым по отдельности, и тем самым созданы все предпосылки для построения ФСП качественности как функционального единства единиц разных уровней. Именно на эти результаты мы будем опираться в настоящем исследовании.

Одними из первых следует отметить работы С.Д. Егиновой и Ф.Н. Дьячковского, посвященные семантическим особенностям корневых имен прилагательных в якутском языке,

поскольку именно качественные значения прилагательных служат тем первоначальным эталоном, ориентируясь на который можно отбирать глагольные предикативные и атрибутивные конструкции со значением качественности. Так, Дьячковский [1997] проводит базовую дихотомию прилагательных по характеру логико-предметного содержания на эмпирийные и рациональные и далее классифицирует их по лексико-семантическим группам (далее ЛСГ). Прилагательные с исходным эмпирийным значением включают следующие ЛСГ: 1) пространственные изменения, координаты; 2) степень прочности предметов; 3) вкусовые признаки; 4) цветовые признаки; 5) физические параметры; 6) температура, атмосферные явления; 7) чистота, свежесть; 8) свет, освещенность; 9) сила, интенсивность звука; 10) наличие / отсутствие влаги; 11) физическое / физиологическое состояние. Рациональные прилагательные подразделяются на ЛСГ с таким содержанием: 1) черты характера человека; 2) общая характеристика предметов; 3) степень обладания имуществом; 3) темпоральная характеристика; 4) характер движения, действия. Работа С.Д. Егиновой [2013] посвящена семасиологическому исследованию процесса формирования и развития микросистемы имен прилагательных, обозначающих положительные и отрицательные черты характера человека. Приводится подробная семантическая классификация таких прилагательных, основанная на общепринятой в отечественной психологии классификации черт характера [Егинова, 2013, с. 31-37]. В самом общем плане, такие прилагательные можно разбить на четыре больших класса, как обозначающие: 1) отношение к себе; 2) отношение к другим людям; 3) отношение к труду и собственности; 4) волевые черты характера.

Основу глагольных атрибутивных конструкций со значением качественности составляют причастия. Семантика причастия в определительной функции подробно изложена в работе Г.Г. Филиппова [1999]. Рассмотрим значения, которые автор выявил для причастий на *-ар*, *-бат*, *-быт*, *-батах*, *-ях*, которые встречаются в нашей подборке примеров глагольных качественных конструкций [Филиппов, 1999, с. 23-24]. Причастие на *-ар* имеет такие значения: 1) постоянный признак, обычное свойство предмета, которое воспринимается и как длительное, обычно-совершаемое настоящее-прошедшее время; 2) признак, выраженный в основе глагола безотносительно к значению настоящего времени; 3) значение абсолютного, постоянного, длительного времени превращается в свойство данного предмета; 4) возможное, должностное явление. Форма на *-бат* обозначает: 1) возможное свойство определяемого, которое воспринимается как условие, в результате которого осуществляется действие, выраженное в причастном определении; 2) конкретное категорическое отрицание действия определяемого предмета; 3) постоянное свойство, качество определяемого предмета и явления. Причастие на *-ях* сопряжено со следующими значениями: 1) признак определяемого как возможное, необходимое в будущем действие; 2) признак определяемого предмета или лица как его желаемое действие, подразумевающееся как цель; 3) признак определяемого предмета или явления как обязательное, предрешенное, договоренное или необходимое свойство. Форма на *-быт* используется для передачи следующих двух значений: 1) законченное, завершённое действие – семантика результативности; 2) время, завершённое до момента речи, безотносительно к давности или недавности совершенного действия. Причастие на *-батах* ассоциируется с двумя значениями: 1) несовершенное в прошлом действие определяемого безотносительно к давности или недавности; 2) признак определяемого предмета по результату несовершенного действия, выраженного причастием на *-батах*.

Употребление причастий в позиции атрибута рассматривается также в работе Г.Г. Торотова [2011] с точки зрения их функционально-стилистической дифференциации в языке в отношении других типов определений.

Систематизация глагольных предикативных конструкций была бы невозможна без опоры на имеющиеся исследования в области якутского глагола, в которых дается научное освещение и разработка таких грамматических глагольных категорий, как залог, вид, наклонение, время, лицо, число, в которых была проведена кропотливая работа по выявлению типов глагольной основы, по классификации причастий и деепричастий, по установлению парадигмы спряжения глагольных форм, по классификации финитных и открытых форм глагольного

сказуемого [Харитонов, 1954, 1960; Коркина, 1970, с. 1985; Убрятва, 1976]. Основные вехи и достижения в исследованиях по данным вопросам наиболее ясно изложены в научных грамматиках якутского языка [ГСЯЛЯ, 1982, 1995; Данилова и др., 2004].

Атрибутивная глагольная качественность

В данном разделе мы будем ориентироваться на ЛСГ с семантикой качественности, выделенные в работах Дьячковского [1997], Егиновой [2013, 2014], а также на семантические группы качественных прилагательных и образных глаголов [ГСЯЛЯ, 1982, с. 157-158, с. 224; Харитонов, 1954]. В соответствии с этим, ситуации с качественной характеристикой определяемого существительного могут быть подразделены на несколько типов. Наиболее часто встречаются две группы атрибутов-причастий: 1) описание внешнего облика людей; 2) описание черт характера, психоэмоциональная характеристика человека. В первой группе преобладают формы причастия на *-быт*, которые мы можем охарактеризовать как передающие признак лица по результату совершившегося действия: *лааһарыйбыт намыһах Байбал Сэмэнэп* (АА СК 1994 74) ‘широкий и низкорослый Павел Семенов’; *уһата уойбут, туора топтут тойон* (НА ХК 24) ‘растолстевший вдоль, насытившийся поперек господин’; *таракаан курдук кытарчы уойбут киһи* (ДТ КБ 28) ‘как таракан докрасна растолстевший человек’; *чолбоодуйбут харахтаах* (ЭЭ А 2 116) ‘с мерцающими как звезды глазами’; *күлбүт-оонньообут дьүһүннээх киһи* (НЗ ДьК 127) ‘человек с веселой внешностью’; *бэйбэриспит быһыылаах* (ЭБ 280) ‘низкий, упитанный, быстро вышагивающий мелкими шажками’; *дьондоллубут унуохтаах* (ЭБ 164) ‘высокий и стройный’. Также употребительны причастия на *-ар*: *быыппастар былчыннаах* (ЭБ 898) ‘имеющий сильно напрягающиеся мускулы’; *кырыымпалыыр куоластаах* (ЭБ 148) ‘с голосом, похожим на скрипку’. Как показывают примеры, часто при переводе на другие языки значений, выраженных атрибутивными причастиями, используются прилагательные, как, например, с причастиями на *-быт*, образованных от *күл-оонньоо* ‘радоваться, веселиться, шутить’ и *лааһарый* ‘ходить быстро, имея широкую фигуру при высоком росте’.

При передаче черт характера также участвуют причастия на *-ар* и *-быт* и их отрицательные формы *-бат* и *-батах*, соответственно. Причастия могут употребляться как атрибуты самостоятельно или как сказуемые в составе определительного предложения: *Киһини кытта тэҥнэ хомойсор, тэҥнэ үөрсэр дьоннор – дьингээх доботтор* (ИГ МЭТ 18) ‘Настоящие друзья – это те, кто печалится вместе с тобой и радуется вместе с тобой’; *Ойуунускай... сүрдээх судургу, эйбэс, улахамсыйбат киһи* (КДь ТА 154) ‘Ойунский – очень простой, дружелюбный, не зазнающийся человек’; *Арааһата, кими да харыстаабат, тугу да көмүскээбэт хабыр дьоннор кэлбиттэр* (ЕН А 2 16) ‘Кажется, пришли крутые люди, которые никого не берегут, никого не защищают’; *Авторитет эҥин диэнгэ силлиир дьон* (Д ДДКС 208) ‘Люди, которые плюют на авторитет и прочее’. Деепричастия на *-ан* также могут выступать в качестве атрибутов: *Дээ, бачыгырайан киһи этэ!* (Д ДьС 123) ‘Вот это был энергичный человек!’ (от образного глагола *бачыгырай* ‘двигаться очень быстро, энергично’).

Семантически близки к предыдущей группе атрибуты, передающие, с одной стороны, привязанности, пристрастия, привычки, особые склонности и, с другой, умения: *аһылык чааһыгар талымаһа суох, оботтоох ингэ-мэнэгэй, туох да бэйэлээби сирбэт, сыа-сым курдук мэлитэн иһэр талымаһа суох киһи* (ДЗ ХБ 19) ‘По части еды непривередливый, невероятно прожорливый, ничем не брезгающий, все уплетающий с аппетитом человек’; *Культурнайымсыйар куорат уолун туора кэмэлдьитин табаарыстарбыт көрдүннэр* (Д ДДКС 121) ‘Пусть наши товарищи увидят дурную привычку городского парня, притворяющегося культурным’; *[Исиро Курата] тобус мүнүүтэни тиргиччи биир үрдүк тэтиминэн тустар, сылайары билбэт бөбөс* (НЛ Т 21) ‘[Исиро Курата] – силач, борющийся на одном высоком темпе в течение девяти минут, не знающий усталости’; *Чекист үлэтигэр бэлиэтии көрөр идэ олус наадалаах* (НЯ ИуоА 241) ‘В работе чекиста необходимо умение все подмечать’. Сравнительно редко встречаются описания возраста с помощью глагольной качественности: *Суох, суох, оболоор, мин*

кэнним ырааппыт, инним чугаһаабыт киһибин (Д ДДКС 317) ‘Нет, нет, ребята, я человек, задняя сторона которого отдалилась, передняя сторона которого приблизилась’.

К причастным определительным конструкциям прибегают при описании физических параметров, внешних признаков неодушевленных существительных: *сөбүөрүйбүт кулуһун* (ДЗ ХБ 28) ‘увядший камыш’; *үс үрүмэтийбит үрүн көмүс көлүйэ* (БСМБ 223) ‘три покрывшиеся пенкой серебряных озера’; *оспот кутургуяа буолбут суол* (ДТ СА 110) ‘дорога, ставшая незаживающим фурункулом’; *солбонуйбуту торолутар, өлөөрү гыммыты өрүһүйэр от* (ИД ОХ 98) ‘трава, откармливающая уставшего, спасающая умирающего (о хвоще пестром)’; *кыра сэлиэннэ самналлыбыт эргэ дьылэрэ* (ДЗ ХБ 11) ‘ставшие приземистыми старые дома маленького села’; *улахан ханхайбыт ампаар* (АБ 127) ‘большой наклонившийся амбар’; *саамай ыарахан сыаналаах, саамай күндү таһастан тигиллибит, саамай саҥа муодалаах көстүүм* (ИГ ОМК 194) ‘самый дорогостоящий, сшитый из самой дорогой ткани, самой последней моды костюм’; *харчы-үн хамсыыр сиригэр* (ДЗ ХБ 20) ‘в месте, где шевелятся деньги’; *киһи үлэтэ тиллэр сирэ* (Д КЫ 241) ‘место, где человек оживленно работает’.

Весьма высокой частотностью обладают качественные конструкции, где указываются абстрактные свойства: *Санаа диэн киһи көстүбэт модун кыната* (ИГ МЭТ 48) ‘Мысль – невидимое могучее крыло человека’; *Үтүөнү, кэрэни айхаллыыр, куһаҕаны, сидьини саралыыр кырдьыктаах тыл эрэ өлбөт үйэлээх* (СД СТ 68) ‘Только правдивое слово, восхваляющее доброе и прекрасное, разоблачающее плохое и мерзкое, бессмертно’; *Оҕолоругар ол итэбили ингэрэр булгуруйбат санаалааҕа* (ДЗ ХБ 30) ‘У него было непреклонное намерение привить ту веру своим детям’; *обус уйбат, ат тардыбат саата-суута* (ЛГ Ыа 172) ‘огромный позор (досл. позор, который не осилит бык, не потянет лошадь)’; *Дьэ бу баар эбит ээ көрөөччүнү ис-иһиттэн долгутар, ытатар, күллэрэр албас – испиэхтээх!* (ЕН А 1 81) ‘Вот, оказывается, волшебство, волнующее зрителя изнутри, заставляющее его плакать и смеяться – спектакль!’; *саҥа үөскээбит, саҥа сайдыбыт литература ыалдыахтаах ыарыыта* (Д ДДКС 35) ‘болезнь, которой должна переболеть только что возникшая, только что развившаяся литература’.

Стоит также отметить, что некоторые причастия, изначально употреблявшиеся в качестве атрибутов, после выпадения сопутствующих определяемых существительных субстантивируются, сами приобретают характеристики имен существительных, такие, как, например, способность склоняться по падежам: *Ордук кыратыгар-кыамматыгар, быста-ойдо сылдыарыгар аһыныгас эбэ* (НЛ Т 87) ‘Особливо к малым-немоцным, живущим в нужде жалостливая бабушка (про озеро)’;... *кыыдамнаах кыһыны тоттук туораары турар-турбат барыта үлүмнээн үлэбэ табыста* (СНов ОК 171) ‘чтобы сытно провести снежную зиму все стоячие-нес-стоячие скопом вышли на работу’; *Сэттэ сирэйдээхтэртэн, илин-кэлин буолааччылартан сиргэнэбин* (ЭС Дь 23) ‘мне отвратительны лицемеры и подхалимничающие’; *буочука саҕа бөскөйө уойбуттары, тар уһаатын саҕа дагдайа үллүбүттэри, оһох саҕа суодуйа сонообуттары* (ЭБ 5880-85) ‘как бочка набухших, как ушат раздувшихся, как печка растолстевших’.

Предикативная глагольная качественность

В конструкциях с глагольными предикатами с семантикой качественности могут быть выделены три типа: 1) свойство как обобщение повторяющихся действий; 2) свойство как результат; 3) актуально протекающее свойство-состояние [Воейкова и Пупынин, 1996].

В первом случае предикативная глагольная качественность опирается на формы настоящего-будущего времени, которые образуются при помощи причастия на *-ар/-ыыр* и его отрицательной формы на *-бат*. Как показывают приведенные далее примеры, речь идет о постоянных свойствах субъекта, его постоянных признаках безотносительно настоящего времени, т.е. временно нелокализованных. Схожая ситуация существует и в других языках: так, Иванова [2009, с. 11] отмечает, что “основную роль в формировании предикаций устойчивого признака в обоих языках играет неактуальное настоящее”.

Туут, түүлээх тириинэн бүрүллүбүт буолан, кэннинэн халтарыйбат, иннинэн эрэ барар. Кэтит буолан, хаарга тимирбэт, уйдарымтыа, кылгас буолан ойуур быһынан сүүрэрэ

табыгастаах. Ону ааһан сүрдээх аллаах, чэпчэки итиэннэ тон да, ириэнэх да хаары сьһыар-бат (ИД ЧТН 89) ‘Охотничьи лыжи, будучи подбитыми шкурой с шерстью, не скользят назад, а идут только вперед. Будучи широкими, не тонут в снегу, хорошо удерживаются, будучи короткими, они пригодны для бега по лесу. Сверх того, они очень быстрые, легкие и к ним не прилипает ни мерзлый, ни подтаявший снег’.

Дьадаҥы ыччата күн диэки, сырдык диэки дьулуһар, баай ыччата күлүк диэки, хараҥа диэки дьуобарар (АА СК 1982 717) ‘Бедная молодежь стремится к солнцу, к светлomu, богатая молодежь увязает в тени, в темноте’.

... куорат бырааһа дии. Хаалтыстаах. Сэлэппэлээх. Киһи мэйиитин быһабынан хаһан эмтиир үһү (НБор ЭС 7) ‘это же городской врач. С галстуком. С шляпой. Говорят, он лечит, копаясь ножом в человеческом мозгу’.

Олус сирэйэ-хараба суох ыар баттабылга олоробут (ДО ОУо 129) ‘Мы живем под непроглядным гнетом’.

Куһаҕан сурах үчүгэйдээбэр лабаххай курдук дөбөннүк сыстар (СНов ОК 132) ‘Плохая молва липнет быстрее хорошей, как древесная смола’.

Үлэ – олох күлүүһэ. Үлэттэн киһи дьоллонор, Үлэттэн олох оргуйар (СНов ОК 144) ‘Работа – ключ жизни. От работы человек становится счастливым. От работы кипит жизнь’.

“Үчүгэй ийэ куһаҕан аҕаны суохтаппат” диэн өс хоһооно этэр (НБ ҮС 70) ‘С хорошей матерью не скупаешь по плохому отцу, гласит пословица’.

Үчүгэй таба оннообор бөрөбө бэриммэт үһү (СН ЫХЫа 55) ‘Говорят, хороший олень не сдается даже волку’.

Көмүһү дьэбин сиэбэт, көмүс куурсун сүтэрбэт, көмүс кумаабы буолбатах, ууга дагдайбат. Көмүс үйэлээх (ИН СКС 40) ‘Ржавчина не разъедает золото, золото не теряет в курсе, золото не бумага, в воде не всплывает. Золото вечно’.

Следует отметить тот факт, что причастные формы на *-ааччы*, участвующие в образовании склонения обычно совершаемого действия, сравнительно редко встречаются в предикативных конструкциях с семантикой качественности. Возможно, это связано с тем, что “по сравнению с другими причастиями якутского языка причастная форма на *-ааччы* более подвержена адъективации и особенно субстантивации” [ГСЯЛЯ, 1982, с. 239]. Именно в этой ипостаси агента, субъекта действия, выраженного глагольной основой, выступает причастие на *-ааччы*, когда оно встречается в качественных предикативных конструкциях: *Үт баар эбит икки атахтаахха өлбөт мэҥэ уута, үрүн илгэ, тыын уһатааччы, күүс эбээччи* (ПО КЫ 265) ‘Оказывается, молоко для человека живая вода, белый дар богов, удлиняющий дыхание, добавляющий силы’.

В приведенных выше примерах предикаты свойства представлены финитными глагольными формами. Качественная характеристика субъекта также может передаваться через глагольные сказуемые придаточных предложений, выраженные причастными и деепричастными формами. В двух следующих примерах мы имеем дело со сложноподчиненными предложениями – полипредикативными конструкциями: в первом случае зависимая предикативная единица (обстоятельственная причины) сочетается с главной частью путем примыкания, во втором дополнительная ЗПЕ со сказуемым, выраженным причастием в винительном падеже, подчиняется главной части посредством управления [ГСЯЛЯ, 1995, с. 224, с. 229).

Дьооппу атабынан кус быһый... Биэрэстэ сиригэр сүүрүк аты кытта тэнгэ сырсан сөхтөрөрө (ДО ОУо 114) ‘Джоппу очень прыток на ноги. Он вызывал восхищение, соревнуясь наравне со скаковой лошадейю на расстоянии версты’.

[Ирина Максимова] *дыһынээх талаан ханныктаах да удаһынҥа бас бэриммэтин бар дьонугар итэбэтиилээхтик дакаастаабыта* (ЕН КК 44) ‘[Ирина Максимова] убедительно доказала всем, что настоящий талант не сдается ни перед каким коварством’.

Второй тип глагольной предикативной качественности связан с конструкциями в прошедшем категорическом времени, образующимися при помощи аффикса *-т* и его вариантов, и с

конструкциями в преждепрошедшем повествовательном времени, которые образуются на основе причастия на *-быт*, поскольку именно с помощью этих видовременных форм свойство может быть представлено как результат конкретного факта.

Сонун олус эргэрбит (Д АТС 12) ‘Твое пальто очень состарилось’.

Кини да киэн көхсө кыараата (НБ УС 93) ‘Даже он растерялся (досл. даже его широкая спина сузилась)’.

Онуоха эбии Тэгэйээммит бэйэтэ даҕаны, биһиги ылларыахпыт быатыгар, майгылаах бастыга, дьүһүннээх үтүөтэ, унуохтаах көнөтө буола улаанпыта (Д ТО 250) ‘К тому же и сам Тэгэйээн как будто специально, чтобы понравиться нам, вырос человеком с отличным характером, прекрасной внешностью, прямым ростом’.

Тылын-өһүг олус сүлүһүннэммит (СК ХуоХ 359) ‘Твоя речь стала очень язвительной’.

Онон уол оҕо эрдэбиттэн кытаанах хааннамыта (ДЗ ХБ 30) ‘Поэтому с самого детства он стал твердохарактерным’.

Кыракый уол ыал устун барбыта (ДО ОУо 87) ‘Маленький мальчик пошел побираться по людям’.

Кыһыл көмүс өрөбөлөөх соболор оргуйан табыстылар. Озонньоттор сирэйдэрэ-харахтара сырдыы түстэ, тутталлара-хапталлара сыыдамсыйда (ФП ДьИУ 124) ‘Караси с золотыми брешками закипев, всплыли. Лица стариков посветлели, движения их убыстрились’.

Ыксал тирээбитигэр Туоҕа Баатыр сангата дорҕоонноммута: утары этиппэт куолаһынан дьонун дьаһайан барбыта (Д ББ 119) ‘Когда прижало время, речь Туога Баатыра стала твердой: голосом, не терпящим возражений, он начал отдавать распоряжения своим людям’.

Приписывание того или иного качества по результату совершившегося действия также часто возникает в полипредикативных конструкциях и передается деепричастными и причастными сказуемыми зависимых частей.

Киһим сирэйэ-хараҕа сырдаан, сэргэхсийэн, бэйэ киһитин сылаас сыһыана сүрэхпин долгуппута (ВЧ ОС 164) ‘Лицо моего собеседника посветлело и оживилось, его теплое отношение как к родному человеку взволновало меня’.

Булбуппутун муннубут анныгар уктан, аһынан тутайбакка, санныбытынан дьадайбакка олон кэллибит (Д ББ 319) ‘Припрятав то, что нашли, не испытавши недостатка в еде, не обедневши, прожили мы’.

Сказуемое главной части сложноподчиненного предложения также может выражать свойство как результат совершившегося действия наравне со сказуемыми зависимых предикативных единиц.

Аһыйах сыл иһигэр таһыччы тупсан, төлөһүйэн, байан-тайан мааны хотунга кубулуйдун (ЕН А 1 93) ‘Всего за пару лет очень похорошев, поправившись, разбогатев, превратилась в почтенную госпожу’.

Конструкции в будущем времени также могут выражать второй тип предикативной качественности, если качество осмысливается как приобретенное в результате действий, которые произойдут в будущем.

[Дьадаҕылар] киэн хардыыланыхпыт, уһун хоннохтоноохпун (ЭЭ А 2 63) ‘Бедняки будем шагать широким шагом, будем идти быстрым шагом’.

Третий тип глагольной предикативной качественности, выражающий актуально протекающее свойство-состояние, широко представлен в как в монопредикативных, так и в полипредикативных конструкциях.

Маайа Сүөдэрэбэ барахсан ис-иһиттэн сырдаан, арылыччы көрөн, кэпсээн-ипсээн чабылыннатан, имигэстик туттан-хаптан хааман-сиимэн сэгэлдьитэн, хайа да оруолу ким баҕарар хараһын толорордуу оонньуур (ЕН А 2 190) ‘Умница Майя Федорова, светясь изнутри, открыто поглядывая, живо-ярко рассказывая, гибко держась, грациозно пошагивая, может играть любую роль ко всеобщему удовлетворению’.

Күһүнгү кэм барахсан, кэрэ өгүнэн өгнөн, салгына, уута ырааһыран ахан турар (У КУо 96) ‘Стоит прекрасная осенняя пора, похваляясь пышными красками, воздух, вода дышат чистотой’.

Бэйэм да мункук-тэнкик мунгнаах көхсүм кыараан, иннибин-кэннибин билбэт буола уолуян өйбүттэн тахса сыстым (СТ ЭИМС 225) ‘Я и сам, будучи робким, попав в затруднение, от волнения чуть с ума не сошел’.

Кини иннигэр батталлаах Дьаакыбылап кулубаттан туюх да уратыта суох, эмиэ баттыгастаах улуус кулубата тойон ыадаллан олорор (НЯ Т 190) ‘Перед нею, грузно расположившись, расселся глава улуса, ничем не отличающийся от притесняющего главы Яковлева’.

Сандал саас барахсан, чэбдик кыыстыы чэмэлийэ сандааран, эмиэ тийиэн кэллэ (ДЗ ХБ 11) ‘Опять наступила лучезарная весна, ярко сияя как юная девушка’.

Онтон биир бары куоластан дорбоонноох, былаастаах бабайы куолас бэрт холкутук көөбүнээтэ (ВЯ ТС 229) ‘Вдруг из всех голосов самый звонкий, очень властный голос весьма спокойно забасил’.

Уйбаанчык маарыын Боккуойа эмээхсин биэрбит табатын үүтүн тооромуттан айабар уктан абылаан хам хаппыт күөмэйэ сиигирэр, хараба сырдыыр, эрчимэ эбиллэр (ИБ К 68) ‘После того, как Уйбаанчык немного выпил оленьего молока, которое дала ему старушка Боккуойа, его засохшее горло увлажняется, глаза светлеют, силы прибавляются’.

Кылбановскай сылтан сыл аайы майгы-сигили өттүнэн дьүдэйэн иһэр (ВЯ СА 111) ‘Характер Кылбановского ухудшается из года в год’.

Ээ, мин эбиллибэппин. Хата, көбүрүүр курдукпун (ЕН А 2 264) ‘Я не прибавляюсь. Скорее я как будто убываю’.

Дьэ да дьэ, сандааран! (Д ДьС 121) ‘Что за дом, освещающий ярким светом!’. В этом примере используется деепричастие от глагола *сандаар* ‘распространять яркий свет, сиять, вспыхивать’ в качестве сказуемого простого предложения.

Аҕам сангата суох ыыстыйан сылдьара (Д ДьС 302) ‘Отец молча ходил мрачнее тучи’.

Сибиинньэни сибиинньэлэргэ сэбиэдиссэй онгордоххо, төрүт даҕаны сибиинньэтийиэ суоҕа дуо? (ИГ Д 252) ‘Если сделать свинью заведующей свиньями, то не станет ли он совсем свиньей?’.

Итинник буоллабына гитлеровецтар да сирэйдэрэ мантан антах холлон барар ини диэн сүрдээх күүстээх, эрэллээх санаа, өһү-сааһы ситиһии дуоһуууута үөскээбитэ (ГК СС 142) ‘Возникла сильная, верная мысль, наслаждение мстостью, что отныне выражения лиц гитлеровцев будут только портиться’.

Кэнгэдэ хоһуун күнүс эмиэ хаамыытын түргэтэппэт даҕаны, бытаардыбат даҕаны этэ, куолаһа эмиэ уларыйбат (Д ББ 137) ‘Храбрый Кэнгэдэ днем тоже даже не убыстряет шаг и не замедляет, голос его тоже не меняется’.

Ол аайы били бастаан сыстаннас, сылаанныыгас Розата тыйыстыйан, кытаатан иһэрэ (Д ДДКС 295) ‘По мере этого поначалу прилипчивая, приветливая Роза становилась все холоднее, все жестче’.

Таким образом, средства выражения глагольной атрибутивной качественности включают в себя причастия; деепричастия в качестве глагольных атрибутов встречаются, но весьма редко. В дополнение к уже цитированным примерам приведем еще один пример использования деепричастия на *-ан* в качестве определения: *Оо, кулуһутан түһэн дьикти куолас* (РК С 85) ‘Такой энергично звонкий, чудный голос’. Выше мы представили три разных типа предикативной качественности в их самостоятельной реализации. Однако, в нашей подборке примеров многие представляют собой смешанные типы. Рассмотрим, некоторые из них. Так, в следующем примере мы имеем два типа предикативной качественности внутри одного сложносочиненного предложения – свойство как результат в прошедшем категорическом времени, за которым следует свойство в своем актуальном проявлении в настоящее-будущем времени: *Мин таҕаһым кыараҕаһынан уонна кылгаһынан кыайбыта, оттон киниэнэ киэнгинэн уонна уһунунан сиэн эрэр* (НЗ Д 118) ‘Моя одежда выиграла своей узостью и короткостью, а его побеждает своей просторностью и длиной’. Атрибутивная и предикативная качественность также часто смешиваются, как видим из следующих примеров: *[Көбөннөр] биһиэхэ тэһии, үргүүк, букатын аттыларыгар чугаһаппат бэйэлэрэ манна [Копенгагенна] олус нэстэр, кийиттэн адьас куттамматтар* (Д КЫ 330) ‘Резвые, пугливые, никого к себе не подпус-

кающие кряквы, здесь в Копенгагене, очень неповоротливые, совсем не боятся человека»; *Бэлиэчэй ийэтэ, матаннаабыт суон эмээхсин, дьэбир майгыннаабынан биллэр* (ПА ТБС 148) ‘Мать Бэлиэчэйэ, неторопливо двигающаяся полная старушка, известна своим выносливым характером’; *Барыы эрэ туһунан саныы сыппыт санаа дьайбаран барда. Кыыс суруга көр итинник күүстээх* (НАпр УөТ 6) ‘Мысль, до этого занятая тревогами о болезни, стала проясняться. Письмо девушки обладает такой силой’; *Олобун бүтүннүүтүн саха театральнай искусствотыгар анаабыт, нарын-намчы дууһалаах, искусство биллиилээх деятелэ ити ыар сүтүктэрин кыайан уйбатаба, бүдүрүйбүтэ, арыгылаабыта* (ЕНик КК 32) ‘Всю свою жизнь посвятивший театальному искусству, с нежной душой, видный деятель искусства не смог вынести этих тяжелых потерь, споткнулся, стал выпивать’.

РАЗДЕЛ 3.

ДИСТРИБУТИВНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Дистрибутивность, как отмечают исследователи, представляет собой один из универсальных семантических типов глагольной множественности, выражающий “расчлененность выполнения действий разными участниками ситуации или подчеркнутость полного охвата всех участников ситуации действием” [Долинина, 1996, с. 240]. Исходя из специфики данного понятия, В.С. Храковский выделяет две основные семантические особенности дистрибутивной множественности: 1) микроситуации, входящие в дистрибутивное множество, совокупно составляют одну макроситуацию; 2) одним и тем же актантом/сирконстантом каждой ситуации является один из единичных представителей совокупного актанта/сирконстанта [Храковский, 1989, с. 34].

Значение дистрибутивной множественности упоминается в аспектологических трудах Ю.С. Маслова (1959, ... 1984), А.В. Бондарко (1967, ... 1997), М.А. Шелякина (1980), И. Пете (1981), М.А. Осиповой (1984), В.А. Шкунникова (1997) и др. В качестве отдельного семантического типа она выделяется практически во всех существующих классификациях значений “предикативной множественности” (W. Dressler (1968), В.С. Храковский (1989), И.Б. Долинина (1996), Л.М. Болсуновская, Н.Г. Кузнецова (1999) и др.). К специальным работам, посвященным указанной тематике, относятся диссертационные исследования Ю. Хартунг (1979), А.Н. Понкратовой (2002).

Выражение дистрибутивной множественности в якутской лингвистической традиции

Несмотря на то, что в якутском языкознании дистрибутивная множественность не получила должного изучения в качестве самостоятельного семантического типа, описания ее отдельных репрезентантов в той или иной степени нашли отражение в исследованиях по якутскому языку.

В якутском языке ядро категории дистрибутивной множественности образуют формы многократности с аффиксами *-талаа*, *-таа*, *-аттаа*. На наличие в семантике данных форм дистрибутивного оттенка значения указывает еще академик О.Н. Бетлингк в своем классическом труде “О языке якутов” (1851): “Уваровский употребляет эти производные глаголы тогда, когда он хочет подчеркнуть, что действие... осуществляется на некоторое количество объектов или некоторым количеством субъектов” и приводит в качестве примера *туһэртээбиттэрэ*, *ыыталаабыттара*, *туруортаан*, *тутуталаан*, *абалтаан* (с объектом в ед. числе, который из-за интенсива мыслится во множественном числе) и т.д. [Бетлингк, 1990, с. 394]. Все указанные автором примеры “характеризуют не столько повторяемость или интенсивность действия, сколько его количественную распространенность или множественность” [Харитонов, 1960, с. 18].

В “Грамматике якутского языка” (1900) С.В. Ястремский также выделяет значение дистрибутивной множественности у форм многократности: “эти глаголы показывают, что действие направлено сразу на много пунктов или совершается в крупных размерах, захватывая сразу много объектов” [Ястремский, 1938, с. 115]. В качестве иллюстративного материала преимущественно представлены формы с дистрибутивной семантикой: *аҕалтаа-* ‘принести много чего’, *уураттаа-* ‘класть много чего’, *гынаттаа-* ‘делать много чего’, *кыайталаа-* ‘одолевать многих’ и т.п.

Дистрибутивность как один из основных оттенков семантики многократного “вида” наиболее подробно рассмотрен в трудах проф. Л.Н. Харитонова. В работе “Современный якутский язык. Фонетика и морфология” (1947) автор, обобщив и углубив достижения своих предшественников, охарактеризовал глаголы многократного “вида” как выражающие “действие, совершаемое многократно или же направленное на несколько предметов” [Харитонов, 1947, с. 181]. Л.Н. Харитоновым отмечается, что многократные глаголы могут иметь различные оттенки значения, среди которых особенно выделяется “действие, одновременно или последовательно направленное на ряд объектов”: *эмээхсин чааскыларын сууйан сотуталаата уонна ыскаабыгар уурталаата* ‘старуха, свои чашки вымывши, вытерла их и поставила в свой шкаф’; *хотон туннугунэн ыт киирэн ынахтары ургутэлээтэ* ‘через окошко хотона пробралась собака и перепугала коров’; *аттарын от күүрүтүгэр баайталаабыттара* ‘коней своих они привязали к изгороди стога’ [Там же, с. 182].

Монография “Формы глагольного вида в якутском языке” (1960) – первая работа, в которой объединены в отдельную группу аффиксы с общей семантикой обозначения множественности (многообъектности или многосубъектности) действия. При сопоставлении аффиксов *-талаа*, *-таа*, *-аттаа* (как восходящих к единому морфологическому элементу *та-*) с другими формами, исследователь отмечает проявление оттенка “особой определенности, часто придаваемой значению глагола данными аффиксами, состоящей в том, что действие мыслится как бы распределенным по всем объектам или субъектам, охватывая их все без исключения” [Харитонов, 1960, с. 29]. При этом Л.Н. Харитонов обращает особое внимание также на их функциональную характеристику, на изменение содержания семантики в зависимости от значения основы (что в частности относится к аффиксу *-талаа*): переходные глаголы приобретают значение множественности в тех случаях, когда “действие распространяется на ряд объектов или исходит от ряда субъектов”; непереходные – когда “действие реализуется как совокупность ряда однократных действий (актов), выполняемых разными лицами в разное время”; смешанный с кратностью характер значения – “повторяющееся действие исходит от ряда лиц или охватывает ряд объектов последовательно”; при употреблении в речи оттенок значения глагола каждый раз определяется контекстом [Там же, с. 20]. В отличие от *-талаа* (*-ыталаа*), аффиксы *-таа* и *-аттаа* “могут выражать собственно кратность или повторение действия лишь в редких случаях, в особом контексте” [Там же, с. 29-30].

Упоминание о дистрибутивной семантике указанных аффиксов многократности находим и в исследовании Г.А. Никифорова “Категория множественности в якутском языке” (1952). Несмотря на то, что в семантике аффиксов *-талаа* (*-ыталаа*), *-ыалаа* (*-ыаккалаа*) и *-таа* автором в качестве преобладающего указывается значение “многократности действия, совершения одного и того же действия несколько раз” [Никифоров, 1952, с. 7], приводятся и примеры, когда многократное действие может быть направлено и на несколько объектов одновременно, что, по мнению Г.А. Никифорова, достигается путем удвоения аффикса многократности: *ааннары тардыалаталаа* ‘двери потягивай по несколько раз’ [Там же, с. 7].

В “Грамматике современного якутского литературного языка” (1982) семантика дистрибутивной множественности нашла отражение и в самом обозначении многократных форм глагола – “множественно-многократный вид”. При этом данная точка зрения вполне согласуется с ранее высказанным мнением Л.Н. Харитонова: “Для данной формы, вероятно, более точным было бы название “форма множественности и многократности или множественно-многократная форма” [Харитонов, 1960, с. 18]. Основное значение “множественно-многократного

вида” П.А. Слепцовым определено как “последовательное чередование действия или ряда действий во времени” [ГСЯЛЯ, 1982, с. 276]. Исходя из того, что значение многократности тесно связано с количеством действующих лиц и объектов действия (актантов), автор утверждает, что в значении этого вида господствующим является именно оттенок множественности действия [ГСЯЛЯ, 1982, с. 277].

Грамматика примечательна еще и тем, что в ней впервые из всех вышеуказанных работ встречается термин “дистрибутивное значение”, обозначающий один из основных оттенков многократных глаголов в якутском языке: “выражение рассредоточенности действия по субъектам и объектам” [ГСЯЛЯ, 1982, с. 276]. Приводятся конкретные условия его реализации у форм с многократным аффиксом: 1) если объект действия выступает во множественном числе, а субъект – в единственном, то многократный глагол выражает также кратность, но мыслимую как ряд действий, охватывающих последовательно все объекты действия: *Эмээхсин толкуйдуур, колхозтаахтары биир-биир санаталыыр* ‘Старуха думает, перебирает в уме каждого из колхозников’; 2) если субъект действия (в переходных глаголах – субъект и объект действия) выступает во множественном числе, то многократный глагол выражает различные способы чередования действия: *Далга турар аттары тутуталаан ажаланнар, оскуола обуруотугар баайталаабыттар* ‘Они поймали (всех) лошадей, стоявших в загоне, и попривязали к школьной изгороди’ [Там же, с. 276].

Остальные репрезентанты дистрибутивной множественности в якутском языке исследованы не так тщательно и нуждаются в теоретическом переосмыслении с позиции современной аспектологии в рамках функционально-семантического подхода. В зависимости от семантики частных подтипов можно выделить грамматические (редупликация деепричастий, аналитические формы со вспомогательным глаголом с семантикой завершенности), лексические глагольные средства (глагольные основы, обозначающие перемещение объекта, передачи и отчуждения, разделения и т.п.) и неглагольные лексические средства (многократные наречия, удвоенные имена существительные, собирательные местоимения и частицы и т.п.).

В тюркских языках в качестве специализированного средства выражения дистрибутивного значения преимущественно используются аналитические конструкции со вспомогательными глаголами [Исхакова, 1989, с. 117-120]. В отличие от них, в аналитических аспектуальных конструкциях якутского языка значение дистрибутивной множественности контекстуально зависимо: “аналитическая форма вида всегда определяется только по контексту” [Харитонов, 1960, с. 86]. Последовательная семантика совершаемых действий наблюдается в зависимости от множественности актантов и лексического значения основы деепричастия. Исходя из этого, на основе исследования бивербальных конструкций, проведенного Н.И. Поповой (2005-2006), могут быть выделены следующие группы со вспомогательными глаголами (*бар-*, *ис-*, *эр-*, *тур-*, *обус-*), в которых так или иначе прослеживается дистрибутивная семантика: с основами-глаголами бытия (*Саас сүөһүлэрэ сутаан өлөн барбыта* ‘Весной от голода начался падеж скота’; *өлүү-сүтүү, алдьархай тахса турар* ‘смерть, беды продолжают возникать’); физического воздействия (разделения) (*Аны ол дьадаҥы киһи кэлэн түгэтэн барар* ‘Затем приходит тот бедняк и начинает делить’); владения (приобретения) (*Биһиги инники сэриилэрбит өрүһү туораан өстөөх иккис, үһүс кирбии окуопаларын ылан эрэллэр* ‘Наши передовые войска, перебравшись на ту сторону реки, начинают занимать второй, третий рубежи вражеских окопов’); перемещения объекта (*Дьыалабытын киниэхэ онотторо-онотторо, миэхэ тиксэрэн иһиэххит* ‘Дела свои будете делать у него и доставлять (одно за другим, по мере завершения) мне’); помещения объекта (*Онтукабын сойутан баран, күлүк сиргэ хаһыллыбыт омуһахха ууран испитим* ‘Остудив, складывал ее (друг за другом) в яму, вырытую в тени’) и др.

В качестве одного из морфологических средств выражения дистрибутивной множественности может рассматриваться и редупликация деепричастий. Деепричастия на *-ан* и *-а* (*-ыы*), по мнению Л.Н. Харитонова, в удвоенном виде утрачивают способность сочетаться со служебными глаголами, но при этом в зависимости от смысла контекста и лексического значения глагольных основ (деепричастия и личного глагола) могут сами принимать “видовые оттенки значения: параллельную продолженность действия, многократность, чередование действий” [Харитонов,

1960, с. 56-57]. Подробное описание общей семантики редуцированных деепричастий представлено в исследовании Е.И. Коркиной “Деепричастия в якутском языке” (1985). Как отмечает исследователь, деепричастие на *-ан*, как и на *-а (-ыы)*, часто употребляется в удвоенном – редуцированном виде, выражая при этом не только продолжительность, интенсивность действия, но и многократность его совершения [Коркина, 1985, с. 21, 23]. Дистрибутивный оттенок значения при этом появляется только в примерах с определенными основами и множественным актантом. Например: *Оо, дьулааннары көрөн-көрөммүн, мунгу-тангы билэн-билэммин, сэрииттэн төннүбүтүм* ‘О, я вернулся с войны насмотревшись-наглядевшись бедствий, познав-повидав с лихвой горе-несчастье’. В некоторых случаях могут сопровождаться и служебными глаголами: *Делегаттар киирдэр-киирэн истилэр* ‘Делегаты стали заходить друг за другом’ [Там же].

На наш взгляд, редуцированные деепричастия, в отличие от аффиксов многократности, не могут быть отнесены к специализированным показателям повторяемости или множественности действия, поскольку в зависимости от лексического значения глагольной основы указывают также на его длительность или интенсивность. В основном дистрибутивное значение наиболее явно прослеживается в высказываниях, когда редупликации подвергается основа с переходной предельной семантикой (*охсо-охсо* ‘ударяя, сбивая (по очереди)’, *ингэ-ингэ* ‘натыкаясь’ и т.п.). В высказывании чаще всего данные деепричастия используются в сочетании с аффиксальными формами многократности (*ыла-ыла элитэлиир* ‘берет (поочередно) и бросает’ и т.п.).

К грамматическим дистрибутивам могут быть отнесены и некоторые залоговые формы. Так, в тюркских языках аффиксальные репрезентанты представлены показателем взаимно-совместного залога, подчеркивающим множество участников ситуации или обозначающим распределенность совершаемого действия между несколькими субъектами [Исхакова, 1989, с. 117-120]. В якутском языке О.Н. Бетлингком в разделе, посвященном формам интенсива, кроме форм многократности, приводятся и глаголы с аффиксами побудительного залога, которые в той или иной степени могут передавать дистрибутивное значение: *тобулут-* ‘пробить насквозь в нескольких местах’, *сингэрит-* ‘обрушиваться во многих местах’ [Бетлингк, 1990, с. 394]. С.В. Ястремский, как и О.Н. Бетлингк, к глаголам Intensiv относит и формы побудительного залога: в примерах, наряду с рассмотренным *тобулут-*, приводится и *дэлбэрит-* ‘расколоть во многих местах’. Но данное средство, на наш взгляд, относится скорее к периферийным, контекстуальным средствам выражения.

Исходя из того, что акциональные значения глагола тесно связаны с его лексической семантикой, необходимо отметить, что в якутском языке до сих пор не выделены в отдельную группу *лексические дистрибутивы*, т.е. глаголы, у которых в основе заложено значение множественности, распределенности действия. В отличие от мультипликативов [Самсонова, 2013, с. 197-201], не все дистрибутивные значения могут иметь выражение в глагольной основе. Кроме того, выявление данной группы осложняется полисемией большинства глагольных лексем в якутском языке. На наш взгляд, в данную группу могут быть объединены в основном глаголы, обозначающие движение от некоторой общей исходной точки или к некоторой общей точке (так называемые диверсативные/цислокативные значения): из них в качестве объектных могут выступать глаголы физического воздействия (*түм-* ‘собирать, сосредоточивать’, *тис-* ‘низать, нанизывать; собирать’, *хомуй-* ‘убирать, собирать’, *мус-* ‘собирать в одном месте; складывать что-л. в кучу, грудой’; *түгэт-* ‘делить, распределять’, *тарбат-* ‘раздавать; распускать, разгонять’, *үлэр-* ‘делить, разделять, распределять’, *ыс-* ‘разбрасывать, раскидывать; рассеивать’, *тамнаа-* ‘разбрасывать что-л.’), субъектных – движения (*сырыс-* ‘в знач. разбежаться’, *тарбас-* ‘расходиться’, *ыһылын-* ‘разбросаться, разойтись; рассеяться’, *муһун-* ‘собираться в одном месте’, *түмүс-* ‘объединяться, собираться в одном месте’). При этом большинство указанных глаголов представляет собой залоговые формы от одной основы и подразумевает действия над чем-то множественным или состоящим из множества частей. Описание некоторых из указанных глагольных лексем представлено в исследованиях Е.П. Копыриной (2012) в составе подгрупп ЛСГ физического воздействия на объект как глаголов соединения, присоединения, отделения,

разделения и т.п. Синонимичные им глаголы, но с дополнительной эмоционально-оценочной и экспрессивной семантикой представлены в исследовании В.И. Лиханова (*айбардаа*- ‘разбазаривать’, *матайдаа*- ‘проматывать, растрачивать’; *чуобуй*- ‘сильно толпиться, скопиться в одном месте’, *үмүөрүс*- ‘скупиваться, сбиваться в кучу, толпиться’, *ыскайдаа*- ‘разбрасывать, раскидывать; рассеивать, разбрызгивать усиленно, во все стороны’ и т.п.) [Лиханов, 1994, с. 66, 95, 111-122].

Важную роль в реализации семантики дистрибутивной множественности играет и аспектологический контекст. В якутском языке контекстообразующие средства выражения дистрибутивности отличаются еще меньшей разработанностью. Данные *неглагольные лексические средства* представлены преимущественно наречиями, выражающими последовательность в ходе событий, некоторую очередность в действиях, их распределенность. Л.Н. Харитоновым в исследовании “Неизменяемые слова в якутском языке” (1943) отмечается, что значение многократности в наречиях придается при помощи аффикса *-та / -тэ* (*-рыта, -ритэ, -рута, -рүтэ*). В их значении автор различает два оттенка, один из которых обозначает “действие, направленное на ряд предметов, причем в отношении каждого из них оно может быть однократным (*бу быалары быһыта баттаа* ‘перережь эти веревки’)” [Харитонов, 1943, с. 32].

Но в основном наречия, выступающие в качестве репрезентантов дистрибутивной множественности, бывают парными или удвоенными (*биир-биир* ‘одного за другим’, *утуусубуу* ‘друг за другом, один за другим, постепенно’, *биирдии-биирдии* ‘по одному’, *тус-туспа* ‘по отдельности’, *наар-наар* ‘в ряд, близко один от другого, по группам’ и т.п.). На проявление семантики множественности и совокупности, возникающее при удвоении основы имени существительного, указывает Е.И. Убрятова: “выступая в предложении как обстоятельство образа действия, выражает последовательность в ходе событий, некоторую очередность в действиях (*сүһүөх-сүһүөх этэн барда* ‘начал проговаривать строфу за строфой (по частям, по группам)’, *уочарат-уочарат этэллэр* ‘говорят по очереди’), а в роли обстоятельства места имеет свой оттенок значения – равномерное распределение по многим местам (*дьиэ-дьиэбитигэр тарбаатыбыт* ‘мы разошлись по домам’, *орун-оннугар* ‘по местам’)” [Убрятова, 1960, с. 216-217]. При этом необходимо отметить, что в якутском языке такая наиболее многочисленная и разнообразная группа наречий, как парные и удвоенные, до сих пор не подвергалась специальному исследованию: “их структурные типы, значение и происхождение до сих пор остаются почти совсем не изученными” [ГСЯЛЯ, 1982, с. 349]. Не говоря уже о выделении в них отдельных семантических типов, в том числе обозначающих множественность, распределенность или последовательность действий.

В исследованиях Петрова Н.Е. “Частицы в якутском языке” (1978) и Даниловой Н.И. “Местоимение в якутском языке” (1991) представлено описание отдельных местоимений и частиц, указывающих на обобщение, собирательность или на полноту охвата частей множественного объекта, над которым производится каждое из повторяющихся действий (*бары* ‘все’, *барыта* ‘все, весь, всего’, *бүтүн* ‘весь, целый’) или придающих оттенок разобщенного множества (*хас биирдии* ‘каждому’, *биирдии бэйэлэригэр* ‘каждому в отдельности’, *тус-туспа* ‘по отдельности’ и т.п.). Например: *Кэйиикэбинг босхо барбыт, ынах-ынабы барытын кэйбит* ‘Твоя Бодливая отвязалась и перебодала всех коров’; *Кыаммат дьон чэй, табах, тангас булунаары муснут эттэрин, арыыларын, балыктарын барытын буор босхону эрэ үрдүнэн хомуйан ылар* ‘Все мясо, масло, рыбу, которые бедняки скопили, чтобы приобрести за них чай, табак, одежду, он собирает почти задаром’ [Петров, 1978, с. 197].

Таким образом, в якутском языке значение распределенности, собирательности и множественности действия наблюдается в семантике различных грамматических и лексических средств. При этом, несмотря на наличие определенного количества научных трудов, посвященных тем или иным аспектам затрагиваемой темы, план выражения дистрибутивной множественности отличается неравномерной изученностью.

Дистрибутивная множественность и особенности представления групповых актантов в якутском языке

Специфика репрезентации значения дистрибутивной множественности предполагает выделение такого аспекта рассмотрения как характер репрезентации группового актанта. В якутском языке дистрибутивная множественность, как и в большинстве языков, чаще всего не является компонентом лексического значения глагола, а зависит от свойств аргументов. Так, главная особенность синтаксической структуры предложения с дистрибутивным глаголом заключается в том, что “как минимум одну актантную/сирконстантную позицию занимает предметное существительное во множественном числе или собирательное существительное в единственном числе” [ТФГ, 1987, с. 140].

Исходя из этого, отдельного рассмотрения требуют средства выражения именной множественности. В рамках исследования дистрибутива представляется возможным дифференцировать поля определенной-неопределенной множественности и рассмотреть их в зависимости от однотипности либо разнородности компонентов. В качестве репрезентантов группового актанта задействован целый комплекс разноуровневых средств, которые в той или иной степени могут подчеркивать выражение собирательности, расчлененности или полного охвата действием всех участников ситуации. Все вышеуказанное образует функционально-семантическое поле именной множественности, отличающееся в якутском языкознании наиболее полной изученностью, о чем свидетельствуют специальные исследования Г.А. Никифорова (1952), И.В. Собакиной (2004), И.Б. Ивановой (2012), Е.С. Герасимовой (2012) и др. Вопрос соотношения категорий определенности-неопределенности и множественности представлен в работах Н.А. Сивцевой (2011, 2012). В рамках изучения именной множественности возникает необходимость рассмотрения и категории числа, получившей достаточное освещение в грамматиках якутского языка [Бетлингк, 1851; Ястремский, 1900; Харитонов, 1947; ГСЯЛЯ, 1982; Курс якутской грамматики, 2004 и др.]. Исходя из этого, данный аспект исследования может считаться достаточно изученным и не требует их полного представления. Обобщение результатов вышеуказанных работ может послужить основой для рассмотрения вопроса репрезентации группового актанта в якутском языке.

В якутском языке глагол выражает дистрибутивное значение в случае, если объект действия выступает во множественном числе, а субъект – в единственном (ряд действий, охватывающих последовательно все объекты действия) или во множественном (различные способы чередования действия) [ГСЯЛЯ, 1982, с. 276]. Значение множественности действия преобладает в семантике форм многократности с универсальным аффиксом *-талаа* и малоупотребительными аффиксами *-таа*, *-аттаа*, *-ыалаа*.

На наш взгляд, особенности представления группового актанта наиболее четко проявляются в глагольных конструкциях с семантикой объектного дистрибутива. Поскольку “объектно-дистрибутивные значения могут образовывать только глаголы с валентностью на дополнение” [Долинина, 1996, с. 241], то среди данных отношений наиболее употребительным в якутском языке является оформление с помощью винительного падежа (*-ны*, *-ы*).

Во-первых, группа может быть представлена определенным количеством индивидуализированных актантов:

1) Одним из основных средств выражения множественности актантов является синтаксический способ: специальные количественные числительные (Num) + имя существительное в винительном падеже (N4). Как отмечают исследователи, в якутском языке “числительное больше единицы само дает достаточно ясное указание на множественность значения определяемого им существительного и не требует подтверждения этого грамматической формой множественного числа” [ГСЯЛЯ, 1982, с. 177]. В данном случае с помощью глагольных форм с аффиксами многократности/множественности (V_{iter}) производится подчеркнутое выделение каждого из однотипных компонентов группового актанта. Например: *Ыт ойон кэлэн укки илин атаҕын оҕонньор ньылбэктэригэр уурталыыр* (АА СК 1994 104) ‘Собака, подбежав к хозяину-старика, кладет ему на колени (одну за другой) обе передние лапы’; *Микиитэ мэччийэ сылдьар*

түүрт оуһу тутуталаан... уулатан таһаарар (АА СК 1994 88) ‘Никита поймав (всех, одного за другим) четверых быков, которых отправили пастись, сводил их на водопой’.

2) Подчеркнутое выделение грамматическими дистрибутивами каждого из членов однотипного группового актанта встречается и в предложениях, где в качестве дополнения выступают имена существительные, обозначающие парные предметы и части тела (*этэрбэс* ‘торбаса, сапоги’, *үтүлүк* ‘рукавицы’, *илии* ‘руки’, *атах* ‘ноги’, *харах* ‘глаза’, *кулгаах* ‘уши’ и т.п.). Как отмечают исследователи, эти лексические средства выражения множественности обладают семантикой конкретной раздельности и “употребляются в основном только в форме единственного числа, так как количественная характеристика выражается семантически” [Собакина, 2004, с. 158]. Но в сочетании с дистрибутивными глаголами данные имена существительные употребляются в форме множественного числа (*этэрбэс – этэрбэстэр, сиэх – сиэхтэр*), что можно представить в виде конструкции – N-лар4 + V_{iter}. Например: *Микиитэ кыбынан кэлбит этэрбэстэрин орон анныгар “сиигирдэ” элитэлээтэ...* (АА СК 1994 180) ‘Никита вынул из подмышек торбаса и закинул (одну за другой) под нары – пусть «отсыреют»»; *Офонньор сиэхтэри хаартан оруу тардыталаан ылла...* (АА СК 1994 241) ‘Старик вынул оторванные (оба) рукава из-под снега...’.

3) В качестве группового актанта в конструкциях с дистрибутивными глаголами могут выступать и имена существительные в форме единственного числа, представленные в виде однородных членов предложения (дополнений): N4, N4 (или N4 + соед. союз *уонна* + N4) + V_{iter}. В отличие от вышеуказанных средств, их компоненты представляют собой не однотипные, а самостоятельные, индивидуализированные актанты (*тэлгэх* ‘подстилка, постель’ и *тутуур* ‘ручная кладь, поклажа’): *Микиитэ сүгэн иһэр тэлгэбин уонна лэппиэскэлээх көһүлүөк тутуурун суолга уурталаата* (АА СК 1994 224) ‘Никита оставил (поочередно) на дороге снятую со спины подстилку и узелок с провизией, что нес в руках’.

Во-вторых, групповой актант может быть представлен неопределенным количеством индивидуализированных единиц:

1) Наиболее частым употреблением с дистрибутивными глаголами характеризуются имена существительные с основным показателем множественности – аффиксом множественного числа *-лар* (N-лар4 + V_{iter}): *Сарсыарда Тохороон хотуулламмыт кыбыытыттан сылгылары уурэн таһаартыы турда* (АА СК 1994 213) ‘Утром Тохорон выгонял лошадей (всех), забравшихся в изгородь для складывания сена’; *...ытаамаары кыатана сатаан, истиэнэбэ баар мутук омооннорун аабыталыыр* (АА СК 1994 142) ‘чтобы не расплакаться, он начал пересчитывать на бревенчатой стене следы от сучьев’; *Чэрэниилэ тохтубут, строка дьиктэммит кэлимнэрин көтүртээн санга кэлим кумаабылары сыһыартыыр* (АА СК 1994 329) ‘открепляя (одну за другой) те части стенгазеты, где имелись пятна от чернил, ошибки, он приклеивал (поочередно) вместо них новые листы’. В рассмотренных примерах групповой актант понимается как состоящий из неопределенного количества однотипных актантов, на что указывает их основа [Курс якутской грамматики, 2004, с. 40] (*сылгылар* ‘лошади’ от *сылгы* ‘лошадь, конь’, *омооннор* ‘очертания, следы’ от *омоон* ‘очертание, силуэт’, *кэлимнэр* ‘листы’ от *кэлим* ‘цельный лист’).

2) Имена существительные в форме множественного числа могут быть представлены в виде однородных членов предложения – N-лар4, N-лар4 (или N-лар4 + уонна N-лар4) + V_{iter}: *Кини суон талабынан эриэн ынахтары, бүтэй муостаах ала оуустары онортоон биэрэр* (АА СК 1994 127) ‘Он вырезал (*онортоо*- ‘в знач. повырезать’) из толстого тальника пестрых коров, бело-боких быков с цельными рогами’; *Улабата суох тунаар мабанна, күүччэх ытыктарын уонна бөдөҥ көтөр куорсуннарын анньыталаабыт курдук...* (АА СК 1994 223) ‘на безгранично-белом покрове (торчали редкие стебли сорной травы), кажущиеся воткнутыми (*анньыталаа*- ‘повтыкать’) кем-то мутовками для сбивания сливок или маховыми перьями крупных птиц’. В данном случае использование формы множественного числа указывает на то, что групповой актант состоит из неопределенного количества разнородных, неоднотипных компонентов.

3) Значение собирательного множества, представляющего собой “совокупность двух или более предметов одного рода или вида, имеющих внутреннюю органическую связь между

собой” [Никифоров, 1952, с. 11], в большинстве случаев передается при помощи парных слов (N-N), например, *баай-дуол* ‘богатство, имущество, изобилие’ (N-N4 + V_{iter}): “*Кэдэлдьи*” *булгун-ньабын үрдүттэн баайы-дуолу бар дьонго түнгэтэлээн үллэ-дэбилиэй турар, санааба баар Миитэрэйи одуулаһан...* (АА СК 1994 201) ‘В мечтах они видели Дмитрия, который с вершины холма Кэдэлджи раздавал народу богатства’. Данные лексические средства могут выступать и в виде однородных членов предложения (N-N4, N-N4 + V_{iter}): *...эрэпкиэмнэр баай ыаллары ньэнгийтэлээн, кистээбит үптэрин-астарын, сааларын-сэптэрин тутуталыыр сурахтара иһилиннэ* (АА СК 1994 208) ‘Доносились слухи, что ревкомовцы производили обыски в домах богачей, конфискуя (все) спрятанное имущество и оружие’.

4) В некоторых случаях подчеркивается полная охваченность действием всех без исключения членов множественного актанта. Это чаще всего конструкции с собирательным местоимением *бары* (*барытын*) ‘все’ (N4+ *барытын* + V_{iter}), служащим для указания на полноту охвата чего-л., который может выступать в сочетании с парными (N-N) или собирательными именами (N_{собр.}) существительными в единственном или множественном числе: *Онтон кэтит долбуур үрдүгэр ойон тахсан... араас күөдэли, эргэ иһиттэри барытын сиргэ хаһыйталаата* (АА СК 1994 247) ‘Он взобрался на широкую полку в кладовой... и начал сметать на пол все – всякий хлам, старую посуду’.

5) неопределенно-количественные имена, например, *элбэх* ‘много, множество, многочисленный’, могут использоваться и как основное, и как дополнительное средство выражения множественности актанта, независимо от однотипности или разнородности его компонентов (Num_{элбэх} + N4 + V_{iter}): *Аңар кулгааба суох бэргэһэтэ балачча өр булумахтанна, элбэх обону охтортоото* (АА СК 1994 291) ‘его шапка с оторванным ухом довольно долго мелькала (среди дерущихся детей), многих из которых он повалил (поочередно)’; *Бэрт элбэх сону-бэргэһэни муостаба суулартаата* (АА СК 1994 318) ‘Он сбросил на пол множество шапок и пальто (одно за другим)’.

6) Среди лексических средств, обладающих семантикой неопределенной раздельности, отдельно могут быть выделены имена существительные со значением вещественности (N_{вещ.}). В конструкциях с дистрибутивными глаголами данные дополнения выступают в форме единственного числа и подразумевают однотипность компонентов группового актанта (N_{вещ.} 4 + V_{iter}): *Эмээхсин аан оронно олоро түстэ, өрө уһуутаан кэбистэ, ытыстарынан баттабын силэйтэлээтэ...* (АА СК 1994 91) ‘Старуха резко села на нары возле двери, тяжело и протяжно вздохнула, убрала с лица разметавшиеся волосы (пряди, одну за другой)’; *Мотуруона булумһу уутуттан эргэ алтан сылабаарга кутан бэрт холкутук чох угуталыыр* (АА СК 1994 100) ‘Матрена перелила часть доставшейся даром воды в самовар и преспокойно стала класть в него угли (один за другим)’.

Основные семантические подтипы дистрибутивной глагольной множественности и их репрезентанты в якутском языке

Известно, что, несмотря на определенную изученность категории дистрибутивности в научной литературе, вопрос о ее подтипах продолжает оставаться дискуссионным. Наиболее известные классификации подтипов дистрибутивной множественности представлены в исследованиях В. Дресслера (1968), В.С. Храковского (1989), И.Б. Долининой (1996). Они в основном базируются на дифференциации актантов и с учетом временного/пространственного параметра, исходя из чего дифференциация дистрибутива может быть основана только на сочетании обоих отличительных признаков.

Перечень частных дистрибутивных значений, используемый в данном исследовании, является результатом переработки списков разновидностей дистрибутивов, выделенных в литературе, и соотносимых с материалом якутского языка: *объектный дистрибутив*, *адресатный дистрибутив*, *субъектный дистрибутив*, *субъектный дисперсив*. Для ситуаций движения – с учетом пространственного параметра выделяются: *диверсатив* (субъектный и объектный), *цилокатив* (субъектный и объектный) и *амбулатив*. Также реализуется два вида квазидистрибутивного значения.

Объектный дистрибутив

С семантической точки зрения в якутском языке объектный дистрибутив означает действие, поочередно распределяющееся на ряд объектов. Средства выражения объектной дистрибутивной множественности различаются на лексические и грамматические. Грамматические дистрибутивы, в отличие от лексических, более распространены и образуются от исходных глаголов либо с помощью *аффиксации*, либо с помощью *редупликации*, которые могут параллельно использоваться в одном и том же языке порознь и совместно [Храковский, 1989, с. 36].

При разделении объектного и субъектного дистрибутивов решающее значение имеет переходность/непереходность глагола: в отличие от субъектного, объектный дистрибутив может быть представлен только переходными глаголами. С переходными глаголами, когда объект действия выступает во множественном числе, а субъект в единственном, то многократный глагол выражает также кратность, но мыслимую обычно как ряд действий, охватывающих последовательно несколько объектов [Харитонов, 1960, с. 25], т.е. объектный дистрибутив. Характерными синтетическими средствами выражения данного подтипа, кроме аффикса *-талаа*, являются аффиксы *-таа* и *-аттаа*.

Аффикс *-таа*, “обычно указывающий на многообъектность и многосубъектность действия” [ГСЯЛЯ, 1982, с. 286], образует многократную форму от переходных глаголов с конечным *р* или *л*, обладающих преимущественно побудительным значением [Харитонов, 1960, с. 27]. Данное обстоятельство позволяет характеризовать его как средство выражения значения объектного дистрибутива: *Дьиэбэ ийэтигэр аҕатын кэһиитин көрдөртөөтө* (К КТ 49) ‘Дома показал матери гостинцы, которые привез ему отец’ (действие, распределенное по всем объектам); *Чэрэниилэ тохтубут, строка дьиэктэммит кэлимнэрин көтүртээн, санга кэлим кумаабылары сыһыартыыр* (АА СК 1994 329) ‘Открепляя запятнанные чернилами, с ошибками листы, приклеивал новые’ (последовательное действие, выполняемое одно за другим, по отношению к множественному объекту).

Аффикс *-аттаа*, встречающийся в многократной форме от немногих переходных глаголов (*ылаттаа*- от *ыл-* ‘взять, брать’, *билэттээ*- от *бил-* ‘знать, узнавать’, *булаттаа*- от *бул-* ‘находить’, *угаттаа*- от *ук-* ‘вкладывать’, *уураттаа*- от *уур-* ‘класть’, *быраҕаттаа*- от *бырах-* ‘бросать’, *тамнааттаа*- от *тамнаа-* ‘кидать, бросать’, *холбооттоо*- от *холбоо-* ‘соединять’ и др.), так же, как и *-талаа*, *-таа*, выражает множественность действия, охватывающего ряд объектов (объектный дистрибутив): *Кыһырыдабына, билинги эрбэһин курдук, тииттэри турута тыытан быраҕаттыыр* (АА СК 1994 118) ‘Когда рассердится, он вырывает и раскидывает листовницы как сорняки’; *Ыстапаанныйга чэй кутаттаан барда* (К КТ 24) ‘Степанида начала разливать чай’.

При объектном дистрибутиве прямое дополнение выступает в форме множественного числа и выражается собирательными и парными существительными, иногда в сочетании с количественными числительными, неопределенно-количественными именами (*хас да* ‘несколько’, *элбэх* ‘много’ и др.), однородными членами предложения и т.п. (см. предыдущий раздел): *Ол тула ураҕастары анньыталаан томороон эмэгэттэри саайталаабыта* (ИГ ХК 1977 56) ‘На воткнутые вокруг него шести (жерди) поприбил крупные изображения духов (духов-покровителей шамана)’; *Онтон тобо эрэ кэрийэ сылдьан иччитэх кылаастар ааннарын тэлэйтэлээн, өнгөйөн көрүтэлээтэ* (АА СК 1994 317) ‘Затем, обходя, зачем-то распахивал двери пустых классов, заглядывал в них’; *Киргизэлэй тэриэлкэтин түгэбэр хас да сүүтүк саба кырбас эт баарын харбаан ылаат, уол ыстаабакка эрэ ыйыстыталаан кэбистэ* (АА СК 1994 131) ‘Мальчик схватил несколько кусочков мяса размером с наперсток, оставшихся на тарелке Григория, и даже не разжевывая, проглотил их’ и т.п. Во всех вышеуказанных случаях действия выполняются по числу объектов и по очереди, последовательно по отношению к объектам.

В отличие от аффиксов многократности, редуплицированные деепричастия на *-ан* и *-а* (*-ыы*), несмотря на преобладание в их семантике значения “многократности или повторности действия” [ГСЯЛЯ, 1982, с. 241, 245], не могут быть отнесены к специализированным показателям повторяемости действия, поскольку в зависимости от лексического значения гла-

гольной основы, указывают также на его длительность (продолжительность) или интенсивность.

В высказывании данные деепричастия могут использоваться в сочетании с аффиксальными формами многократности. При этом каждая часть редуцированного деепричастия и аффикс *-талаа* призваны обозначать последовательность действий, отдельные акты которого совершаются друг за другом, по-одному. Например, *Керенскэй “дэбиэринэс” суруктар китпэлэрин ыла-ыла аһаҕас туннугунэн Витим уутугар элитэлиир* (НЯ Т 1988 383) ‘Керенский, хватая пачки “доверительных” писем, бросает их (по очереди) через открытое окно в воду Витима’; *Кытыыга ыы сылдыар соболору чабычабынан сабыта охсо-охсо, дьөлөбөһүнэн илиибин батары биэрэ-биэрэ, тутуталаан ыллым* (ИГ ХК 1982 35) ‘Накрывая берестяным сосудом (чабычах) нерестящихся возле берега карасей, и просовывая через дыру руку, попоймал их’.

На лексическом уровне репрезентантами дистрибутивного значения в якутском языке могут выступать различные наречия, указывающие на последовательность выполнения повторяющихся действий. С переходными глаголами при объектном дистрибутиве последовательность охвата повторяющимися действиями множественного объекта подчеркивается:

- удвоенными наречиями *биир-биир* ‘одного за другим’, *биирдии-биирдии* ‘по одному’: *Обонньор биир-биир көтөбүтэлээн ылан түөһүгэр ыга куһуталыыр, кулгаахтарын туппахтыыр, самыыларын таптайбахтыыр, тугу эрэ ботугуруур* (АА СК 1994 109) ‘Старик, одного за другим поднимая их (щенят), прижимает к груди, треплет за уши, похлопывает по бедрам и что-то бормочет’. Или: *Обонньор чохчойон олорон ыт оболорун биирдии-биирдии уурталаан, имэрийэ-имэрийэ ымманыйда* (АА СК 1994 109) ‘Старик, сидя на корточках, по одному клал щенят и счастливо улыбался, поглаживая их’.

Кроме сочетания с аффиксальными формами многократности, данные наречия могут использоваться и с редуцированными деепричастиями: *Кини остуолга кэлэн хортунун уурда уонна ньургуннарды биир-биир ыла-ыла, сэбирдэхтэрин тэрэччи тутуталаан көннөртүү турда* (АА СК 1994 134) ‘Он, подойдя к столу, положил картуз, по-одному брал подснежники и стоял, расправляя их лепестки’. В семантике наречий *биир-биир*, *биирдии-биирдии* подчеркивается указание на единичность той части множественного объекта, над которым производится каждое из повторяющихся действий;

В качестве еще одного средства можно рассмотреть использование специального наречия, подчеркивающего раздельность выполняемых действий, *тус-тусна* ‘по отдельности’, *туһунан* ‘отдельно’: *Уонна тус-тусна: иһин туһунан, этин туһунан туос сандалыга уурталаан кэбистэ* (Э СО 1994 81) ‘Затем он разложил на берестяной стол отдельно внутренности и отдельно мясо’.

Кроме наречий, при объектном дистрибутиве часто используется местоимение *барыта* ‘всех’, ‘каждого’ и т.д. В отличие от предыдущих лексических средств, с помощью данной лексемы подчеркивается охват повторяющимися действиями всего множества объектов, исключительно всех частей множественного объекта. Например, *сүөһүлэрин барытын өлөртөө* ‘поубивай (забей) весь их скот’; *хостору барытын нүөмэрдэтэлээ* ‘пронумеруй все комнаты’; *Суут албын, хааһах тиһиликтэрин тиһэн баран, барыларын баара атыгар тизэйн ильдэн, ойбонго укталаан кэбиһэр* (Э СО 1994 227) ‘Тогда Шут-плут в сером зипуне зашнуровал сумы, всех повез на паре лошадей и спустил в прорубь’; *Ол арахсыһан эһэ биир сырыыга тобус эйэлээх биллэхтии булчуттары утары көрсүһэ түһэр да, тохсуннарды тыын биэрбэккэ холдьоҕо сылдьан сиэтэлээн кэбиһэр* (Э СО 1994 49) ‘Расставшись, медведь однажды встретился с девятью дружными охотниками, свояками. Не дав им опомниться, гоняя поодиночке, он задавил и съел их всех’; ... *илдэ тахсыбыт үөрдэрин-абааһыларын... – бука барыларын үүртэлээн дьүһүйдэ, ыталаан кэбистэ* (ПО ТА 2005 32) ‘взятых с собой злых духов... – всех до единого он попрогнал назад, поотпускал их’.

Адресатный дистрибутив

Как отмечают исследователи, у глаголов передачи объектный дистрибутив нередко сочетается с адресатным [Исхакова, 1989, с. 118]. Адресатный дистрибутив отличается тем, что

новым участником в каждой из повторяющихся ситуаций является актанта-адресат. Выражается глаголами передачи (*биэр*- ‘давать’, *бэлэхтээ*- ‘дарить’, *туттар*- ‘вручать, давать’ и т.п.), преимущественно с аффиксами многократности, и сопровождается дополнительными лексическими средствами:

- *биирдии бэйэлэригэр* ‘каждому в отдельности’: *биирдии бэйэлэригэр үстүү куулу туттартаата* ‘каждому выдал по три мешка’; *Булчуттарга биирдии бэйэлэригэр сүүстүү ботуруону туттартаата* ‘Охотникам каждому в отдельности выдал по сто патронов’;

- *хас биирдии* ‘каждому’: *хас биирдии киһиэхэ кинигэ бэлэхтээтилэр* ‘каждому подарили по книге’.

В рассмотренных лексемах подчеркивается конкретная единица множественного адресата, в отношении которого производится повторяющееся действие. Количество распределяемого объекта при этом может быть разным и передается с помощью разделительных числительных (*биирдии* ‘по одному’, *алталы* ‘по шести’, *уончалы* ‘приблизительно по десяти’, *иккили-үстүү* ‘по две-три’ и др.).

Субъектный дистрибутив

В случае, если субъект действия (а с переходными глаголами – объект и субъект действия) мыслится во множественном числе, то многократный глагол выражает различные способы чередования действий [Харитонов, 1960, с. 26], т.е. субъектный дистрибутив. В данном случае подлежащее в предложении может выступать в форме множественного числа, выражаться собирательным существительным, именами, обозначающими вещества, не поддающиеся подсчету, однородными членами предложения и т.п.:

1) *Охотской суолунан кыһыл этэрээттэр ааһымалаатылар* (АА СК 1994 111) ‘По Охотскому пути прошли отряды красноармейцев’ (субъект – имя существительное в форме множественного числа “этэрээттэр”);

2) *Дьон бандьыкка холбоһталаан бардылар* (АА СК 1994 267) ‘Народ начал присоединяться к бандитам’ (субъект – собирательное существительное “дьон”);

3) *Алаастарга халаан уута күлүмнүү тэлгэнэн хаалталаабыт* (АА СК 1994 249) ‘На аласах, сверкая, раскинулись вешние воды’ (субъект – имя, обозначающее вещество, не поддающееся подсчету по единицам “халаан уута”);

4) *Онтон өрт уота сингэри сиэбит күөрэ-ланкы түспүт даркылаах түн симилахтэр, сыарбаттан илгэн кэбиһиэх курдук охсуулардаах ингэл-таннал сирдэр кэлитэлээтилэр* (ББ У 398) ‘Поплыли мимо непроходимые чащи из наваленных друг на друга нагромождений сгоревшего во время пала валежника, неровные места с ухабами, способными выбить из саней’ (субъект – однородные члены предложения “симилахтэр, ингэл-таннал сирдэр”).

Редупликация деепричастий также может применяться не только при объектном дистрибутиве, но и при выражении субъектного. При этом редуплицироваться могут и непереходные глаголы: *Комсомоллар тура-тура этитэлээтилэр* (АА СК 1994 335) ‘Комсомольцы, вскакивая (букв. вставая), начали говорить’. Но и без специальной маркировки в глаголе, наличие подлежащего во множественном числе позволяет данному средству самому передавать дистрибутивный смысл. Ср. *комсомоллар тура-тура эппиттэрэ* ‘комсомольцы, вставая (поочередно), заговорили (каждый вставал и говорил)’.

В якутском языке для выражения данного подтипа значения используются наречия, обозначающие последовательность действий, выполняемых новым участником в каждой из повторяющихся ситуаций. Могут функционировать как самостоятельно, так и в сочетании с морфологическими средствами.

Последовательность повторяющихся действий при субъектном дистрибутиве могут подчеркивать парные и удвоенные наречия:

- наречие *утуу-субуу* ‘друг за другом, один за другим, постепенно’: *Ол чугаһынаабы сулустар утуу-субуу умуллуталаан иһэллэр* (АА СК 1994 295) ‘Звезды, что рядом с ним, постепенно начинают угасать’; *оһолор утуу-субуу дьиэлэригэр барыталаатылар* ‘дети один за другим разошлись по домам’;

- наречие *биир-биир* ‘один за другим, по одному’: *Массыналар муостаны биир-биир туораатылар* ‘Машины одна за другой проехали через мост’; *Дьон биир-биир туруталаан истилэр* ‘люди начали вставать (т.е. повставали) один за другим’.

В семантическом отношении наречие *утуу-субуу* ‘друг за другом, постепенно’ более направлено на характеристику множественной ситуации с точки зрения ее интенсивности, растянутости во времени, чем *биир-биир* ‘по одному’, имеющий конкретное указание на поочередное выполнение. Значение второго наречия позволяет ему в высказываниях с переходными глаголами выступать репрезентантом и объектного дистрибутива.

Субъектный дисперсив

Субъектный дисперсив подразумевает одновременное или последовательное осуществление одинаковых ситуаций в разных местах (частях) некоторого протяженного в пространстве объекта [Храковский, 1989, с. 40].

В качестве ядерных репрезентантов данного значения в якутском языке выступают лексические средства, указывающие на то, что одинаковые ситуации происходят в нескольких местах (*онон-манан* ‘то тут, то там’, *хас да сиринэн* ‘в нескольких местах’) с обязательным указанием объекта в основном или дательном падеже (*тириитэ* ‘кожа его’, *хонууга* ‘на поляне’ и т.п.): *Тириитэ хас да сиринэн дьуккуруйан хаан оуолаабыт, муус кыаһаан буолбут ынабы уурэн, балаһаннарыгар абылаһан кэллилэр* (АА СК 1994 197) ‘Погоня перед собой заледневшую корову, на которой в нескольких местах была содрана шкура и выступила кровь, они, еле дыша, вернулись в свой балаган’.

В некоторых случаях данная семантическая разновидность обладает грамматическим показателем – аффиксами многократности *-талаа*, *-таа*, например: *Алаастарга халаан уута кулүмнүү тэлгэнэн хаалталаабыт* (АА СК 1994 249) ‘На аласах то тут, то там остались следы весеннего половодья’; (*Сүөдэр*) *кыракый угуох көхсө, синнигэс моонньо, ыараханлык түөрэннээбит улахан төбөтө, күөх мэннэр олортообут кубаһай сирэйэ – барыта хайдах эрэ сымыыт иччитигэр маарынныырга дылы* (АА СК 1994 79) ‘Маленькая костлявая спина (Федора), его тоненькая шея с покачивающейся большой головой, бледное лицо, на котором то тут, то там выступили синеватые (зеленоватые) родинки (пятна), – весь его вид напоминал только что вылупившегося цыпленка’; *Сыллай баһыстыгас хонгоруутугар кубаһай мэннэр көбөн тахсыталаатылар, баллаһар уоһа хаанньарыта тыытан барда* (АА СК 1994 279) ‘На впалой переносице Сыллая выступили бледноватые пятна, его мясистые губы начали кривиться’.

Отдельного рассмотрения среди частных значений дистрибутивной множественности требуют взаимно противопоставленные *диверсатив* и *цислокатив*, обозначающие движение субъектов/объектов из центра в разные стороны и из разных сторон к центру.

Диверсатив (объектный и субъектный)

В конструкциях с *объектным диверсативом* в форме множественного числа или собирательного имени выступает дополнение, а глагол движения чаще всего представлен каузативом.

В якутском языке некоторые глагольные основы, обозначающие перемещение объекта, изменение его пространственного положения по отношению к другим предметам, участникам, уже сами имеют диверсативное значение. В основном это переходные глаголы со значением движения относительно некоторой общей исходной точки (приобретения, передачи, отчуждения): *түнгэт-* ‘делить, распределять’, *тарбат-* ‘раздавать, разбрасывать, рассыпать; распускать, разгонять’; *ыс-* ‘разбрасывать, раскидывать, рассеивать’; *тамнаа-* ‘в знач. разбрасывать что-либо’; *үллэр-* ‘делить, разделять’. Например, *Уруок саһаланытыгар учуутал үөрэнээчиллэригэр кинигэ түнгэттэ* ‘В начале урока учитель раздал ученикам книги’; *Старшина халын телогрейка үллэрэн үллэннэтэр* (С ОБГУО 5) ‘Старшина поспешно раздает телогрейки’; *кыһыһыран малларын тамныыр* ‘от злости раскидывает вещи (кидается вещами)’ и т.п.

Остальные глаголы приобретения, передачи или отчуждения могут служить выразителями диверсативного значения лишь в сочетании с аффиксами многократности: *биэртэлээ-* от *биэр-* ‘давать, отдавать’, *үүртэлээ-* от *үүр-* ‘гнать, выгонять, прогонять’, *ыымалаа-* от *ыым-* ‘пускать, отпускать’, *таһаартаа-* от *таһаар-* ‘отпускать, выпускать’ и др. Например, *тангаспын оттор-мастар тымныыттан тонгон көрдөөбүттэрин иһин кинилэргэ биэртэлээтим* (Э СО 1994 250) ‘одежду раздал деревьям, так как они просили, замерзая от холода’; *Биир түүн Дайыылап, куолутунан, редакциятын членнэрин сорохторун буруйдаан үүртэлээн, сорохторун аһынан, сынньата ыымалаан баран, соботобун үлэли олорто* (АА СК 1994 344) ‘В одну из ночей, Данилов как обычно работал один, распустив сотрудников редакции: одних выгнал за провинность, других, пожалев, отправил отдыхать’; *Онуоха оболорун ыымалаан, Галя киирэр* (УН КА 109) ‘Отпустил учеников, вошла Галя’ и т.п.

Аффиксы многократности могут принимать и глаголы с диверсативным значением: *кени суруктары тарбаталаабыта* ‘он разнес письма’; *малларын-салларын ыһымалаата* ‘разбросал вещи’; *Туох да быыстала суох илиштинэн-атабынан кулунаайданан ууга чомполонно, умуста, күөрэйдэ, умса, тизэрэ эргийтэлээтэ, сырдык обуруолары ыһыахтаата* (АА СК 1994 179) ‘он купался, размахивая руками и ногами, нырял, выныривал, поворачивался то на живот, то на спину, разбрызгивая при этом вокруг себя прозрачные капельки’; ‘*Кэдэлды*’ *булгунньабын үрдүттэн баайы-дуолу бар дьонго түнгэтэлээн үллэ-дэбилийэ турар, санааба баар Миитэрэйи...* (АА СК 1994 201) ‘они в мечтах видели Дмитрия, который, стоя на вершине холма Кэдэлджи, увлеченно раздавал людям несметные богатства’ и т.п.

Для данных глаголов характерно сочетание со вспомогательным глаголом *кэбис-* ‘кидать, метать’, обозначающим завершенность действия с оттенком окончательности или категоричности: *Дьэ, эһиги аан дойдуга көнгүл сылдыын, – диэн баран, Ньюкуола ыымалаан кэбиспит* (Э СО 1994 175) ‘Теперь вы свободны, – сказал Никола и выпустил их (злых духов из костяной табакерки)’; *Ол икки ардыгар биэс-алта ампаарга хааллан турар барааннары, ааннарын аһан, таһаарталаан кэбиһэр* (Э СО 1994 213) ‘В этой суматохе (Марба) открыл двери пяти-шести амбаров и выпустил загнанных баранов’.

Дополнительные показатели объектного диверсативного значения – обстоятельства, обозначающие направления движения в разные стороны, в данном случае являются более контекстуально зависимыми и не могут относиться к специальным средствам выражения. Таковы, например, наречия *онно-манна* ‘то тут, то там’, *тула* ‘вокруг’: *тула ыс* ‘брызгать вокруг, разбрызгивать’; *онно-манна ыымалаа* ‘отправить в разные стороны, туда-сюда’ и т.п.

Сочетание лексемы *барытын* ‘всех’, *бүтүннүү* ‘целиком, все’, подчеркивающие охват повторяющимися действиями всего множества объектов, исключительно всех частей множественного объекта: *Булбутун барытын: / Кылааннаах түүлээби, өрүүлээх харчыны / Бар дьонго түнгэтэн, / Суохтаахха түнгэтэн үргэнниир дэһэллэр* (АА СК 1994 30) ‘говорят, все что добыл: ценную пушнину, монеты – раздает народу, раздает неимущим’; *Дойдуу-сири бүтүннүү дууһа быһыытынан түнгэтэбин* (АА СК 1994 200) ‘Всю землю разделяю на душу населения’.

В якутском языке при выражении *субъектного диверсатива* решающую роль играет семантика самого глагола – движение от некоторой общей исходной точки типа *тарбас-* ‘расходиться’, *ыһылын-* ‘разбросаться, раскидаться’, *сырыс-* ‘в знач. разбежаться’ и т.п. Наибольшей функциональностью среди них обладает лексема *тарбас-* ‘расходиться’, которая может выражать значение диверсатива самостоятельно: *ыалдьыттар тарбастылар* ‘гости раззошлись’; *бэрт элбэх дьон төрүт да тарбаспакка манна сылдыбыттар* (АА СК 1994 185) ‘оказывается, довольно много народу еще даже не расходилось’. Остальные глаголы более контекстуально зависимы и требуют наличия дополнительных лексических средств.

По мнению исследователей, в большинстве тюркских языков наиболее характерным носителем диверсативного значения является конструкция: «деепричастие на *-n/-b* от основного глагола движения + вспомогательный глагол ‘уйти’» [Исхакова, 1989, с. 119]. В якутском языке служебный глагол *бар-* ‘уходить, идти’ служит выразителем начинательного способа действия и указывает на начало длительного, продолжающегося действия [ГСЯЛЯ, 1982, с. 282].

Как знаменательное слово, лексема *бар* ‘идти, уходить, уезжать’ представляет собой пространственный глагол, обозначающий движение, исходный пункт которого соотносительен с позицией субъекта-наблюдателя: *бар-* ‘идти куда-л. от субъекта наблюдения’ (в отличие от *кэл-* ‘идти к субъекту наблюдения’) [Ефремов, 2012]. В самой семантической структуре данного глагола присутствует сема “направленность”: *оболор бардылар* ‘дети ушли (либо вместе в одном направлении, либо разошлись в разные стороны, места, кто куда)’. В тексте обычно требует дополнительного уточнения, например, *дьеэлэригэр бардылар* ‘разошлись по домам’.

Одним из основных репрезентантов субъектного диверсатива можно считать наречия, обозначающие направления движения “в разные стороны”: *үрүө-тараа* ‘в разные стороны, туда-сюда’, *араа-тараа* ‘там и сям, тут и там’, *арбам-тарбам* ‘там-сям, туда-сюда, в разные стороны, врассыпную’ и т.п. В некоторых случаях подобное обстоятельство может являться единственным показателем указанного значения. Например: *кыргыттар үрүө-тараа ыстаннылар* ‘девочки разбежались в разные стороны’; *дьон оччобо үрүө-тараа көтүөхтэрэ этэ* ‘вот тогда они (люди) у меня разлетелись бы в разные стороны (разогнал бы народ)’; *Ол икки ардыгар дьон балык арааһын бүтэрэн, арбам-тарбам барбыттар* (ТСЯЯ I 548) ‘В это время народ, покончив с разнообразием рыбы, разбрелся’.

Данные наречия сочетаются и с глаголами диверсативной семантики, что усиливает их значение: *оболор үрүө-тараа сырыстылар* ‘дети разбежались в разные стороны’; *саллааттар өр-өтөр гымматылар, барытын түнгэттэн бүтэрэн үрүө-тараа тарбастылар* (С ОБТУо 6) ‘быстро все поделив между собой, солдаты разошлись (кто куда)’; *Дьон, мэччи-рэнгтэн тахсар сүөһү курдук, араа-тараа тарбастытара* (ТСЯЯ I 518) ‘Люди разбрелись, подобно стаду, возвращающемуся с пастбища’.

Немаловажную роль в выражении субъектного диверсатива играют и обстоятельства, обозначающие различные конечные пункты движений, которые обычно оформляются при помощи имен существительных в форме множественного числа, однородных членов предложения. Подобные средства одинаково сочетаются как с глаголами с диверсативной семантикой, так и с нейтральными: *Оболор ороннор улабаларыгар, оһох төрдүгэр тарбастылар* (АА СК 1994 201) ‘дети разбрелись – кто по лавкам, кто за печку’; *Кыра оболор орон улабатыгар, оһох төрдүгэр түһүтэлээтилэр* (АА СК 1994 198) ‘маленькие дети (от страха) разбежались – кто забился в угол кровати, кто спрятался за печку’.

Значение движения в разные стороны, на наш взгляд, может иметь и обстоятельство *икки аһы* ‘в разные, противоположные стороны’: *Ураһа-сыллаһа оһоллор да икки аһы сырсааллар* (АА СК 1994 185) ‘встречаются, целуются и снова разбегаются (в разные стороны)’.

Цислокатив (объектный и субъектный)

Цислокатив, как определяют исследователи, подтип дистрибутивной множественности, “описывающий движение совокупности участников с разных стороны в некоторую общую конечную точку” [Храковский, 1989, с. 40]. Отличительной чертой *объектного цислокатива* является то, что дополнение выступает в форме множественного числа или бывает собирательным, а глагол движения представлен каузативом.

Значение объектного цислокатива может содержаться в самой семантике глагольных лексем типа *мус-* ‘в знач. собирать кого-что-л. в одном месте’, *хомуй-* ‘в знач. собирать’, *түм-* ‘в знач. собирать, сосредоточивать’, *хаай-* ‘загонять кого-л. куда-л.’, *сим-* ‘набивать что-л. чем-л., запихивать, заталкивать что-л. во что-л.; загонять, запихивать кого-л. куда-л.’, *ук-* ‘вкладывать куда-л.’ и т.п. Например: *Баары-суоһу барытын мунньан... солуччаһа саламааттаатылар* (АА СК 1994 29) ‘Собрав все, что осталось, ...приготовили в котелке саламату’; *Баарбын-суохтун барытын мунньан биэртим үрдүгэр өссө үөбүһүн!* (АА СК 1994 52) ‘Я отдала тебе, (собрал) все, что у меня осталось, а ты еще ругаешь!’; *дьону мунньаһа түм ‘созови’ людей на собрание’*; *сүөһүнү хааччаһа хаай ‘загнать’ скот в загон’*; *баксаал остолобуойун аһаар өттүнээһи дьон аһыыр улахан хонугар бааһырбыт дьону толору симмиттэр* ‘большой зал на той половине привокзальной столовой битком набит ранеными’.

В большинстве случаев данные глаголы сочетаются со вспомогательным глаголом *ыл-*. Например, конструкции “*хомуй- + ыл- (хомуйан ыл)*” и “*үүр- + ыл- (үүрэн ыл)*”: *Дьылээх киһи быһыытынан “хоһоһолорун” сэттэрин-сэбиргэллэрин барытын хомуйан ылан, “уурдаран” кэбиспит* (АА СК 1994 301) ‘Как хозяин, он собрал оружие своих “постояльцев” и отнес подальше’; *Баайдарын барытын үүрэн ылан баран бэйэлэрин...* (АА СК 1994 208) ‘согнав все их богатство, их самих нужно...’. В зависимости от контекста и с глаголом *киллэр*: “*үүр- + киллэр- (үүрэн киллэр)*”: *үөргүн-сүүрүккүн барытын мин чааххааннарбар үлтү үүрэн киллэр...* (АА СК 1994 26) ‘все свои стаи-стада загони в мои черканы (капканы)’.

Как видно из примеров, в качестве обязательного компонента отмечается использование дополнительного указания – лексемы *барытын* ‘все, всех’.

Значение *субъектного цислокатива* могут иметь только глаголы движения, выступающие в актуальных временных формах при подлежащем во мн.ч.: *кэл-* ‘приходить, приезжать, прибывать; подходить, приближаться к кому-чему-л., достигать кого-чего-л.’, *тийий-* ‘добираться до кого-чего-л, достигать кого-чего-л.; доходить’, *муһун-* (*мунньуһун-*) ‘собираться с кем-л. где-л.’, *түмүс-* ‘собираться (в одном месте)’, *үмүөрүс-* ‘сгущиваться. толпиться’ и др.: *дьоннор мунньахха муһуннулар* ‘люди пришли (собрались) на собрание’; *Кыһын күдэн тымныынан тыыммахтыы турдабына Амма нэһилиэгин дьоно “Кыымнаайы” оскуолатын дьэтигэр ыга мунньуһуннулар* (АА СК 1994 203) ‘В самый разгар лютого мороза в здании Кымнаинской школы битком набилось все население села Амга’; *дьоннор миитингнэ түмсүбүттэр* ‘люди собрались на митинг’ и т.п.

Данное значение могут выражать и формы с аффиксом *-талаа*: *Ол икки ардыгар итэбэс дьонноро кэлитэлээбиттэр* (АА СК 1994 275) ‘К тому времени подросла и недостающая часть народа’; *Сэрииттэн күрэнэн собуруу дойдуттан Саха сиригэр араас ынырык кыыллар, дьулаан көтөрдөр кэлитэлээбиттэр* (АА СК 1994 182) ‘Убегая от войны, с юга в Якутию стали прибывать различные диковинные звери, ужасные птицы’; *Ыкса киэһэ ханнык эрэ тарахаччысыт, сатаабат эрээри нууччалаабыт дьахталлар кэлитэлээтилэр* (АА СК 1994 231) ‘Поздно вечером начали приходить какие-то вертлявые женщины, пытающиеся весьма неумело говорить по-русски’. Подчеркивается то, что повторяющиеся действия выполняются неравномерно, с интервалом друг от друга.

Активно используются также конструкции «деепричастие на *-ан* от основного глагола движения + вспомогательный глагол *кэл-* ‘прийти’», среди них наиболее распространена “сырыс- + кэл-” (*сырсан кэл* – ‘в знач. прибежать вместе с кем-л. (о нескольких бегущих)’): *Бары сырсан кэлэн, айахтарын апытынан, далланнаһа, тэпсэннэһэ турдулар* (АА СК 1994 139) ‘Все сбежались и встали вокруг, раскрыв рты, размахивая руками и переминаясь с ноги на ногу’; *Чэй, ас бэлэм буолуута оһолор хантан эрэ сырсан абылаһан-мэнгилэһэн кэлбиттэрэ* ‘Когда чай поспел и была приготовлена еда, весьма запыхавшись, откуда-то сбежались дети’ (ТСЯЯ IX 470). Лексема *сырыс*, которая в роли сказуемого обычно имеет значение диверсатива, может участвовать и в выражении цислокативной семантики в составе сложного сказуемого (в форме деепричастия на *-ан* и в сочетании со вспомогательными глаголами с цислокативным значением *кэл-* ‘приходить’, *тийий-* ‘добираться’).

Для усиления значения могут использоваться дополнительные лексические средства как *саба* ‘вплотную, накрывая со всех сторон’. При этом *саба сырыс* ‘набежать со всех сторон вплотную’ выступает скорее как устойчивое сочетание и встречается преимущественно во всех предложениях с данной глагольной лексемой. Например: *Оһолор обургулар саба сырсан кэллилэр* (АА СК 1994 281) ‘Дети-сорванцы уже сбежались со всех сторон’; *Оһонньор айхаллы тоһуйар, оһолор саба сырсан тийээллэр* (АА СК 1994 101) ‘Старик встречает их радостными возгласами, а дети сбегаются к нему’; *Оттон төнүргэстэргэ дьахтар тангаһын тангынартаа эрэ. Дьэ саба сырсан тийээрбит чахчы* (АА СК 1994 193) ‘А попробуй-ка нарядить пни в женскую одежду. Сами тотчас же сбежимся к ним’.

В качестве неглагольных репрезентантов субъектного цислокатива могут выступать и обстоятельства, обозначающие направления движения “с разных сторон”: *онтон-мантан* ‘отовсюду, оттуда-отсюда’, *хотуттан-собурууттан* ‘с севера и с юга, со всех сторон’ и т.п. Как

локативные указатели они выражают исходный пункт движения, о чем свидетельствует и форма исходного падежа *-тан*. обстоятельство *онтон-мантан* ‘отовсюду, оттуда-отсюда’ может служить самостоятельным средством выражения цислокативного значения, поскольку подчеркивает, усиливает семантику того, что действие направлено с разных сторон: *Обонньор... төннүбүтүн, оттор үрдүлэриттэн таннары сурулаан түһэ-түһэ, онтон-мантан сырсан кэлэн төгүрүйэ көтөллөр* (АА СК 1994 86) ‘Как только старик вернулся, к нему, спрыгивая со стогов, отовсюду сбежались (сенокосчики) и обступили со всех сторон’.

Тогда как местоимение *онно* ‘туда’ служит лишь дополнительным контекстуальным средством, указывающим на конечный пункт подобного движения и может быть заменен любым другим существительным: *Олбуор иһинээби дьон бары онно саба сырсан тиийдилэр* (АА СК 1994 168) ‘Все, кто находились во дворе, сбежались туда’.

Иногда встречается и лексема *төттөрү* ‘обратно’, обозначающая направленность движения обратно и скорее имеющая локативное значение (конечный пункт): *Оболор төттөрү сырсан кэлбиттэрин олбуор айабар буоспалаабыт сирэйдээх аҕамсыбыт дьахтар көрсөн, ботугураата* (АА СК 1994 172) ‘Когда дети сбежались обратно во двор, у входа их встретила пожилая женщина с изуродованным оспою лицом и прошептала’.

Амбулатив

В якутском языке для ситуаций движения, в том числе и для амбулатива в качестве основного репрезентанта выступает семантика глагола. Амбулатив обозначает “движение... последовательно через ряд единичных пунктов пространства, которые в сумме составляют некоторый совокупный локативный актант” [Храковский, 1989, с. 40]. В перечень амбулативных глаголов входят *аас-* ‘миновать, проходить’, *туораа-* ‘переходить’, *кэрий-* ‘обходить (много мест)’: *Кинилэр элбэх олбуордары, кыбаарталлары аастылар, куорат таһыгар табыстылар* (ТСЯЯ I 183) ‘Миновал множество дворов, кварталов, они вышли за черту города’; *Хас да хонуктаах сылаалаах айанна бэрт элбэх киэн алаастары, халын систэри туораатылар* (АА СК 1994 313) ‘За несколько дней изнурительного пути они перебрались через значительное количество просторных аласов и широких лесных возвышенностей’; *Чүөчээски күрээтэбин күн быһытын туох баарын барытын кэрийдэ* (СО А 122) ‘В день побега Чечэски обошел все свои плотины’.

Ряд единичных пунктов амбулатива может быть выражен двумя способами:

- множественным существительным (*үрүйэлэри* ‘речки’, *ата-ахсаана биллибэт алаастары* ‘бесчисленное количество аласов’, *бэрт элбэх ыскаамыйалары* ‘множество скамеек’): ... (*Сүбэлиирэн*) *үрдүк дулбалаах бүтэй үрүйэлэри туораталыыр* (АА СК 1994 255) ‘(Сюбялиров) миновал глухие речки с высокими кочками’; ... *бэрт элбэх ыскаамыйалары туораталаан хангас түгэхтэн түөһүллэн кэлбит мааны тангастаах киһи...* (АА СК 1994 238) ‘из левой глубины зала с трудом перешагивая через множество скамеек подошел человек в добротной одежде...’;

- именной конструкцией (имя существительное в исходном падеже + имя существительное в дательном падеже): *уулуссаттан уулуссаҕа туораталаан* ‘переходя с улицы на улицу’, *лабааттан лабааҕа ойуолуур* ‘прыгая с ветки на ветку’ и т.п. Например: *Ханна баран иһэригэр кыһаллыбакка уулуссаттан уулуссаҕа туораталаан, сүүрэ-сүүрэ хааман элэстэнэн истэ* (АА СК 1994 318) ‘Не обращая внимание на направление, он шел стремительным шагом, переходя с улицы на улицу, иногда даже бежал’.

Для подчеркивания всеобщего охвата сопровождаются собирательным местоимением *барыта* ‘все’: *Дорооболоһордуу дьиз дьонун барытын кэрийэн... баран, ыт кырдыаҕас тойонугар төннөр* (АА СК 1994 101) ‘Обойдя, словно здороваясь, всех домочадцев, собака возвращалась к своему старому хозяину’; *Чугас алаастары барытын кэрийин!* (АА СК 1994 297) ‘Осмотрите все ближайшие аласы!’.

Аффиксы многократности, присоединяемые к амбулативным глаголам, лишь подчеркивают и усиливают данное значение. Иногда сочетаются с лексическими средствами *биир-биир*, *утуу-субуу*, выражающими интервал и последовательность выполнения повторяющихся

действий: *От тизэйэр суолларын, ойбон суолларын дөрүн-дөрүн ааһыталыыр* (АА СК 1994 255) ‘Он время от времени пересекает дороги, по которым возят сено, и тропинки, ведущие к проруби’.

Квазидистрибутив

Кроме вышеуказанных разновидностей дистрибутивного значения, на наш взгляд, в якутском языке встречаются случаи выражения квазидистрибутива, которые могут быть отнесены к объектному дистрибутиву. В основном напрямую зависят от характеристики объекта:

1) если это имена, не поддающиеся подсчету по единицам, то действие осуществляется в несколько приемов (при каждом приеме затрагивает некоторую часть объекта, что в результате охватывает полностью весь объект). Например: *ытыстарынан баттабын силэйтэлээтэ...* (АА СК 1994 91) ‘ладонями прядь за прядью откинула волосы назад (в итоге – откинула все волосы)’; *бытыгыттан муустаах кырыаны сыыйыта тардан илгитэлээтэ* (АА СК 1994 259) ‘по частям снимал с усов иней и бросал (в итоге – снял весь иней)’; *издьэгэй бытархайын сотон ылан ууга быраҕаттаата* (АА СК 1994 148) ‘бросала в воду кусочки творога, оставшиеся на дне туюска (в итоге – выскребла все)’. На то, что действие осуществляется в несколько приемов, в данных примерах указывает лишь форма многократности. Ср. баттабын *силэйдэ* – баттабын *силэйтэлээтэ* и т.п.

2) касается объектов, протяженных в пространстве, продолговатых. Повторяющиеся действия совершаются над частями, образованными в результате предыдущего действия, но все вместе – над одним общим объектом: *эти быс, кырбаа* ‘резать, нарезать мясо’ (на кусочки, потом эти кусочки тоже нарезаются – в итоге получается нарезанное мясо), *маһы хайыт* ‘расколи полено’ (расколоть надвое, потом получившуюся половинку еще раз расколоть) и т.п. В основном выражается семантикой глаголов разделения или повреждения. В некоторых случаях требуется дополнительное лексическое средство: *быаны хас да хос гына бүк тутта* ‘несколько раз сложил веревку’ (сложил один раз, потом то, что получилось, сложил еще раз и т.д.). Могут употребляться с аффиксами многократности: *тоһуталаа, бысталаа, хайыталаа* и т.д.: *Төннүүтүгэр оҕонньор хаппыт лабаалары тоһуталаан биир сиргэ чохчолоон баран уматаары тобуктаан турар эбит* (АА СК 1994 309) ‘К его возвращению, старик, наломал сухих веток и сложив их в кучу, стоял на коленях, пытаюсь развести огонь’.

Может наблюдаться совмещение нескольких средств: *Оҕонньор икки хатыһы салбаан, хас да хос гына бүк тутуталаата, ынабын муоһуттан харбыалаата* (АА СК 1994 197) ‘Старик, соединив две веревки, сложил их в несколько раз и ухватился за рога коровы’.

Схожие явления в якутском языке были рассмотрены еще Л.Н. Харитоновым: ‘оттенок множественности и предметной уточненности действия нередко сохраняется даже в тех случаях, когда глаголы с аффиксом *-талаа* выражают, казалось бы, собственно кратное значение’ [Харитонов, 1960, с. 21].

Таким образом, дистрибутивная глагольная множественность, традиционно рассматриваемая в якутском языкознании в рамках изучения аффиксальных форм многократности, может быть представлена на различных языковых уровнях. Несмотря на неравномерную изученность, выявлено, что данные средства все в той или иной степени могут выражать значение собирательности, расчлененности или полного охвата действием всех участников ситуации. Рассмотрение особенностей функционирования тех или иных репрезентантов позволило выявить эмпирически регулярные разновидности дистрибутива. Немаловажная роль при этом отведена и характеру выражения группового актанта в конструкциях с подобной семантикой.

ГЛАВА II.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ГРАММАТИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

РАЗДЕЛ 1.

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Функционально-семантическая категория обусловленности / каузальности в якутском языке объединяет четыре типа семантических отношений: причинно-следственные, условные, целевые и уступительные.

Как пишут представители петербургской типологической школы, на материале русского языка обусловленность охватывает «семантику и выражение причины, условия, цели, следствия, уступки». Доминирующее положение в построениях, выражающих отношения обусловленности, занимает категория причинности [ТФГ, 1996б, с. 138-139].

Американские же ученые в системе данной категории центральное место отводят условным конструкциям, считая, что подобные построения являются самыми гибкими по значению [Köning 1986, с. 245; цит. по: Тажибаева, 2001, с. 53]. Они утверждают, что условие «непосредственно отражает типично человеческую способность размышлять об альтернативных суждениях, делать выводы, основанные на неполной информации, предполагать возможные корреляции между ситуациями и понимать, как мир менялся бы, если бы определенные корреляции были бы другими» [Типология условных ..., 1998, с. 3].

В отечественной лингвистике и среди многих зарубежных ученых принято положение, согласно которому ядром категории обусловленности (каузальности) являются причинно-следственные отношения, а не условные. Например, исследователь казахского языка С.Ж. Тажибаева пишет, что мнение американских исследователей «несколько противоречит естественному ходу развития мышления, так как именно причина отражает естественную логику связей, соединяя реальные негипотетические факты» [Тажибаева, 2001, с. 54].

Некоторые ученые в эту категорию не включают уступительные отношения, мотивируя тем, что подобная семантика характеризуется как «антиобусловленность» и нет «четкого представления о лингвистической природе конструкций, выражающих уступительные отношения» [Там же, с. 51]. С.Ж. Тажибаева, указывая, что в отношении «обусловленности, включающие причинно-следственные, целевые, условные отношения, являются наиболее сложным типом обстоятельственных отношений», выделяет в казахском языке каузальный комплекс полипредикативных конструкций (далее – ППК), куда «входят причинно-следственные, целевые и условные полипредикативные конструкции» [Там же].

В языках народов Сибири, например, ненецком языке «в класс отношений обусловленности включаются причинные, целевые, условные и уступительные отношения» [Буркова, 2002, с. 6].

Исследователи бурятского языка придерживаются также аналогичного положения и отмечают, что семантика «обусловленности базируется на причинно-следственных отношениях между двумя событиями» [Скрибник, Даржаева, 2007, с. 6] и в качестве средств выражения данной категории рассматривают определенные полипредикативные конструкции. При этом в

виде главного структурного ядра конструкций обусловленности они выделяют монофинитные конструкции с инфинитными формами глагола – деепричастные, причастно-падежные, причастно-послеложные и причастные конструкции с частицами. А ППК со скрепами на базе служебного слова *гэжэ*, что гораздо меньше по объему, ими характеризуются как второе структурное звено. В результате подобного подхода система конструкций обусловленности представляется моно- и бифинитными ППК. А семантика этих конструкций освещается на рамках четырех отношений: причинно-следственные, целевые, условные и уступительные.

В якутском языкознании категория обусловленности еще не была предметом специального исследования. При изучении структурно-семантических типов сложноподчиненных предложений (СПП) и полипредикативных (бипредикативных) конструкций (ППК) были освещены СПП, ППК со значениями причины, условия, цели и уступки [ГСЯЛЯ, 1995; Ефремов, 1998]. Однако эти конструкции были рассмотрены как единицы тех или иных типов СПП и ППК, а не как средства выражения категории каузальности.

Детерминированность явлений действительности, их взаимосвязи и взаимообусловленность, упорядоченность всегда интересовали и интересуют исследователей разных отраслей науки – философии, лингвистики и др. Причинно-следственные связи играют фундаментальную роль в мышлении при выявлении отношений между явлениями и фактами действительности. Окружающий мир отражается в сознании человека, будучи структурированным на основе причинно-следственных отношений. Отношения обусловленности являются очень распространенными и в тексте, так как они соединяют структуры текста, обладая ярко выраженной текстообразующей функцией [Буркова, 2003, с. 9].

Причинность, согласно определению материалистической философии, это «одна из форм всеобщей взаимозависимости явлений объективного мира» [Краткий философский словарь, 1951, с. 404]. В логике причина определяется следующим образом: «то, что предшествует другому и вызывает его в качестве следствия» [Кондаков, 1971, с. 417].

При исследовании отношений обусловленности в естественном языке необходимо учитывать собственно языковые средства, используемые для выражения данных отношений, и, помимо обращения к логико-философским проблемам, использовать собственно лингвистические методы и приемы исследования [Буркова, 2003, с. 10].

При обозначении обсуждаемых отношений используются разные термины: причинно-следственные отношения в широком смысле, причинно-следственные отношения, каузальные отношения, отношения обусловленности, отношения логической обусловленности [Там же]. Из этих терминов термин отношения обусловленности имеет наиболее активное употребление, он использован в академических грамматиках русского языка (1970; 1980 гг.), а также в трудах исследователей школы функциональной грамматики А.В. Бондарко и др.

Высказывания, передающие отношения обусловленности, характеризуются: предметностью (ситуативновностью) выражаемых в них значений; полисобытийностью; порождающим характером связи между компонентами отношений [Там же, с. 11].

В отношения обусловленности, как уже отмечалось, обычно включаются причинные, следственные, условные, целевые и уступительные отношения. Некоторые ученые сюда относят и другие отношения: заместительные, временного типа, усилительно-мотивирующие, альтернативной мотивации. Выше указывалось, что отдельные исследователи из рассматриваемых отношений исключают уступительные. А причинные и следственные отношения нередко объединяют в один тип – причинно-следственный.

В якутском языке в функционально-семантическом аспекте обсуждаемые отношения выражаются, прежде всего, синтетическими и аналитико-синтетическими полипредикативными конструкциями, представляющими ядро функционально-семантического поля (далее – ФСП) обусловленности. В периферии ФСП обусловленности функционируют аналитические ППК.

В якутском языкознании ППК, выражающие отношения обусловленности, в монографическом плане еще не изучены. Исследованы структурно-семантические типы ППК обстоятельного типа, куда входят временные, причинные, условные, целевые, уступительные,

«заместительные» (сопоставительные), сравнительные конструкции, а также построения образа действия, меры и степени, исключения и добавления, соответствия [Ефремов, 1998].

В тюркских языках обсуждаемая категория и ее субкатегории были изучены в сравнительном плане в казахском (Тажибаева С.Ж.), хакасском (Абумова О.Д.), чувашском (Дробышева Н.Н., Сымулов М.Г., Хораськина Г.В.), киргизском (Чонбашев К.С.), а также на материале татарского языка (Валиева Л.Г.) и др.

С.Ж. Тажибаевой проанализировала полипредикативные конструкции, выражающие каузальные отношения в казахском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири (алтайским, тувинским), а также с иносистемными языками: русским и английским. В отличие от других исследователей, Сауле Жаксылыкбаевна, как уже упоминалось, конструкции с уступительным значением не включает во множество средств выражения категории обусловленности.

В языках народов Сибири обсуждаемая категория на основе полевого структурирования рассмотрена в ненецком языке [Буркова, 2002, 2003], а на материале бурятского языка она освещена с позиции методики структурно-семантического моделирования конструкций, выражающих данные отношения [Скрибник, Даржаева, 2007]. В этих языках ППК представлены в качестве средств выражения отношений обусловленности, куда включаются причинно-следственные, условные, целевые и уступительные связи пропозиций, обозначаемые их предикативными частями.

В якутском языкознании ППК обусловленности представлены в виде определенных структурно-семантических типов СПП, сложносочиненных предложений (ССП) и ППК [ГСЯЛЯ, 1995; Ефремов, 1998; Курс якутской грамматики, 2004]. Эти построения оформляются синтетическими, аналитико-синтетическими и аналитическими ППК с отношениями условия, уступки, цели, причины, а также СПП и СПП, выражающими названные семантические отношения.

Анализ обсуждаемых ППК начнем с синтетических конструкций.

1.1. Синтетические конструкции, выражающие отношения обусловленности

Прежде чем приступить к анализу обсуждаемых конструкций, кратко остановимся на основных особенностях строя тюркских языков, а именно принципе т.н. экономной аффиксации.

В тюркских предложениях используются по возможности полнозначные слова, а конкретизация смысловых отношений (деривационных) и синтаксических (реляционных) значений слова осуществляется в первую очередь за счет контекста и строгого порядка слов, и лишь когда этих средств недостаточно, допускается использование формальных уточнителей в виде аффиксов [Мельников, 1971, с. 124]. Подобное явление называется принципом «экономной аффиксации», который наиболее последовательно проводится в тюркских языках, в частности и в якутском языке.

В якутском языке, в котором, как и в других тюркских языках, имеет место принцип экономного использования грамматических средств, ППК подчинительного типа образуются по модели простого предложения, то есть части подобных ППК сочетаются при помощи способов, которые используются в сочетаниях слов.

Под ППК подразумеваются разнособъектные – собственно-сложные, а также монособъектные конструкции с двумя или более предикативными единицами. Компоненты ППК – предикативные единицы (ПЕ) – в якутском языке, как и в других тюркских языках, представляются структурами с финитными и инфинитными предикатами. Если финитные предикаты выражаются собственно-глагольными и другими предикативными формами, то инфинитные предикаты представляются причастиями, деепричастными и другими предикативными формами, не могущими заполнять позицию сказуемого простого предложения.

Предложения с подобными инфинитными компонентами, имеющими предикативный смысл, в тюркских языках Н.К. Дмитриев предлагал рассматривать «как обычные причастные, деепричастные и отглагольно-именные обороты в составе простого предложения»

[Дмитриев, 2008, с. 228]. Однако из таких оборотов в качестве придаточных предложений Николай Константинович выделял структуры, «в которых при причастии или деепричастии имеется свое грамматически выраженное подлежащее, отличное от подлежащего остальной части фразы» [Там же, 229-230].

В якутском языке причастные, деепричастные глагольные формы, характеризуясь показателями лица, числа субъекта зависимой части ППК, представляют собой предикативную вершину, служащую в качестве структурной модели синтетических сложноподчиненных предложений, которые различаются на собственно-синтетические и аналитико-синтетические. Например:

...бэрт дьадангы ... киһиттэн төрөөммүн , ... ыалга иитиллэ

бэриллибитим үһү (Суорун Омоллоон)¹

бэрт дьаданы киһи=ттэн төрөө:м:мүн ыал=га

весьма бедный человек=ABL родиться:CV:1Sg семья=DAT

иит=илл:э бэр:илл:ибит=им үһү

воспитать=PASS:CV дать:PASS:PP=1Sg PRTCL: 'говорят'

‘... говорят, я родился у очень бедного человека, и я был отдан на воспитание в другую семью’.

В этом примере имеет место СПП с причинно-следственным значением, зависимый предикат которого выражен деепричастием на =ан, оформленным показателем сказуемости 1-го л. ед.ч., что можно показать в виде цепочки морфем «глагольная основа + =ан + =показатель л.=числа субъекта». В символической записи данная цепочка представляется в качестве формулы T_v ан + /P/, где T_v – глагольная основа, =ан – показатель деепричастия предшествования, /P/ – показатель сказуемости, выражающий значение л.ч. субъекта (используется факультативно).

Надо отметить, что структурные модели ППК – формы зависимых предикатов многозначны, например по модели T_v ан + /P/ образуются конструкции со значениями следования (темпоральности), причины и следствия, образа действия и др. Для выражения той или иной синтаксической семантики подобные недифференцированные формы функционируют в составе предложений с определенным характером лексико-грамматического наполнения состава.

Ниже анализируются структурно-семантические модели синтетических – собственно-синтетических и аналитико-синтетических – ППК обусловленности: ППК с причинно-следственным значением, условные ППК, ППК цели, уступительные ППК.

Полипредикативные конструкции с причинно-следственным значением

В собственно-синтетических ППК зависимый предикат формируются деепричастием на =ан и его отрицательными формами =бакка, =мына, а также причастно-падежными структурами.

ППК с зависимым предикатом, выраженным деепричастием на =ан (=бакка, =мына). Причинно-следственные отношения обычно передаются ППК с T_v ан+/P/ в разносубъектном оформлении:

(Оройуонна обуруот аһа дэлэйэн), ыскалаакка тобус-толору хортуоппуйу куппуттар (Федот Ксенофонов)

оройуон=на / район=DAT обуруот аһа / овощи дэлэй=эн / быть в изобилии=CV ыскалаак:ка / склад: DAT тобус-толору / совершенно полно хортуоппуй=у / картофель=ACC куп:пут=тар / сыпать:PP=3Sg

‘В районе появились (выросли) овощи в изобилии, и склады полностью забиты картофелем’.

Моносубъектными ППК с деепричастным предикатом на -ан обычно обозначается таксисное значение предшествования:

¹ Источники иллюстративных материалов, представленные именем и фамилией / псевдонимом автора или названием книги, извлечены из академической картотеки «Большого толкового словаря якутского языка».

(*Хоспутугар киирэн*), Кириллов ... кинигэлэри ылан көрүтэлээтэ (АА СКА 11)

хос=пут=угар / комната=POSS.1Pl=DAT киир=эн / зайти=CV Кириллов / Кириллов кинигэ=лэр=и / книга=Pl=ACC ыл=ан / взять=CV көр=үтэлээ=т=э / смотреть=ITER=PAST=3Sg 'Кириллов зашел в нашу комнату, ... и полистал книги'.

В связи с вышерассмотренной конструкцией следует отметить, что в ППК с зависимым предикатом, выраженным деепричастием на =ан, зависимое событие предшествует главному, что обусловлено функционально-семантическим параметром данной глагольной формы. Как известно, последняя является морфологическим средством, участвующим в образовании таксисных конструкций предшествования. Однако подобными ППК в зависимости от характера лексико-грамматического наполнения состава предложения описываются и причинно-следственные отношения (см. выше первый пример), ибо «причинно-следственная семантика формируется на базе временных отношений» [Тажигаева, 2001, с. 57]. При этом в моносубъектных ППК с зависимым предикатом T_v ан главное событие должно представляться не только как событие, следующее за зависимым, но и как его следствие, что является необходимым условием функционирования ППК с причинно-следственным значением.

Разносубъектные ППК с предикатом, выраженным T_v бакка, T_v мына – отрицательными формами деепричастия на =ан – употребляются для описания причинно-следственных отношений. Примеры:

T_v бакка+/P/ – *Өр кэмгэ кыайан хомуллубаккалар, элбэх бытархай боппуруостар мунньулан хаалбыттар* [ГСЯЛЯ, 1995, с. 229]

өр / долгий кэм=нэ / время=DAT кыайан хомулл.уба:кка=лар / быть собранным: CV.NEG=3Pl элбэх / много бытархай / мелкий боппуруос=тар / вопрос=Pl муннь:улл:ан / копить: PASS:CV хаал=быт=тар / AUX=PP=3Pl

'Так как они долго не собирались, накопилось много мелких вопросов';

T_v мына – *Урут үлэhit илии ааннья көстүмүнэ, бу сир ситэ оттоммокко хаалара* [Там же, с. 229]

урут / раньше үлэhit / рабочий илии / рука ааннья көстү:мүнэ / не хватать: CV.NEG бу / этот сир / местность ситэ / полностью отт:ом:мокко / косить: PASS:CV.NEG хаал=ара / AUX=IMPRF.3Sg

'Раньше эту местность из-за того, что не хватало рабочих рук, косили не полностью'.

ППК с зависимым предикатом, выраженным причастно-падежными формами. Зависимый предикат данных ППК представляется определенными причастиями в формах дательного, орудного и исходного падежей.

ППК с показателем дательного падежа. В подобных ППК зависимый предикат выражается причастием прошедшего времени на =быт или его отрицательной формой =батах в дательном падеже. В этих ППК обычно описывается особая разновидность причинного отношения – значение санкции (поощрения или наказания), которое базируется на дополнительной (объектной) связи событий (ср. *туохха?* 'чему?'). Примеры.

T_v быт + // дат. п.: *Хата, тулуйан истибиккэр – махтал* (ХС 1981 8 22)

хата / наоборот тулуй=ан / терпеть=CV ист:ибик:к:эр / слушать:PP:2Sg: DAT махтал / спасибо 'Наоборот, спасибо (тебе) за то, что ты выслушал с терпением';

T_v батах + // дат. п.: [Эһэ] *хата, саабын тосту ыстаабатабар үөрбүтүм* хата / наоборот саа:б:ын / ружье:POSS.1Sg: ACC тосту ыстаа=батабар/разгрызть=PP.NEG:3Sg.DAT үөр=бүт=үм / радоваться=PP=1Sg 'наоборот, я был рад тому, что он (медведь) не разгрыз мое ружье'.

ППК с показателем исходного падежа. Зависимый предикат характеризуется причастиями на =ар, =бат, =быт, =батах, =яхтаах, именем наличия (*баар*), прилагательными и др. в форме исходного падежа. Названные формы, как уже показывалось, образуют варианты модели с показателем исходного падежа, обозначающей причинно-следственное отношение: T_v ар+// исх.п.; T_v бат+// исх.п.; T_v быт+// исх.п.; T_v батах+// исх.п.; T_v яхтаах+// исх.п.; Баар+// исх.п.; Adj+// исх.п. ППК с указанным показателем сообщают, что главное событие порождается зависимым (Ср.: [Валева, 2012, с. 15]). Примеры:

T_vар+// исх.п.: ... *буомба, снаряд быыстала суох эстэриттэн сир уу испит сылгылыты титирэстии, дьиэлэр урусухаллара экирэнэ турар курдуктара* (ХС 1982 12 25) *буомба / бомба снаряд быыстала суох / непрерывно эст:эр=иттэн / взорваться:сир / земля уу / вода ис=пит / пить=PP сылгы=лыы / лошадь=COMP титирэст:ии / дрожать=CV дьиэ=лэр / дом=урусухал=лара / развалины=POSS.3Pl экирэнэ:h:э / подпрыгивать:RICEP:CV тур=ар / AUX=PFUT курдук=тара / PRTCL=IMPFR.3Pl*

‘... **из-за того, что** непрерывно взрываются бомбы, снаряды, земля дрожала, словно конь, напившийся (студеной) воды, разрушенные дома словно подпрыгивали’;

T_vбат+// исх.п.: *Биһиги оҕолорбут ону ситэ өйдөөбөттөрүттэн үөрэниэхтэрин баҕарбаттар* (ХС 1975 10 547)

биһиги / наши о ыстаа=батаҕ:ар о=лор=бут / ребенок=Pl=POSS.1Pl он:у / этот:ACC ситэ өйдөө=бөт=төр=үттэн / полностью понять=PFUT.NEG=3Pl.=ABL үөрэн=иэх=тэри:н / учиться=FUT=3Pl:ACC баҕар=бат=тар / желать=PFUT.NEG=3Pl ‘Наши дети из-за того, что не до конца понимают этого, не хотят учиться’.

ППК с показателем орудного падежа. Сказуемое зависимой части данных предложений выражается причастиями на =ар, =быт в орудном падеже лично-предикативного склонения. ППК подобной модели обозначают отношение причинного обоснования, что передаются на русский язык сложноподчиненными предложениями с союзами *так как, поскольку*. Примеры:

T_vар + // оруд.п.: ... *(ыалдьарбынан) быраастар үөрэхпиттэн тохтотон, сынньанарбар сүбэлээбиттэрэ* (Дмитрий Таас)

ыалдь:ар:б=ынан / болеть:PFUT:1Sg=INSTR быраас=тар / врач=Pl үөрэх:п=иттэн / учеба:POSS.1Sg=ABL тохто:т=он/остановиться:CAUS=CV сынньан=ар:б:ар/отдохнуть=PFUT:1Sg:DAT сүбэлээ=бит=тэрэ/советовать=PP=3Sg

‘... так как я болел, врачи меня освободили от учебы и посоветовали отдохнуть’;

T_vбыт+// оруд. п.: *Онон биһиги да киэнник биллэн барбытынан мантан антах кинини «Кунай» диэн быһатытан ааттыаххайыг* (ХС 1975 9 95)

Онон / поэтому биһиги / мы да / PRTCL киэнник / широко билл:эн / стать известным:CV бар=быт=ынан/AUX=PP=3Sg.INSTR мантан антах / с этого времени кини=ни / он= ACC Кунай / Кунай диэн / CONJ быһатытан / упрощенно аатт:ыахха=йыг / назвать:FUT.DAT. 1-2Sg=1-2Pl

‘Поэтому давайте и мы будем звать его отныне Кунаем, поскольку это широко стало известным’.

Таким образом, собственно-синтетические ППК с причинно-следственным значением образуются по принципу экономной аффиксации. Для чего зависимые предикаты этих ППК оформляются деепричастными (=ан, =бакка, =мына). При этом зависимые части подобных ППК обычно занимают препозицию по отношению к главной предикативной части, что соответствует основному закону строя тюркских языков – закону твердого порядка слов в словосочетаниях и предложениях.

В несобственно-синтетических – аналитико-синтетических – ППК с причинно-следственным значением их зависимый предикат выражается теми и иными причастиями и предикативными именами в сочетании с определенными послелогоми (*иһин, быһытынан, сибээстээн, сылтаан, сылтанан, аайы (аайытын), туһуттан, туһугар, сылыктаан, наадатыттан, түмүгэр, кэннэ, биричинтэ, төрүөтүнэн, аанньа*).

ППК с послелогом иһин. Зависимый предикат выражается причастиями =ар, =быт, =батах и другими формами (формой обладания =лаах, прилагательными и т. п.). Данными ППК выражается отношение общей причинной обусловленности, которое в русском языке передается конструкциями с союзами *так как, потому что, поскольку*:

Дьоно истинник кэпсэтэллэрин иһин, кыыс чобуотук эппиттэн барда (ХС 1982 10 17) ‘Так как люди с ней разговаривали доброжелательно, девочка начала отвечать бойко’;

Антонида аттыгар ким да суобун иһин, саҥа таһааран эппитэ (ХС 1982 5 46) ‘Он сказал вслух, потому что возле Антонида никого не было’;

Дьобурдаабым иһин, үөрэттэрбитэ (ХС 1982 5 46) ‘Поскольку я был способным, он отдал (меня) учиться’;

Алдьаммытын иһин, үнүр субботникка кэппитим (ХС 1975 10 24) ‘Потому что они (брюки) были поношенные, я наделал их в тот раз на субботнике’.

ППК с *иһин* выражаются также специфические причинные отношения – отношения стимула/санкции, то есть «поощрения или наказания», что может передаваться и другими причинными ППК (например, конструкциями с показателем дательного падежа). Примеры:

Баһылай бөрөлөрү өлөрбүтүн иһин (ср. өлөрбүтүгэр), *үгүөрү собус харчынан бириэмийэ ылыахтаах* (ХС 1980 8 84) ‘Василий за то, что убил волков, должен получить солидную денежную премию’;

Эйигин өлөрбүт сизэхсит бандьыыттар дьон хаанын тохтуптары иһин (ср. тохтуптарыгар), *эппиэттиэхтэрэ* (ХС 1980 8 84) ‘Палачи бандиты, которые убили тебя, за то, что они пролили людскую кровь, будут наказаны’;

Тангара дьэитин настоятелэ, быйыл ороһуоспаба үчүгэйдик ыллаабытын иһин (ср. ыллаабытыгар), *Ваняба сабыс сана «Псалтырь» кинигэтин бэлэхтээбит* (ХС 1978 4 16) ‘Настоятель церкви подарил Ване совершенно новый «Псалтырь» за то, что он хорошо спел нынче на рождественском празднике’;

Кыра омуктары кэрээнэ суох атабаастаабытын, баттаабытын иһин, ыраахтаабыны абааһы көрөбүн (ХС 1982 5 47) ‘За то, что беспощадно унижал, угнетал национальные меньшинства, я ненавижу царя’.

Когда в ППК с *иһин* причинное отношение характеризуется предположительным смыслом, зависимый предикат снабжается частицами *буолуо*, *буолаба буолуо* (Ср. «значение причинного предположения» [Тажибаева, 2001, с. 110]):

Уол сааһа ыраапытын иһин буолуо (буолаба буолуо), булгуччу үөрэнэбин диэн модьуй-субутахтара (ХС 1980 15 2) ‘Наверное (вероятно, видимо), потому что мальчику было уже много лет, они не настаивали, чтобы он обязательно учился’.

Отношение причинного обоснования, осложненное усилительно-выделительным оттенком, обычно обозначается функциональной частицей *бэрт*, входящей в состав зависимого предиката:

Көрдөһөрө бэрдин иһин, ылынным (ИГ ХК 2 12) ‘Я согласился, так как он очень сильно просит’;

Килиэп түүнүгүрбүтэ бэрдин иһин, сизэбэтибит (ХС 1979 4 93) ‘Так как хлеб очень сильно заплесневел, мы его не ели’.

ППК с послелогом быһыытынан. Как и в конструкциях с *иһин*, в названных ППК предикат зависимой части выражается теми же причастиями и именами в сочетании с послелогом *быһыытынан*. Данные ППК в функциональном плане близки к причинным ППК с орудным падежом, но в отличие от последних выражают собственно причинные отношения, не осложняясь объектным оттенком. Ср.

Ыҥырыллыбыт тойоттор бары кэлбиттэрин быһыытынан, сүбэ мунһабы аһабын (ЭЭ ТА 70) ‘Поскольку приглашенные господа пришли все, открываю собрание’ и *Ыҥырыллыбыт тойоттор бары кэлбиттэринэн, сүбэ мунһабы аһабын* (перевод тот же);

Көрүү болдьоҕо бу тиийэн кэлбитинэн, күн аайы бэлэмнэнэргэ уураах ылыннылар (ХС 1979 12 39) ‘Так как срок смотров (фестиваля) уже подошёл, они приняли решение репетировать каждый день’ и *Көрүү болдьоҕо бу тиийэн кэлбитин быһыытынан, күн аайы бэлэмнэнэргэ уураах ылыннылар* (перевод тот же).

Подобные ППК по своей синтаксической семантике близки также к причинным ППК с послелогом *сибээстээн* и *сылтаан*. В послеложных ППК причастный компонент зависимого предиката оформлен орудным падежом, поэтому он и без послелога может передать причинные отношения. Потому в подобных ППК, в отличие от ППК с *быһыытынан*, послелог может опускаться. Ср.

Арай физикаба, математикаба ордук үчүгэйдик үөрэнэрин быһыытынан (ср. үөрэнэринэн сибээстээн / үөрэнэринэн *сылтаан), *техникескэй вузка кириэхтээбин эрэ билэрэ* (ХС 1975 10 21) ‘Поскольку он учился особенно хорошо по физике, математике, он знал лишь о том, что он должен поступить в технический вуз’ (* – нетипичная структура);

Онон иккис фронт аһыллыбытынан сибээстээн (ср. аһыллыбытын быһыытынан / аһыллыбытынан *сылтаан / аһыллыбытынан) сэрии бүтэрэ чугаһаата уни (ХС 1975 5 106) ‘Поэтому в связи с тем, что (поскольку/ по причине того, что/ поскольку) открылся второй фронт, наверное, близок конец войны’;

Кыргыттар, кыраабыл тиийбэтинэн сылтаан (ср. тиийбэтин быһыытынан / тиийбэтинэн сибээстээн / тиийбэтинэн), тохтоло суох олбу-солбу мунньарга быһаардылар (ХС 1979 11 32) ‘По причине того, что /в связи с тем, что/поскольку) граблей не хватало, девушки решили сгребать сено без перерыва по очереди’.

ППК с послелогом сибээстээн. Зависимый предикат рассматриваемых ППК выражается причастиями на -ар, -быт и др. Послелог сибээстээн представляет собой деепричастную форму глагола сибээстээ- ‘связывать, соединять’, образованного от именной основы сибээс – заимствования из русского языка (>связь). ППК подобной структуры обычно употребляются в официальной и письменной речи:

Орджоникидзевскай оройуон I Дьөппөн орто оскуолата аһыллыбыта 50 сыла туоларынан сибээстээн, оскуола выпускниктары уонна араас сылларга үлэли сьлдьыбыт учууталлары кулун тутар 26 күнүгэр 10 чааска үбүлүүйгэ аналлаах көрсүһүүгэ ынгырабыт («Кыым», 12.03.1983) ‘В связи с тем, что исполняется 50 лет со дня открытия 1-й Жемконской средней школы Орджоникидзевского района, приглашаем 26 марта в 10 часов на встречу, посвященную юбилею, выпускников школы и учителей, работавших в ней в разные годы’.

ППК с послелогом сылтаан. Как показывает выборка, зависимый предикат этих ППК выражается причастием на -быт или именем прилагательным в сочетании с послелогом сылтаан. Подобные ППК специализируется в обозначении актуализированных причинных отношений. При этом сылтаан отглагольный – деепричастный – послелог сочетается с препозитивным компонентом аналитического зависимого предиката в форме исходного падежа, которая характеризуется как многозначная и в определенных условиях участвует в образовании причинных ППК. Потому ППК с сылтаан и причинные ППК с показателем исходного падежа являются взаимозаменяющимися – синонимичными – структурами. Однако падежная конструкция, в отличие от послеложной, не выражает актуализированное причинно-следственное отношение. Примеры:

Оттон бүтэһиктээх улахан иирсээн, бэбүһээ Кытаах Арамаан чочу угун тоһутан кэбиспититтэн сылтаан (ср.: тоһутан кэбиспититтэн), тахсыбыта (ДТ ККХ 297) ‘А самый последний большой скандал произошел из-за того, что вчера Кытаах Иван сломал ручку точила’;

Дьэ кинилэр мөлтөхтөрүттэн, аналаларыттан сылтаан, (ср. мөлтөхтөрүттэн, аналаларыттан), төһөлөөх кыыс, дьахтар аһаардас хаалан, эрэйгэ тэбиллибитэ буолуой?! (ИС С 10) ‘Итак, из-за их слабости, робости, сколько девушек, женщин, оставаясь одинокими, страдают?!’

ППК с послелогом сылтанан. В ППК этого типа послелог сылтанан (сылтан ‘придумать, найти какую-л. причину, повод, основание для чего-л.’ +=ан) управляет в орудном падеже, и подобные конструкции используются для выражения мнимого причинного обоснования. Например:

Сирия салгынтан саба түһүү оборонатын бөбүргөтөр кэккэ дьаһаллары ылбытынан сылтанан, Израиль кэнники кэмгэ Сирияҕа суоһааһына күүһүрдэ («Кыым», 08.02. 1983) ‘Под предлогом, что Сирия приняла ряд мер по укреплению своей противовоздушной обороны, в последнее время Израиль усилил свою угрозу Сирии’.

ППК с послелогом аайы полисемичны, и при противительном характере ситуации, описываемой главной частью, выражают такое модальное отношение, которое квалифицируется как отношение недостаточного – пренебрежительного, неодобрительного – причинного основания. Примеры:

Хас оҕо-дьахтар ол-бу араас буоллабын аайы, дьыаланы марайдаабатах бабайыта уни (ВИ КуоЭ 27) ‘Из-за каких-то капризов всякого ребенка и женщины он, конечно, не будет же замарать дело (вычеркивать в списке)’;

Ким, куһаҕан эмээхсин өллөбүн аайы, бу үлэ-хамнас кэмигэр таскайдыы, тиэйэ сьлдьыаҕай? (ВИ КуоЭ 69) ‘Кто из-за того, что умерла простая старуха, в разгар такой работы будет возить туда-сюда?’;

Ити, кини атаахтаабын аайы, тобо да ажалан буһара оонньоотохпутуй? (МИ ОС 30) ‘Это почему же мы принесли и варим (еду) из-за каждого его каприза?’;

Эн, кини сымыйалаатаабын аайы, тобо бара сатаатын? (ХС 1980 9 95) ‘Почему же ты собираешься уходить? Только потому, что он соврал?’.

ППК с послелогом ааттаан (ааттаа- ‘укреплять какое-л. мнение о ком-, чем-л.’+ан) выражается причинное основание с отрицательным, предосудительным оттенком. Например:

Оччолорго иитэр-аһатар киһилэрэ суобунан ааттаан (ср. сибээстээн /... суобун быһыы-тынан), *Кешаны армияҕа ылбатахтара* (ВИ КуоЭ 27) ‘Тогда, ссылаясь на то, что, мол, в семье не было кормильца, Кешу не призвали в армию’.

ППК с послелогом аанньа употребляются для выражения причинного отношения, при котором подчеркивается произвольный характер или частность, необоснованность, слабость повода для реализации события главной части. Примеры:

Бадарааннаах үлтүркэй тааһы, кэбирэбин аанньа, балайда диригиник, кытаанабар тиийэ түспүттэрэ (ВЕ КТ 91) ‘Болотистую землю с мелкими камнями они вскопали довольно глубоко, до мерзлоты, только потому, что она была нетвёрдая’;

Киһи ыйыппытын аанньа, эттэбэ (ЯРС 24) ‘Он сказал постольку, поскольку его спросили’;

Ити бүрүүкэлээбин аанньа, биһиргэ үөрэнэр уола диэбит (АС СК 69) ‘Только потому, что она была в брюках, он подумал, что это парень, с которым он вместе учится’;

Нэһилиэк киһинэ оччотообуга Толоонго баара. Онно кэлэн биһиги, дьаамсыкпыт тохтообутун аанньа, обото-уруута суох, балыктаан-куобахтаан итиллэн олорор Наһаардаах диэн обонньордоох эмээхсингэ тохтообуппут (ТСЯЯ I 160) ‘Центр наслега тогда находился в Толоне. Туда приехав, мы, поскольку наш ямщик остановился (там), остановились в семье старика со старухой по имени Назаровы, которые жили, пропитаясь промыслом рыб и зайцев’.

Иногда форма зависимого предиката снабжается частицей *эрэ* ‘только’:

Красильников атамаан кинини [Гордеевы] сирэй билэрин эрэ аанньа, Саха сириг сэршилэрин командующайынан анаабыта (ТСЯЯ I 160) ‘Атаман Красильников его назначил командующим войсками Якутии только потому, что он его знал лично’;

Харчылаабын эрэ аанньа, ханнык да таптала суох, кырдыаҕас, бүрэ дьүһүннээх огдообону ойох ылбыта (ТСЯЯ I 160) ‘Он поженился без никакой любви на старой, некрасивой вдове только потому, что она была богатая (денежная)’.

ППК с послелогом туһуттан ‘из-за того, что’ описывается актуализированное, логически выделенное причинное обоснование следствия, обозначенного в главной части. Подобные конструкции синонимичны аналитическим ППК со скрепой *буолан* или синтетическим ППК с зависимым предикатом в форме деепричастия на =ан, которые характеризуются факультативным личным оформлением:

Мин ити эйигин, үлээннээхпин, сөбүлүүрүм туһуттан (ср.: сөбүлүүр буолан / буоламмын / сөбүлээн / сөбүлээммин), *итинник этэбин* (НЯ АК 49) ‘Я тебя, своего сверстника, называю так из-за того, что ты мне нравишься’.

Когда зависимый предикат снабжается частицей *эрэ* ‘только’, конструкцией передается отношение недостаточного основания, вызвавшего ситуацию главной части. ППК такого типа в функциональном плане соотносительны с конструкциями, оформленными послелогом *аанньа*:

Төһөлөөх ткачиха дьахтар, ткачиха эрэ буолбуттарын туһуттан (ср.: аанньа), *соботох сылдьаллара буолуой?!* (ХС 1979 1 59) ‘Сколько женщин ткачих только из-за того, что они стали ткачихами, живут одиноко?!’

ППК с послелогом туһугар обычно выражаются целевые отношения, однако, хотя и редко, в определенных условиях ими могут передаваться и несобственно-причинная семантика – отношение положительной санкции. Потому подобные ППК являются соотносительными с ППК, оформленными послелогом *иһин*:

Биһиги аһыммытын туһугар (ср. иһин), *эйигин тангара дьоллоотун* (ЭЭ ТА 28) ‘За то, что ты пожалел нас, пусть бог одарит тебя счастьем’.

ППК с послелогом түмүгэр (түмүк ‘результат’ + дательный падеж лично-притяжательного склонения) описывают собственно-причинные отношения, то есть причинную зависимость.

Они представляют собой синтаксическую кальку ППК русского языка со скрепой *в результате того, что* и как ППК с *сибээстээн* употребляются в официальной, письменной речи. В функциональном плане ППК с данным послелогом соотносительны с ППК, зависимый предикат которых оформлен деепричастием на *-ан*. Последние, в отличие от первых, стилистических ограничений не имеют. Например:

Бу дьаһаллар олохтоммуттарын түмүгэр (ср. олохтооннор), *бастакы кууруска киһирээччилэр ахсааннара сылтан сыл эбиллэн испитэ* (ХС 1979 1 88) ‘В результате (вследствие) того, что эти распоряжения вступили в силу, число поступающих на первый курс из года в год возрастало’.

ППК с послелогом *наададтан* (наада ‘надо’ + исходный падеж простого склонения) выражают причинное отношение, осложненное целевым оттенком. Подобные ППК в функциональном плане соотносительны с конструкциями с послелогом *туһуттан* или *инниттэн*:

Молдавияҕа уонна Собирууну Украинаҕа баар немец чаастарын фронга бырабар наададтан (ср. туһуттан, инниттэн), *Гитлер Румыния оччотооҕу премьер-министригэр маршал аатын инэрбитэ* (ХС 1978 10 32) ‘Из-за того, что ему необходимо было забросить на фронт немецкие войска, находящиеся в Молдавии и на Южной Украине, Гитлер присвоил звание маршала тогдашнему премьер-министру Румынии Антонеску’.

Условные полипредикативные конструкции

В синтетических ППК препозитивная предикативная часть выражается первой формой условного наклонения (*основа глагола+первая форма условного наклонения =тар+аффикс сказуемости, выражающий значение лица и числа: T_v тар+/P/*) или второй формой условного наклонения (*глагольная основа+=тах+аффикс лица и числа + аффикс древнего местного падежа/вторая форма условного наклонения: T_v тах+//на*). Примеры:

T_v тар+/P/: *Үчүгэй киһиэхэ кэргэн табыстаргын, үөрүөм этэ* (ХС 1977 9 53) *үчүгэй/хороший киһ:иэхэ/человек:DAT кэргэн табыс=тар=гын / замуж выходить=COND1=2Sg үөр=үө=м/радоваться=FUT=1Sg этэ/PRTCL*

‘Если ты выйдешь замуж за хорошего человека, я буду рад’;

T_v тах+//на: *Көрдөһүүбүн ылыннахтарына, табаар атыыта дэлэйиэ* (ББ СДь 41) *көрдөһүү:б:үн / просьба:POSS.1Sg: ACC ылын=нахтарына / принять=COND2.3PI табаар / товар атыы=та / продажа=POSS.3Sg дэлэй=иэ / расширяться=FUT.3Sg*

‘Если они примут мое предложение, продажа товаров расширится’.

ППК с *=тар* (*T_v тар+/P/*) характеризуются аналитическими вариантами, выраженными формами причастий настоящего-будущего времени (=ар), прошедшего времени на *=быт*, а также другими предикативными формами – именами наличия (*баар*) и отсутствия (*суох*), прилагательным (Adj), именем обладания (имя существительное / N + *лаах*) – в сочетании со служебным глаголом *буол*= в первой форме условного наклонения. Это формы *T_v ар+// буоллар*; *T_v быт +// буоллар*; *Баар+// буоллар*; *Суох+// буоллар*; *Adj +//буоллар*; *N+лаах+ // буоллар*.

Условными бипредикативными конструкциями с аналитическим зависимым предикатом описываются нереальные (несовершившиеся) положения дел (пропозиции), которые представляются говорящим как возможные (потенциальные) или невозможные (воображаемые). Примеры:

T_v ар+// буоллар: *Этэрим буоллар, онгоруо этэ* ‘Если я скажу (чтобы он выполнил домашнюю работу), он бы (ее) выполнил’ (возможные положения);

T_v быт +// буоллар: *Кэлбитэ буоллар, барыам этэ* ‘Если бы он пришел, я бы ушел (отсюда) (воображаемые положения дел)’;

Баар+// буоллар: *Кинигэм баара буоллар, аабыам этэ* ‘Если бы была (здесь) моя книга, я бы прочитал’;

Суох+// буоллар: *Дьэ соруудаҕа суоҕа (эбитэ) буоллар, оонньуу барыам этэ* ‘Если бы (у меня) не было домашнее задание, я бы пошел играть’;

Adj +// буоллар: *Халлаан сылааһа буоллар, үлэбэр сатыы барыам этэ* ‘Если бы погода

была теплая, я бы пошел на работу пешком»;

N+лаах+// буоллар: *Бириэмэлээбим / Бириэмэлээх эбитим буоллар, мин эйиэхэ кэлбитим ырааппыт буолуо этэ* ‘Если бы у меня было время, я бы давно пришел к тебе’;

N+лаах+// эбитэ буоллар: *Уолун тыыннааба эбитэ буоллар, билигин уон биэс саастаах буолуо этэ* ‘Если бы твой сын был жив, то ему бы теперь было пятнадцать лет’.

Структурами с зависимым предикатом, знаменательный компонент которого выражается формой настояще-будущего времени, передаются возможные ситуации в плане будущего. Например:

T_v ар +// буоллар – *Кэлэрэ буоллар, барыам этэ* ‘Если бы он придет (сюда), я бы пошел (домой)’. Данное СП представлено формой T_v ар+// буоллар, которая является вариантом модели T_v тар +/P/. Последняя может осложняться временным оттенком: *Кэллэр* (ср. кэллэбинэ), *барыам этэ* ‘Если / когда он придет (сюда), я бы пошел (домой)’.

В СП с = табына (T_v тах+//на) описываются будущие и прошедшие положения дел. Модель T_v тах+//на, в отличие от T_v тар+P/, полисемична и в зависимости от характера лексико-грамматического наполнения состава предложения она может передавать не только условные, но и условно-временные отношения, а также и сугубо временное значение. Кроме того эта модель участвует в образовании СП единичного реального условия и изъяснительной семантики.

Условные, условно-временные, а также временные значения передаются СП модели T_v тах+//на, когда они соотносятся с планом будущего времени. Подобные СП, когда сказуемое их главной части оформляется показателем сослагательного наклонения, соотносительны с предложениями модели T_v тар+P/: *Кинигэтин уларытабына* (ср. уларыстар), *аабыам этэ* ‘Если / Когда он (мне) одолжит свою книгу, я бы (ее) почитал’.

В случаях, когда главное сказуемое характеризуется показателем будущего времени, обсуждаемые ППК / СП не допускают преобразований по модели T_v тар + /P/:

Абам уопускаатын ыллабына (ср. ыллар* – T тар + /P/ нетипичная структурная модель), *сынньана барыахпыт* ‘Если / Когда отец возьмет отпуск, мы поедем отдыхать’; *Таайым бултаан кэллэбинэ* (ср. кэллэр*), *куоракка бара сылдыахпыт* ‘Когда дядя вернется с охоты, мы съездим в город’; *Сотору, кэргэнэ кэллэбинэ* (ср. кэллэр*), *ааны аһаары уһуктуо* (Софр. Данилов) ‘Скоро, когда придет муж, она встанет и откроет дверь’.

Изъяснительная семантика передается в тех случаях, когда зависимый предикат в форме T_v тах + // на представляется глаголами восприятия. Подобные предложения являются синтаксическими средствами, обозначающими эвиденциальность. Примеры:

Кириһээн көрдөбүнэ, маньыһыт бинтиэпкэтэ чугас собус сытар эбит (ДТ С 36) Кириһээн / Хрисанф көр=дөбүнэ / видеть=COND2.3Sg маньыһыт / караульный бинтиэпкэ=тэ / винтовка=POSS.3Sg чугас / близко собус / PRTCL сыт=ар / лежать=PFUT эбит / PRTCL.3Sg: оказывается ‘Хрисанф видит, что винтовка караульного, оказывается, недалеко лежит’; *Суоппуйа иһиллээн көрдөбүнэ – им-дьимнэ дылы* (ДТ С 25) Суоппуйа / Софья иһиллээн / прислушиваться: CV көр=дөбүнэ / AUX=COND2.3Sg им-дьим=нэ / тишина=DAT дылы / PRTCL ‘Софья стала прислушиваться – вроде бы ничего не слышно’.

Когда СП с T_v тах+//на соотносится с планом прошедшего, им выражаются временные значения – отношения частичной или полной одновременности. При этом их зависимая предикативная единица (ЗПЕ) и главная предикативная единица (ГПЕ) характеризуются аспектуальными значениями «длительность (ЗПЕ) – недлительность (ГПЕ)» или «длительность (ЗПЕ) – длительность (ГПЕ)»:

Сүүрэн истэхпинэ, утары тахсан кэллэ ‘Когда я бежал (по дороге), он вдруг вышел навстречу (ко мне на дороге) (длительность + недлительность)’; *Телевизор көрө олордобуна, абата хаһыат аахпыта* ‘Когда он смотрел телевизор, отец читал газету’ (длительность + длительность).

Конструкциями условной модальности, то есть вариантами модели T_v тах+//на, передаются условные отношения, а также значение единичного реального условия. Условными СП указанной аналитической формы описываются возможные события, локализующиеся в плане будущего.

T_v бат буоллах+//на: *Сарсын үөрэх буолбат буолбатабына, биһиги экскурсияба барыахпыт* (из разговорной речи) ‘Если завтра не будет занятий, мы пойдем в экскурсию’.

Значение единичного реального условия описывается тогда, когда знаменательный компонент зависимого предиката оформляется причастием на=*быт* в сочетании с частицей *эбит* ‘оказывается’, а конечное сказуемое – формой настояще-будущего времени:

T_v быт эбит буоллах+//на: *Эрдэ кэлбит эбит буоллабына, барабын* (из разговорной речи) ‘Раз он пришел рано, я ухажу’.

Таким образом, якутские синтетические СП с условным значением оформляются прежде всего на основе форм условного наклонения – *=тар*, *=табына* (T_v тах+//на; T_v тар+/P/). При этом *=тар* (ср. древнетюркский аффикс *=сар/=сер*) является общетюркской – ее параллелью в других тюркских языках выступает условное наклонение на *=ca/=*. Вторая форма условного наклонения *=табына* – собственно якутская форма, она не имеет в плане наклонений параллелей в других тюркских языках. СП с T_v тар+/P/ выражаются возможные или невозможные (нереальные) пропозиции, соотносенные как обуславливающее и обусловленное. СП с T_v тах+//на полисемичная и им наряду с условными отношениями передаются условно-временные, временные и изъяснительные значения, а также семантика единичного реального условия.

Полипредикативные конструкции цели

Целевые отношения выражаются определенными ППК. В подобных ППК препозитивная предикативная часть представляет положение дел (пропозицию, семантическую конструкцию), составляющее цель, ради которой совершается ситуация, описываемая постпозитивной предикативной частью.

В якутском языке целевые ППК представляются конструкциями с зависимым предикатом, выраженным деепричастиями (*-аары*, *-а*), причастиями в форме дательного и винительного падежей (синтетические конструкции), а также в сочетании с послелогом *туһугар*, *иһин*, *инниттэн*, *наадатыгар* (аналитико-синтетические конструкции).

Целевые ППК синтетического типа.

ППК с деепричастными зависимыми предикатами. Зависимые предикаты этих конструкций оформляются деепричастиями на *-аары*, *-аары* (отрицательная форма деепричастия на *-аары*), *-а*. Связь между ЗПЕ и ГПЕ рассматриваемых ППК выражается при помощи способа примыкания, который представляется посредством твердого порядка слов «препозитивное зависимое слово / предикат ЗПЕ + постпозитивное главное слово / сказуемое ГПЕ». Данные ППК моносубъектные, то есть невариативно-субъектные. Например:

Дьэ бу бааһынай оҕонньоро биирдэ туран ыалга дьаарбайа барар (Якутские сказки)

дьэ бу бааһынай оҕонньор=о биирдэ туран ыал=га
вот этот крестьянин старик=POSS.3SG однажды PRTCL сосед=DAT
дьаарбай=а бар=ар

гулять=CV пойти=P.FUT.3SG

‘Этот старик крестьянин однажды идет гулять к соседям’;

Мин, кинини итиннэрээри, ...кутаа уот оттор толкуйдаах киһи буоллум (Софр.Данилов)

мин кини=ни итин=нэр=ээри кутаа уот от:ор
я он=ACC погреться=CAUS=CV костер огонь разжечь:PFUT
толкуй=даах киһи буол=л=ум

мысль=POSS.3SG человек AUX:стать=PAST=1Sg

‘Я, чтобы помочь ему погреться, ... решил разжечь костер’;

Оҕонньор көстүмээри маска сөрөннө (Н.Заболоцкий)

оҕонньор көст:үмээри мас=ка сөрөн=н=ө
старик показаться: NEG.CV дерево=DAT укрываться=PAST=3SG

‘Старик, чтобы его не заметили (букв: чтобы быть незамеченным), скрылся за деревом’.

ППК с показателем винительного падежа. Зависимый предикат выражается причастием будущего времени (*-ыах*) в винительном падеже лично-предикативного склонения:

Бэлэх оноруохпутун биир бэргэхтэ атыылаан (ИС С 12)

бэлэх онор=уох=пут=ун биир бэргэнэ=тэ
 подарок делать=FUT=1PL=ACC один шапка=ACC.INDEF
 атыылаа=н
 продать.IMPER=2PL

‘**Чтобы мы сделали** подарок (на свадьбе), продайте одну шапку’.

ППК с показателем дательного падежа. Зависимый предикат обозначается причастием настояще-будущего времени в дательном падеже лично-предикативного склонения: *Атыы-һыттар барыстаахтык эргинэллэригэр бу бырабыыталыстыба бары усуллубуйаны онгордо* (ХС 1982 5 43) ‘Это правительство создало все условия, **чтобы** купцы **торговали** выгодно’.

Целевые ППК несобственно-синтетического – аналитико-синтетического (последложного) – типа

Целевые конструкции с послелогоми могут быть как моносубъектными, так и разно-субъектными, т. е. вариативно-субъектными. В моносубъектных ППК последложного типа зависимый предикат, в отличие от разносубъектных ППК, характеризуется безличным оформлением. Примеры:

Эн ситэри өйдүүрүн туһугар, ... сииһилии кэпсиим (ХС 1982 5 19) ‘**Чтобы ты** (меня) **понял** до конца, ... я расскажу (об этом) подробно’; *Түргэнник дьону өрүһүйэр иһин, дьаһалла ылыахха* (Эрилик Эристиин) ‘Необходимо принять меры, **чтобы** быстро **спасти** людей’; *Манньык түбэлтэбэ силиэдэбэтэл, кэлин дьыала букулла сылдыбатын инниттэн, сирэй көрсүһүүнү ытара хайаан да наадалаах этэ* (М. Попов) ‘В таком случае следователю была совершенно необходимым организация очной ставки (с обвиняемым), **чтобы** потом в делопроизводстве **не возникали** путаницы’; [гыарыһах] *долгуйбатын наадатыгар, бэйэтин кыана тутунна* (ЭЭ ТА 172) ‘**Чтобы** (больной) **не заволновался**, она вела себя сдержанно’.

Таким образом, синтетические целевые конструкции как средства выражения одного из типов отношений обусловленности представляются деепричастными, причастно-падежными и послеложными структурами. Они являют собой ядро функционально-семантического микрополя цели. ППК цели с деепричастными зависимыми предикатами являются моносубъектными (невариативно-субъектными), другие же – вариативно-субъектны.

Уступительные полипредикативные конструкции

Уступительные отношения представляются, прежде всего, ядерными средствами – аналитико-синтетическими полипредикативными конструкциями – построениями с зависимыми предикатами, оформленными послелогоми, а также формой условного наклонения в сочетании с аналитическими показателями.

В подобных ППК ситуация, обозначаемая в главной части уступительной конструкции возникает и существует вопреки ожидаемому, прогнозируемому, нормальному ходу событий.

В аналитико-синтетических ППК с уступительным, уступительно-противительным отношением зависимый предикат представляется причастно-последложными структурами, а также первой формой условного наклонения (-тар/-батар) в сочетании с частицей.

ППК с зависимым предикатом, выраженным причастно-последложными формами. В качестве показателя связи подобных ППК употребляются определенные аналитико-синтетические средства – послелогои *үрдүнэн* ‘несмотря на то, что’; *иһин* ‘хотя’, ‘несмотря на то, что’; *иннигэр* (употребляется редко; синоним *иһин*).

ППК с *үрдүнэн* в отличие от конструкций с другими послелогоми передает реальные уступительные отношения, не осложненные дополнительными (например, противительными) смыслами. Они обычно характеризуются конкретными пропозициями, соотнесёнными с планом прошедшего времени. При этом положение дел, описываемое зависимым предикатом, может актуализироваться аналитической формой предиката зависимой предикативной единицы (далее – ЗПЕ), а главная пропозиция может выделяться наречием *син биир* ‘всё равно, во что бы то ни стало’: *Арамаан өлбүт сурабын кисти сатаабыттарын үрдүнэн ... син биир иһиллибитэ* (УН КА 99 36) ‘**Несмотря на то, что** известие о гибели Романа они (родные) **старались (изо всех сил) скрывать**, ... оно **всё равно** стало известно’.

Пропозиция, обозначаемая ЗПЕ, может представляться и как узуальная, обычная, а зависимая пропозиция в целом может логически выделяться препозитивным показателем *təhə da*, образованным сочетанием вопросительного местоимения и частицы: *Олонхо төһө да сымыйата биллэрин үрдүнэн, бары тыл ууһугар тартаран хааллылар* (ЭЭ МЫ 297) '**Несмотря на то, что** (всем) была известна нереальность событий олонхо (традиционное эпическое произведение якутов. – Н.Е.), все были заморожены мастерством искусного слова (сказителя)?

По модели с *үрдүнэн*, хотя и редко, могут реализоваться и такие фразы, которые оформляются типичнее всего при помощи других средств: например, посредством послелого *иһин* (*да иһин*), а также формой условного наклонения *-тар* в сочетании с частицей *да*. Подобное явление показывает, что обсуждаемые ППК при описании реальных пропозиций в функциональном плане могут характеризоваться синонимичностью: *Чинарин киэн көмүскэлэрэ быһаҕас түспүттэрин үрдүнэн* (ср. *быһаҕас түспүттэрин да иһин*, *быһаҕас түстэллэр да*), *чэгиэн-чэбдик киһи курдук, быһаарыылаахтык көрбүт* (ЭЭ МЫ 208) '**Взгляд у Чинарина решительный, словно у здорового человека, несмотря на то, что** у него глазницы глубоко впали?'

В ППК с послелогом *иһин*, *иннигэр* передают в большинстве случаев уступительно-противительные отношения. В них ЗПЕ при всей полноте своего проявления в структурно-семантическом плане характеризуется как основание, не могущее отменить главную ситуацию или как явление не могущее служить поводом для реализации иного положения дел в главной части. При этом зависимые пропозиции обычно представляются как логически подчеркнутые, что может маркироваться также препозитивным двухкомпонентным показателем *təhə da* 'сколько ни':

Кэргэнэ төһө да киниттэн арахсыан баҕарбатаҕын иһин (ср. *баҕарбатар*) *дууһатын сылааһа барыта* (ср. син биир) *ол дыһэбэр ордук сытара* (Н ДьАА 69) '**Несмотря на то, что** ее супруг не хотел уйти от нее, все тепло его души (ср. все равно) больше лежало в том (другом. – Н.Е.) доме?'

Алдьархай төһө да ааннаан кэлбитин, уһаабытын иһин (ср. *кэллэр*, *уһаатар*), *санааны түһэрэр... сатаммат* (БС ННБ 161) '**Несмотря на то, что** беда нагрянула, затянулась, нельзя ... падать духом' (главная пропозиция характеризуется как мнение говорящего).

В русском языке во фразах с союзом *хотя*, характеризующихся лексемой «хотя логической ловушки», «хотя испорченного телефона» в отличие от фраз с «хотя препятствия» отмечается наличие дифференциального признака, который называется «основанием обманутого ожидания» [Урысон, 2011, с. 121].

Положение дел, реализованное вопреки ожидаемому, может характеризоваться как негативное с точки зрения говорящего. Подобное явление имеет место в ППК с несколькими ЗПЕ, которые за исключением препозитивной ЗПЕ с уступительно-противительным отношением, выступают как ЗПЕ последовательного подчинения, а постпозитивная единица имеет вопросительную структуру: *Төһө да, холобур, өйдөспөтөх иһин, кэлбит наҕарааданы манньк кистиир, «умнар» ... быраабы хантан ыллылар?* («Кыым», 22.05.14. 9 с.) '**Хотя и бывает, что** никак невозможно понимать друг друга, но они (руководители. – Н.Е.) откуда получили право так скрывать, «забывать» полученную (для вручения работнику. – Н.Е.) награду?'

ППК с *иһин* могут функционировать и без усилительно-выделительных показателей *да* или *təhə da*, характеризуя ЗПЕ как недостаточное основание для реализации ожидаемой (главной) ситуации. При этом главная часть являет собой положение дел, происходящее вопреки мнению, согласно которому представляется ожидаемое событие:

Колхозтаабым иһин (ср. *колхозтаахпын да*. – Н.Е.), *онон туһаммаппын* (АА КО 76) '**Хотя я** колхозник, от колхоза ничего не получаю' (ожидаемая ситуация, вытекающая из мнения о том, что колхозники пользуются определенными льготами);

Дьаба баһыгар олорутум иһин, итини барытын өйдүүбүн (ЭЭ МЫ 284) '**Хотя я и живу на** верховье речки Джага, все это понимаю' (ожидаемая ситуация-мнение о том, что человек живущий вдали от центрального населенного пункта не может понять события современной жизни).

ППК с *иһин* в отличие от конструкций с *үрдүнэн* в определенном контексте могут соотноситься и с планом будущего времени. При этом зависимый предикат обозначается формой прошедшего времени, выражая значение относительного прошедшего:

– *Бырастыы гыныахтара. – Гыммыттары иһин, мин бэйэбин бэйэм бырастыы гыныам суоҕа* (ДТ С 238) ‘– Простят. – **Хотя и** простят (букв. сделали), я сам самого себя не прощу’.

ППК с *иннигэр* обычно встречаются с усилительно-выделительными показателями *да* или *төһө да*: *Санаа-оноо баттаан испитин да иннигэр ... Кириһээн өстөөхтөрө тугу кэпсэ-тэллэрин бэркэ сирийэн истэр* (ДТ С 30) ‘**Хотя** раздумья **и** начали давить на его, ... Хрисанф очень внимательно слушает то, о чем разговаривают враги’; *Уулаах, төһө да дьүдүөх буол-бутун иннигэр, акаары киһи буолбатах, хата кини өйтөн тахсар биир дьохун идэлээх* (ЭЭ МЫ 279) ‘Хотя Уулаах (прозвище. – Н.Е.) внешне очень плохо выглядел, он не был неразвитым человеком, наоборот, у него есть один самобытный творческий талант’.

Послелогии *иһин* и *иннигэр* как синонимичные средства могут употребляться в качестве показателей связи в уступительных ППК с однородными ЗПЕ:

Уулаах, бырааттары төһө да күндүтүк санаабытын иннигэр, кинилэр тустарынан бу тылы төһө да этимиэн баҕарбытын иһин, тыа адырбатын курдук, суостаах-суодаллаах тойон иннигэр туорайдаабытын уҕарытар санааттан, урут эмиэ эһэбэ түбэстэбинэ алгыры-рын курдук албаата (ЭЭ МЫ 281-282) ‘Уулаах, **хотя** братья были ему так дороги, **хотя** ради них он и не хотел сказать эти слова, перед грозным, как хищник тайги, господином с целью утихомирить то, что он помешал (ему), благословил так, как он делал, когда раньше он попадал медведю’.

ППК с зависимым предикатом, выраженным первой формой условного наклонения (*-тар / -батар*) в сочетании с частицей. Предикатом в форме *-тар / -батар* (отрицательная форма *-тар*), который сочетается с частицей *да*, формируются ППК с уступительно-противительным отношением. Потому подобные фразы могут оформляться и ППК со скрепой *гынан баран*, выражающей аналогичное же отношение:

Валерий испэктээкилгэ соччо баҕарбатар да (ср. баҕарбатаҕа гынан баран/ * баҕарбатаҕа / баҕарбат буолан баран), *Аняны .. хомотумаары кэлистэ* (Н ДьАА 5) ‘Валерий **хотя и не** очень хотел (пойти) на спектакль, ... чтобы не обидеть Аню, пошел (на спектакль) вместе с ней’.

1.2. Аналитические полипредикативные конструкции, выражающие отношения обусловленности

В этом подразделе рассматривается структура и семантика якутских аналитических полипредикативных конструкций, выражающих отношения обусловленности. Как уже отмечалось, в отличие от синтетических – собственно-синтетических и аналитико-синтетических – ППК обусловленности, аналитические ППК являются периферийным средством репрезентации функционально-семантического поля обусловленности.

Причинные ППК. Данные ППК представляются структурами с постпозитивными скрепами *диэн* (<*диэ-* ‘говорить’ + аффикс деепричастия на *-ан*), *буолан* (<*буол-* ‘быть’, ‘становиться’+афф. деепр. на *-ан*).

ППК с *диэн* в большинстве случаев моносубъектны и выражают отношение субъективного причинного обоснования, устанавливаемое с точки зрения говорящего. В предложениях подобной конструкции обычно сохраняется в некоторой степени лексическая семантика деепричастия *диэн* ‘говоря’, ‘думая’, ‘предполагая’, выступающего в качестве функционального средства связи, что отличает рассматриваемые конструкции от ППК со скрепой *буолан*. При этом *диэн* может принимать аффикс сказуемости, передающий значение лица, числа субъекта: *Тукаам, үөрэхтээххэ холунан, абааһы эгин суох диэннин, куһаҕан кыылы, оту-маһы тыһытат буол* (АА КО 46) ‘Сынок, считая себя образованным, **полагая, что** нет злых и прочих духов, все-таки не трогай хищные птицы, разные деревья’; *Дьэбэлэнэ олорор диэммин, көрдөөх киһим диэки көрөбүн* (СР КТ 132-133) ‘**Считая, что** он шутит, смотрю на сторону весельчака’; *Витябын атаарабын диэн, икки хонуктаабыта барбыта* (ВЯ УоИи 148) ‘Она ушла два дня тому назад **под предлогом, что** провожает своего Витю’.

В разносубъектном оформлении ППК с *диэн* описывают специфическое значение причинности – отношение санкции: *Учуутал үөрэнээччилэри, дьиэбэ үлэбитин онгорботооххут диэн, сэмэлээтэ* (из устной речи) ‘Учитель сделал замечание учащимся **за то, что** они не выполнили домашнее задание (букв. **говоря, что** вы не выполнили домашнее задание)’. Предложения подобного типа обычно представляются аналитико-синтетическими ППК с послелогом *иһин*: *Учуутал үөрэнээччилэри, дьиэбэ үлэлэрин онгорботохторун иһин, сэмэлээтэ* ‘Учитель сделал замечание учащимся **за то, что** они не выполнили домашнее задание’.

Моносубъектные ППК с *диэн* в определенных случаях (обычно характеризуясь темпорально-целевым оттенком) допускают преобразование по модели ППК с зависимым предикатом, представленным деепричастием на *-аары* (с таксисным значением следования) или причастием настоящего-будущего времени в дательном падеже лично-предикативного склонения. Ср.: *Ийэтэ кинини төрүүбүн диэн өлбүт* [ЫЫ 85] ‘Мать умерла, **когда** его рожала (букв. мать-его, его рожаю **говоря, умерла)**’; *Ийэтэ кинини төрөтөрүгэр өлбүт* ‘Мать умерла, **когда** его рожала’.

ППК со скрепой *буолан* вариативно-субъектны, то есть они выступают как в моносубъектном, так и в разносубъектном оформлении. Эти конструкции выражают отношение причинного обоснования. Скрепка *буолан*, как уже отмечалось, представляет собой функционально-служебную форму деепричастия *буолан*, образованного от глагольной основы *буол-* ‘быть’, ‘становиться’. *Буолан* употребляется в качестве формы бытийного глагола, а также аспектуального компонента глагольной аналитической конструкции: *Сэрии буолан, уол кыргыһыы толоонуттан эргиллибэтэбэ* (ИС С 4) ‘**Началась** война (букв. война **начавшись**), и парень с поля битвы не вернулся’.

Когда у *буол-* ослабевают или утрачиваются семы ‘бытийность’, ‘становиться’, ‘начинательность’ и т.п., *буолан* приобретает функцию постпозитивной скрепы: *Кураан буолан аһыҥа кыната кууран, ыраах баҕайы кэтөн сырдыргыыр* (АА СКА 284) ‘**Из-за** засухи (букв. засуха наступив) у кузнечика обсыхают крылья, и он летает далеко, издавая при этом звук «сыр-сыр»’.

ППК с *буолан* передаются на русский язык аналогичными конструкциями с союзами *так как, поскольку, потому что* и т.п.: *Балбаара эмээхсин иштэннэнэ суох буолан, Матпый тангасан буорайбыт кихитэ этэ* (ВИ КУОЭ 55) ‘**Поскольку** старуха Варвара не умела шить, Матвей был одет очень плохо’; *Зарницын саха театрыгар «Кыһыл ойууну» олус сөбө-махтайа көрбүт буолан, олох умнубат* (СН СДь 74) ‘Зарницын, **поскольку** он с восхищением смотрел в якутском театре (драму) «Красный шаман», никогда его не забывает’.

Скрепка *буолан*, осложняясь сочетанием «модальная частица *эбитэ* ‘оказывается’ + вопросительная частица *дуу* ‘ли’, выражает неопределенное причинное обоснование: *Нуучча тылын учуутала буолан эбитэ дуу, нууччалыы ыраастык кэпсэтэрэ, суруйара* (ИФ СТ 17) ‘**Наверное, из-за того** что он был учителем русского языка, литературы, он безупречно говорил, писал по-русски’.

Условные ППК. ППК с отношением условия формируются при помощи скреп *да, даҕаны*. Сказуемое зависимой части данных конструкций выражается формами повелительного наклонения, настоящего и будущего времен изъявительного наклонения:

Былыр үчүгэй ээ: тойон буол да – кыра дьону хайдах баҕарар тутаҕын (НН ТА 90) ‘В старину ведь хорошо: **если** ты тойон (господин. – Н.Е.) – как угодно распоряжаешься бедняками’; *Аны биирдэ испиккин билиэм да, ийэбэр-абаҕар суруйуом* (ВЯ УоИи 236) ‘**Если** впредь еще узнаю, что ты выпил, я напишу твоим родителям’; *Суруксут туох диир да, барытын кырдьыктанан иһэр* (НН ТА 98) ‘**Что ни** скажет писарь, он всему верит’; *Бөрөлөр хас табаны тардаллар да, барытыгар эн эптиэттиэн* (ХС 1984 12 46) ‘**Сколько** оленей задерут волки, за все будешь отвечать ты’; *Партия ханна наада диэн ыттар да, онно барабын* (ХС) ‘Куда партия сочтет нужным отправить, **туда** и отправлюсь’; *Милиция сержана А.Д. Неустроев тустаах үлэтигэр ханнык соруудаҕы ылар да, ону чуолкайдык толорор* (КТ 1984 № 131) ‘Сержант милиции А.Д. Неус- троев, **какое бы** задание он **ни** получил по своей работе, выполняет **его** четко’.

Когда событие, названное в зависимой части условных ППК, представляется как реальное, совершившееся, то связь между пропозициями такой конструкции характеризуется причинным отношением:

Бэйи, үлүһүйэн барыманг, кинини штабка тириэрдинг диэбиттэрэ да, онно тириэрдиэх тустаахпыт (ЭЭ ТА 198)

бэйи үлүһүйэн бар:ыма=н кини=ни
 погодите увлекаться=CV AUX:NEG.IMPER=2PL он=ACC
 штаб=ка тириэрд:инг диэ=бит=тэрэ да онно
 штаб=DAT доставить:IMPER.2PL сказать=PP=3PL CONJ туда
 тириэрд:иэх тустаах=пыт
 доставить:FUT PRTCL: 'должен'=1PL

‘Погодите, не увлекайтесь, **раз** сказали доставить его в штаб, мы должны его доставить туда’;

Ас баар да, аһаан ис, хата!.. (ВЯ УоИи 213) ‘**Раз** есть пища, ешь на здоровье!..’

Уступительно-противительные ППК. Уступительно-противительные отношения передаются ППК со скрепами *да, даҕаны, эрэри, гынан баран, буолан баран*.

Конструкции с *да, даҕаны*, описывающие уступительно-противительные отношения, характеризуются как синонимичные. При этом конструкции с *даҕаны* менее употребительны, нежели структуры с *да*. Примеры:

Сынтараалка элбэхтик этэн бөтүөхтүүр да, булда аҕыйах буолааччы (АА ТА 1970 223)

сынтараалка элбэхтик эт:эн бөтүөхт:үүр да
 старинное ружье много выстрелить:CV пыхтеть:PFUT.3SG CONJ
 булд:а аҕыйах буол= ааччы
 добыча:POSS.3Sg мало быть=ITER.PFUT.3SG

‘Старинное ружье, **хотя** и стреляет много с гулким звуком, обычно мало поражает’;

Мин дьонум кыахтаахтар да, үөрэнэр баҕам сүһүөбэр турбата (МД КС 11) ‘**Хотя** мои родители и состоятельные, у меня не сбылась мечта учиться’; *Сайын аайы булуус туһунан айдаарабыт даҕаны, тылбыт таах хаалар* (ХС 1981 2 28) ‘**Хотя** каждое лето шумим о строительстве подвала, все это остается на словах’.

Пропозиции, описывающиеся частями данных ППК, соотносятся с планами абсолютного прошедшего, настоящего, будущего, а также широкого настоящего. Предикат зависимой части обычно выражается причастиями настояще-будущего времени (-ар), прошедшего времени на -быт, недавнопрошедшего времени (-т), прилагательными и др.

Рассматриваемые ППК по характеру передаваемых отношений близки к синтетическим и аналитико-синтетическим (послеложным) ППК с уступительным значением. Ср.: *Үөрэҕим кыра да, ааҕабын* ‘Хотя я и малограмотный, читаю’ и *Үөрэҕим кыра да буоллар, ааҕабын* (перевод тот же); *Үөрэҕим кыратын да иһин, ааҕабын* (перевод тот же); *Мин дьонум кыахтаахтарын үрдүнэн, үөрэнэр баҕам сүһүөбэр турбата* ‘**Хотя** / **Несмотря на то что** мои родители и состоятельные, у меня не сбылась мечта учиться’.

ППК со скрепами *гынан баран, буолан баран* синонимичны, и в семантическом плане они близки к ППК с *да, даҕаны*. Однако в отличие от последних, которые являются недифференцированными, полисемичными средствами выражения обсуждаемых значений, эти конструкции специализируются, как правило, в обозначении уступительно-противительных отношений. Кроме того уступительно-противительное значение в ППК с *гынан баран, буолан баран* выражается более чётче, чем в ППК со скрепами *да, даҕаны*. Ср.: *Мин бэбэһээ эһиэхэ онорбут информациябар эппэтэҕим буолан баран, бу Дракон диэн ааты өссө Майдахаарга сылдьан истибитим* (ЭЭ ТА 141) ‘**Хотя** я вчера и не упоминал (это) в своей информации, сделанной для вас, имя Дракон я услышал, находясь еще в Майдахаре’ и **Мин бэбэһээ эһиэхэ онорбут информациябар эппэтэҕим да, бу Дракон диэн ааты өссө Майдахаарга сылдьан истибитим* (нетипичная фраза).

Скрепры *буолан баран*, *гынан баран* не являются абсолютными синонимами. Это связано со следующим явлением. Если в ППК с *буолан баран* выражается, прежде всего, уступительно-противительное значение, то в конструкциях с *гынан баран* нередко имеет место и противительное отношение. Ср.: *Уол сангарбакка утуйда гынан баран, туох эрэ уорбалыыр санаа кини чөмчөкөтүгэр мантан ыла олохсуйда* (АА ТА 1970 83) ‘Мальчик засыпал молча, **однако** с этого момента в его голове утвердились какие-то подозрения’.

Иногда в разговорной речи значение уступки может усиливаться лексическим показателем *даарым* (заимствование из русского языка: *даром*), размещенным в препозиции зависимой части: ... *даарым лезгиммын гынан баран, бэйэм тылбынан кыайан суруйбаппын* (СР КТ 131) ‘... **хотя** я и лезгин, не умею писать на своем родном языке’; *Даарым мин учуутал этим да, кэпсэтэрбинэн киниэхэ тиийбэт этим* (ВЯ УоИи 207) ‘**Хотя** я и был учителем, однако я был не пробивнее его’.

Когда сказуемое зависимой части ППК со скрепами *да*, *даҕаны*, *буолан баран*, *гынан баран* выражается формой сослагательного наклонения (например, формой *-ых этэ*), то в таких ППК проявляется противительное отношение. Ср.: *Уөрэниэм этэ гынан баран, оҕолор күлүү гыныхтара турдаҕа дии* (АА КО 6) ‘Я бы учился, но, ведь, ребята будут же насмехаться’ и *Уөрэниэм этэ да, оҕолор күлүү гыныхтара турдаҕа дии* (перевод тот же).

ППК со скрепой *эрээри* моносубъектны. Зависимой частью этих ППК описывается пропозиция, локализованная в плане абсолютного прошедшего времени, а также настоящего конкретного или широкого. В подобных ППК скрепа *эрээри* может принимать аффикс сказуемости, выражающий значение лица и числа субъекта: *Биэлсэрдэри буларбынан бэрпин, булчут эрээрибин* (ПА УдКд 39) ‘Я быстро завожу дружбу с фельдшерицами, **хотя** сам охотник’; *Ол гынан баран кинилэр бэйэ-бэйэлэрин сөбүлэхэр курдук эрээрилэр, тоҕо эрэ сылаас тыыннарын холбоон ыксаласпатахтара* (ПА ББ 25) ‘Однако они, **хотя и** питали друг к другу искреннюю симпатию, почему-то не сдружились, соединив свои добрые чувства’; *Дьиэбэ үлэлээх эрээри, ону онорбокко олорор* (из разговорной речи) ‘**Хотя** у него есть домашнее задание, он сидит, не выполняет его’.

В некоторых фразах, соотнесенных с субъектом 3-го лица множественного числа, скрепа *эрээри* снабжается аффиксом сказуемости 3 лица множественного числа (*-лар*) и при этом предикат может оформляться показателем множественного числа *-лар*. Понятно, что в таких случаях аффиксы сказуемости и множественности формально совпадают: *Дорҕоон-саҥа таһааран ыллааччылар тус-туспалар эрээрилэр, күөх сайыны ис дууһаттан айхаллыылларынан атылылар, бииргэлэр* (УН СК 10) ‘**Хотя** запевали и разные, но потому, как они (птички) от души воспевают-приветствуют лето красное, похожи между собой, едины’. Когда главная часть ППК с *эрээри* имеет вопросительную форму, в коммуникативном плане наблюдается отношение причинного обоснования: *Бэйэн бэйэбинэн, бэчээт үлэһитэ эрээригин, хайдах тылын өбүллэн итинник сангарабыный?* (ПА ББ 99) ‘**Как** у тебя, работника печати, язык поворачивается сказать такое? (смысл: ты работник печати, **потому** не должен сказать такое)’; *Таня, итинник кыраһаабай эрээригин, хайдах нервнэйдиигин* (ХС 1979 11 42) ‘Таня, ты такая красивая, **и** почему же нервничаешь (смысл: такой красивой девушке нельзя нервничать)’.

Уступительно-противительная семантика, передаваемая ППК с *эрээри*, встречается и в конструкциях с модальной частицей в роли скрепы «**буола-буола**+аффикс сказуемости (букв. ‘будучи-будучи’+’ты’), представленной редупликационной формой деепричастия =а (<буол=стать). Во фразах с подобной скрепой выражается экспрессивное уступительно-противительное отношение:

Ону, бэйэн күрүүбүн аанньа туппат буола-буолаҕын, итинник бэйэлээх үтүө сүөһүнү көрөн туран, өссө баалканан эттиигин (АС ТА 2 33)

он:у бэйэ=н	күрүү:б:үн	аанньа
это:ACC сам=POSS.2SG	изгородь:POSS.2SG:ACC	как следует
тип:пат	буол=а-буол=а=ҕын	итинник бэйэлээх үтүө
строить:NEG.PFUT	быть=CV=2SG	такой PRTCL благородный
сүөһү=нү көр=өн	тур=ан	өссө баалка=нан этт:ии=гин

скот=ACC глядеть=CV стоять=CV еще жердь=INSTR бить:PFUT=2SG

‘Видите ли, сам как следует **не можешь** сделать свою изгородь, **а еще**, глядя на такую благородную скотину, дубасишь ее жердью’.

Эрээри, примыкая к деепричастной форме на *-бакка* – отрицательной форме деепричастия на *-а* и *-ан*, выполняет роль частицы *эрэ*, подчеркивающей значение деепричастия [ЯРС, с. 546]. При этом фраза характеризуется оттенком противительности: *Илиилэрин кичэйэн сууммакка эрээри* (ср. эрэ) *бултарын тиэтэйэ-саарайа сүлэллэр* (YYA 57)

илии=лэр: ин кичэйэн суум:макка эрээри
рука=POSS.3SL:ACC тщательно помыть:NEG.PP PRTCL
бул:тары:н тиэтэй=э-саарай=а сүл=эл:лэр
добыча: POSS.3PL:ACC спешить=CV снимать шкуру=PFUT:3PL

‘Не помыв руки как следует, они поспешно начинают снимать шкуру с охотничьего трофея’.

Целевые ППК. Данные конструкции оформляются при помощи скрепы *диэн* (букв. ‘говоря’) и передаются на русский язык ППК с союзами *чтобы*; *с целью*, *чтобы*. Сказуемое зависимой части этих ППК обычно выражается формами глагола повелительного, возможного и других наклонений:

Онойор айахпар ас булан аһайабын диэн, ыалтан ыалга сылдьар сордоохпун (НЯ Т 1964 178)

онойор айахпар ас бул=ан
найти минимум пищи, которым можно прокормиться: CV
аһ: аайа=бын диэн ыалтан ыалга сылдь:ар сордоох=пун
кушать: POTEN: 1SG CONJ попрошайничать: PFUT бедняжка=1SG

‘Я, бедняжка, попрошайничаю, **чтобы** как-нибудь прокормиться’;

Кинини буурба тоһуппатын диэн, хас да сиринэн тимир убуруччунан курдуу баайбыттар (СР КТ 145)

кини=ни буурба тоһуп:пат=ын диэн
он=ACC пурга сломать:NEG.PFUT=IMPER.3SG CONJ
хас да сир:инэн тимир убуруччу=нан
несколько место:INSTR железный обруч=INSTR
курдуу баай=быт=тар
в обхват завязать=PRF=3PL

‘Его (дуб), **чтобы** не сломало бурей, опоясали в нескольких местах стальным обручем’.

Скрепа *диэн* может получить личное оформление в виде аффикса сказуемости:

Тобугун аллараа өттүгэр атабын бааһа ыраас бырастынаҕа сыстыбатын диэннэр, таһаһы эрийэн уураллар (ВИ КУоЭ 16)

тобуг:у:н аллараа өтт:ү:гэр атаб:ы:н
колено: POSS: GEN нижний сторона: POSS.3SG: DAT нога::POSS:GEN
бааһ:а ыраас бырастына=ҕа сист:ыбат=ын
рана: POSS.3SG чистый простыня=DAT прилипнуть:NEG.PFUT=IMPER.3SG
диэн=нэр таһаһ:ы эрий=эн уур=ал:лар
CONG=3PL тряпка: ACC свернуть=CV положить=PFUT:3PL

‘Под коленями, **чтобы** кровь от раны на его ноге не прилипла к чистой простыне, подстилают тряпку, свернутую в несколько слоев’.

Рассмотренные целевые ППК при определенных условиях могут вступать в синонимичные отношения с аналитико-синтетическими ППК, оформленными послелогом *туһугар*. При этом необходимо отметить следующую закономерность. Если для ППК с *диэн* свойственно изображение событий в плане прошлого, то для ППК с *туһугар* характерна соотнесенность пропозиций с планом будущего времени, а также широкого настоящего и узуальности. Ср.: *Тобугун аллараа өттүгэр атабын бааһа ыраас бырастынаҕа сыстыбатын туһугар, таһаһы эрийэн уураллар* (перевод см. выше).

Таким образом, аналитические ППК, описывающие отношения обусловленности, оформляются определенными скрепами, образованными на основе частиц, а также деепричас-

тных форм служебных глаголов. При этом некоторые скрепы являются синонимичными. По отношению к синтетическим и аналитико-синтетическим средствам выражения отношений обусловленности, рассмотренные ППК представляются как периферийные и переходные структуры, характеризующиеся не только финитными, но и инфинитными формами зависимого сказуемого. Эти ППК наряду с синтетическими ППК являют собой одну из древних разновидностей подчинительных полипредикативных конструкций.

Категория обусловленности в якутском языке, как и в других языках, выражается полипредикативными конструкциями. При этом в якутском языке данные конструкции представляются синтетическими, синтетико-аналитическими структурами, что обуславливается постпозитивно-агглютинативным строем данного языка. Что касается аналитических ППК обусловленности, то они являют собой периферийные средства выражения обсуждаемых отношений.

Ядром функционально-семантического поля обусловленности выступают причинно-следственные ППК, ибо данными конструкциями описываются, прежде всего, реальные пропозиции, тогда как в условных, целевых и уступительных характерно обозначение потенциальных (возможных) и нереальных пропозиций. Уступительные ППК в отличие от других ППК обусловленности выступают как конструкции антиобусловленности. Внутри этих ППК различаются уступительные и уступительно-противительные конструкции.

В сфере синтетических, аналитико-синтетических и аналитических ППК обусловленности имеют место отношения функциональной эквивалентности, что связано с доминирующим характером синтетических ППК в системе ППК обусловленности. Синтетические ППК, в отличие от аналитико-синтетических, характеризуются менее дифференцированной семантикой. В аналитических ППК предикативное значение частей обозначается финитными структурами, потому в них подобное значение имеет формально маркированный характер.

Синтетические ППК, выражающие отношения обусловленности, представляются 2 структурными типами: собственно-синтетическими ППК и аналитико-синтетическими ППК. В сфере этих ППК также имеют место синонимичные конструкции. Задача специальных исследований подобных конструкций представляет одно из будущих направлений якутского языкознания.

Раздел 2.

Функционально-семантическая категория персональности: морфологические средства выражения

Функционально-семантическая категория (далее – ФСК) персональности, “характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему” [Бондарко, 1991, с. 5], относится к категориям, отражающим в языке важнейшие понятия человеческого сознания, активно участвующим в процессе речи и квалифицируется как универсальная, присущая всем языкам.

В отечественном языкознании история изучения категории персональности началась с освещения проблем, связанных в первую очередь, с категорией лица глагола. Начиная с XIX века, в трудах лингвистов (Ф.И. Буслаева, В.Ф. Андреева, А.М. Пешковского, А.А. Потемни, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, А.А. Юдина и др.) категория лица рассматривалась как главнейшая синтаксически ориентированная глагольная категория. Современное определение семантики лица основано на определении, предложенном Р.О. Якобсоном: “Лицо характеризует участников сообщаемого факта по отношению к участникам факта сообщения. Так, 1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, а 2-е лицо – о его тождестве с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т.е. с адресатом” [Якобсон, 1972, с. 100]. Категория персональности также рассматривается в аспекте семантики и функций личных местоимений в исследованиях З.М. Мурыгиной, А.М. Шелякина, О.Н. Селиверстовой и др.

Значительная роль категории лица как “фундамента сказуемости” [Виноградов, 1972, с. 360] в коммуникативном потенциале предложения определила интерес к ней как в традиционном, так и в современном языкознании. Опираясь на теорию о синтаксическом лице, выдвинутую академиком В. В. Виноградовым, представители функциональной грамматики предлагают рассмотреть категорию лица как ядерное грамматическое средство выражения более широкой функционально-семантической категории личности, которая выходит за рамки форм лица глаголов и личных местоимений (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, В.В. Химик, Н.Б. Вахтин, А.П. Володин, А.М. Шелякин, К.А. Степаненко и др.). Функционально-семантическая категория личности выражается собственно грамматическими (центральными) и менее формализованными (периферийными) средствами и систематизируется в виде функционально-семантического поля (далее – ФСП). ФСП личности представляет собой “группировку разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных лексико-грамматических) средств языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу” [Бондарко, 1991, с. 7].

Освещение категории лица и личности в тюркологии в большинстве работ производится в исходно-формальном аспекте, в пределах отдельных подсистем морфологии и синтаксиса. Между тем, в связи со структурными отличиями русского и тюркских языков, данная категория в тюркских языках имеет отличительные особенности способов выражения. Изучение категории лица на функционально-семантической основе дает возможность не только выявить данные особенности, но и рассмотреть место категории лица в языковой системе.

Известными тюркологами были проведены сравнительные исследования по этимологии личных аффиксов, в результате чего сложилось общее мнение, что существуют три вида личных аффиксов: местоименного происхождения, аффиксы принадлежности и аффиксы повелительного наклонения, которые выражают лицо и субъект действия [Баскаков, 1956; Севортыян, 1956; Иванов, 1969; Дмитриев, 1956; Щербак, 1981; Серебренников, Гаджиева, 1979 и др.]. Изучение форм лица проводилось также в связи с исследованием проблем развития временных форм, наклонений, инфинитных форм, аналитических конструкций. Различные аспекты грамматической категории лица нашли отражение также в синтаксических трудах в связи с рассмотрением предикативности, поскольку категория лица составляет один из существенных ее признаков, и односоставных глагольных предложений [Закиев, 1963, с. 35-48, Хангильдин, 1954, с. 415-420]. Изучению семантической структуры категории лица с выделением парадигматического и синтагматического уровней, выявлению средств выражения личности в различных глагольных формах посвящено специальное исследование Д.Ш. Шайхайдаровой [Шайхайдарова, 1980].

В якутском языкознании отсутствуют специальные исследования, посвященные категории личности. Но в целом, существуют немало сведений и наблюдений, касающиеся данного вопроса в работах по грамматике. В силу того, что категория лица неотделима от категории сказуемости, не только финитная форма, но также и предикативное склонение причастий, личное оформление деепричастий, составные аналитические конструкции находят отражение в трудах якутоведов.

Впервые в якутском языке особенности компонентов, составляющих категорию личности, в частности, особенности личных аффиксов были отмечены О.Н. Бетлингком [Бетлингк, 1990]. О.Н. Бетлингк был уверен, что все функциональные формы глагола произошли от отглагольных имен. По его наблюдению, чтобы глагольное имя выступало как глагол, к нему должно примыкать личное местоимение, т.е. – аффигованный посессив. Аффигованными посессивами он называл две разновидности аффиксов лица – аффиксов сказуемости и принадлежности [Бетлингк, 1990, с. 372-385], которые выражают два способа при сказуемых. Как пишет автор, “аффигованные посессивы, добавленные к предикату, перемещают сказуемое в прошедшее время” [Там же, с. 380], а аффиксы сказуемости (личные аффиксы второго типа) определяются как “предикативные аффиксы настоящего времени” [Там же, с. 289].

Исследователь приводит примеры, где глагольное имя прошедшего времени на *-быт* с аффицированным посессивом выступает как имперфект, имя на *-тах* – как наклонение необходимости, имя на *-батах* – как отрицательный имперфект, глагольное имя будущего времени на *-ых* – как футурум: *Мин көрбүтүм* ‘я увидел’, *эн көрбүтүгү* ‘ты увидел’, *мин кэлбэтэбим* ‘я не пришел’, *мин кэлиэбим* или *мин кэлиэм* ‘я приду’ [Там же, с. 379-380]. Также указывается, что показатели категории принадлежности широко употребляются при формировании предикативных конструкций (напр., *эн таһараны ытыктаабатын* ‘твое непочтение бога’, *мин олоһор дьиэм* ‘дом, в котором я живу’) [Бетлингк, 1990, с. 378], при которых категория принадлежности сохраняет значение отношения к лицу.

Таким образом, О.Н. Бетлингк при анализе исследуемого материала подчеркнул полифункциональность аффицированных посессивов, имеющих важную роль в грамматической системе якутского языка, и заложил прочный фундамент для последующих исследований функциональных форм глагола (Е.И. Убрятова, 1976; Е.И. Коркина, 1970; Н.И. Попова, 1992; Н.Н. Ефремов, 1998; Г.Г. Филиппов, 1989; 1999).

Категория лица якутского глагола представлена в “Грамматике современного якутского литературного языка” (1982) следующими аффиксами: 1) аффиксы принадлежности – ед. ч. 1-е л. *-ым*, 2-е л. *-ын*, 3-е л. *-а*, множ. ч. 1-е л. *-быт*; 2-е л. *-гыт(-кыт, -хыт)*, 3-е л. *-лара (-лар)*, *тара (-тар)*; 2) аффиксы сказуемости – ед. ч. 1-е л. *-бын*, 2-е л. *-гын(-бын)*, 3-е л. *-р*, множ. ч. 1-е л. *-быт*, 2-е л. *-быт*, 3-е л. *-лар*. [ГСЯЛЯ, 1982, с. 226].

О главном отличии якутских глагольных форм от таковых в других языках в плане выражения категории лица указала известный якутовед Е.И. Убрятова: “Деление глагольных форм на личные/неличные, имеющее место в других тюркских языках, для якутского языка лишено смысла, так как все группы глаголов, за небольшим исключением, принимают личное оформление, когда они выступают в роли сказуемого зависимого предложения” [Убрятова, 1976, с. 40]. Другими словами, категория лица в глагольной форме якутского языка является обязательной.

Кроме того, Е.И. Убрятова подчеркнула роль аффиксов принадлежности и сказуемости, наряду с другими средствами, в выражении синтаксических отношений членов сложно-подчиненного предложения [Убрятова, 2006, с. 292]. При исследовании предикативного сочетания она интерпретировала личное оформление сказуемого как средство согласования между подлежащим и сказуемым предложения: “Сказуемое всегда оформлено аффиксами сказуемости (и аффиксами принадлежности). Аффиксы сказуемости, собственно, не являются специальными оформителями сказуемого. Они выражают согласование в лице подлежащего и сказуемого” [Там же, с. 94]. Таким образом, аффиксы сказуемости и аффиксы принадлежности (в роли аффиксов лица) как средства выражения категории персональности обладают широкими функциональными возможностями.

Так как личная форма глагола в тюркских языках – это финитная форма, входящая в систему наклонений глагола, она получила описание в фундаментальном труде Е.И. Коркиной “Наклонения глагола в якутском языке” (1970). В монографии, получившей высокую оценку тюркологов, представлено подробное описание всей системы наклонений якутского языка, которые определены как лично-глагольные формы выражения модальности.

В якутском языкознании утвердилось положение о том, что все причастия якутского языка употребляются в значении конечных глаголов и более того, становятся базой для образования новых форм. Происхождение финитных глаголов от причастий подробно рассмотрены в монографиях Е.И. Убрятовой (1976) и Е.И. Коркиной (1970), в докторской диссертации Г.Г. Филиппова (1999). Г. Г. Филиппов приходит к выводу, что “современная конечная форма глагола – это потерявшее другие свойства то же причастие или отпричастное новообразование, специализировавшееся только в функции глагольного сказуемого” [Филиппов, 1999, с. 155-156]. Автором сгруппированы по происхождению формы конечных глаголов якутского языка следующим образом: 1) употребление причастий в значении конечных глаголов; 2) причастия, перешедшие в конечные глаголы, получившие развитие в последнее время; 3) конечные глаголы деепричастного происхождения; 4) исконно конечные формы [Филиппов, 1999, с. 305].

Начиная с О.Н. Бетлингга, якутоведы отмечают способность принимать аффиксы лица деепричастиями. В грамматиках определяли деепричастия, как и в других тюркских языках, неизменяемыми формами, но в то же время отмечали их способность к спряжению аффиксами сказуемости [Харитонов, 1947, с. 66; Саха тыла. Морфология, 1973, с. 159-164]. В последующем известные исследователи якутской грамматики Е.И. Убрятова и Е.И. Коркина не согласились с мнением о неизменяемости деепричастий в якутском языке, указав, что многие из них спрягаются по лицам [Убрятова, 2006, с. 42; Коркина, 1985].

Подчеркивая способность якутских деепричастий принимать личное оформление как специфику якутского языка (по сравнению с другими тюркскими языками), Е.И. Убрятова высказалась о возможном влиянии в этом плане на якутский язык эвенкийского языка. В то же время автор предполагает, что данное явление “развивалось в якутском языке в связи с общей перестройкой сложного предложения в направлении развития согласования в лице подлежащего и сказуемого зависимого предложения” [Убрятова, 2006, с. 317]. Наблюдения о функционировании личного оформления деепричастий находим в работе Е.И. Коркиной “Деепричастия в якутском языке” (1985). Е.И. Коркиной впервые было отмечено, что способность якутских деепричастий присоединять личные аффиксы позволяет им, хотя и в ограниченных размерах, выступать в функции самостоятельных сказуемых независимого предложения [Коркина, 1985, с. 82-102].

Особая роль в образовании финитных форм (синтетических и аналитических) отводится причастиям. Исследователи синтаксиса тюркских языков обратили внимание на то, что причастие как функциональная форма глагола имеет особую роль для образования сложного предложения. На основании того, что сказуемые, выраженные именами и причастиями могут склоняться по падежам, Е.И. Убрятова обосновала новое понятие в якутоведении – предикативное склонение причастий [Убрятова, 1976]. Затем ее идею развили в своих работах Е.И. Коркина [1979], Г.Г. Филиппов [1989] [1999] и Н.Н. Ефремов [1998]. Личное предикативное склонение предикативного члена, по мнению Г.Г. Филиппова, произошло через выпадение у определительных предикативных сочетаний определяемого и склонение заместителя предикативных сочетаний “н” [Филиппов, 1999, с. 38]. Автор подчеркивает, что зависимые предикативные члены, образуемые личным предикативным склонением, имеют различные значения и являются способом связи предикативных словосочетаний. В работе Н.Н. Ефремова “Полипредикативные конструкции в якутском языке” [Ефремов, 1998] причастно-падежные конструкции определены как представляющие собой основное множество собственно-синтетических полипредикативных конструкций.

Образование с помощью личных аффиксов различных лично-отнесенных глагольных форм и конструкций, служащих в якутском языке для выражения модальных значений исследовала Е.И. Коркина [Коркина, 1979]. Ею выявлены 4 основных способа образования глагольных лично-отнесенных модальных конструкций. В результате исследования выяснилось, что конструкции в составе причастий *-ар*, *-ых* и *-быт* с глаголом *буол*- и конструкции в составе падежно-причастной формы *-ыхпын* и группы функционально-модальных глаголов, а также конструкции в составе причастий *-ар*, *-ых*, *-быт*, *-тах* и модальных частиц представляются достигшими высокой степени грамматикализации, имеют сложившуюся парадигму, синтаксически нечленимы и семантически монолитны [Коркина, 1979, с. 87]. Разряд модальных, функционально-модальных и модальных частиц, способных вступать в сочетания с падежно-причастной формой *-ыхпын*, а также причастиями *-ар*, *-ых* и *-тах*, строго ограничен в своем составе. Что касается свободных лично-глагольных сочетаний с модальным значением, по мнению автора, их список остался не полностью исчерпанным [Коркина, 1979, с. 87].

Личное оформление именных частей речив якутском языке впервые было отмечено Е.И. Убрятовой [Убрятова, 1976] при описании сказуемого, где автор описала способность именных сказуемых выражать временные и некоторые модальные оттенки в случае употребления их со связками в виде недостаточных и служебных глаголов. Она отметила также, что модальные слова, частицы, принимая аффиксы сказуемости, составляют с именем единую аналитическую форму сказуемости.

Таким образом, в целом, некоторые вопросы, касающиеся категории лица и персональности, затронуты в ряде работ, посвященных другим проблемам якутского языка. Однако стоит задача более подробного определения характеристики, семантики и функционирования средств выражения персональности. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения данных средств в якутском языке в свете проблем и принципов функциональной грамматики.

В данной разделе монографии представлены морфологические средства выражения категории персональности в якутском языке. Ядерные морфологические средства представляют аффиксы лица (аффиксы сказуемости, аффиксы принадлежности, аффиксы повелительного наклонения), к периферийным морфологическим средствам относятся формы принадлежности. Показатели лица, выполняющие важную дейктическую функцию в предложении, в якутском языке могут иметь все глагольные формы и именные части речи. Они определяют соотношение субъекта-подлежащего и предиката, т.е. находятся в позиции синтаксического центра предложения. В исследовании выяснены закономерности и причины применения личных аффиксов и аффиксов посессивности, также проводится семантический анализ данных средств. Внимание уделяется систематизации фактов и описанию обстоятельств осуществления данного явления.

Финитная форма глагола

Изменение глагольной формы по лицам в тюркских языках представляет собой “формоизменяющийся механизм репрезентации субъекта выражаемого суждения через значения лица” [Гузев, 1990, с. 62]. Морфологическая категория лица глагола, как уже говорилось, традиционно относится к числу синтаксически ориентированных категорий, которые вместе с наклонением и временем составляют предикативность предложения. Лексико-грамматическое значение глагола как части речи, выражающей действие или состояние как процесс, наиболее полно реализуется именно в глагольных финитных формах, называемых в качестве предиката то, что истолковано как действие.

Финитная форма глагола исследователями тюркских языков традиционно объединяется в единый комплекс – категорию глагольной сказуемости, связанной с понятиями “наклонение”, “время”, “лицо”, “число”. Эти четыре категории, участвующие в спряжении глагола, по своему содержанию, формами выражения неразделимо связаны друг с другом, дополняют друг друга и составляют предикативность предложения, т.е. то, что “делает грамматическую основу предложения пригодной для речевой актуализации – построения соответствующего высказывания” [Химик, 1990, с. 79]. В якутском языке, как и в других тюркских языках, под финитной формой глагола подразумевается употребление глаголов в качестве сказуемого простого предложения или сказуемого независимой части сложноподчиненного предложения.

Каждая из упомянутых категорий по-своему устанавливает связь содержания грамматической основы предложения с действительностью. Действие обязательно существует в отношении к субъекту-деятелю, что находит выражение в языке в категории лица. Только с помощью аффиксов лица мы распределяем субъекты на участников/неучастников коммуникативного акта. Категорией времени выражается существование действия во времени, а в категории наклонения отражается отношение содержания высказывания к действительности.

Особая роль в этой дифференциации в тюркских языках принадлежит категории лица. Особенностью аффиксов лица является их свойство “отдельности” от время-модальных показателей. Сразу после основы глагола прикрепляется аффикс, выражающий одновременно модальную и временную характеристику действия. Только за ним следуют показатели лица-числа, которые некоторые исследователи называют “грамматическими переменными второго порядка” [Черемисина, 1984, с. 7]. Так как сказуемость не может выражаться вне категории лица, аффиксы сказуемости и аффиксы принадлежности в той же функции определяют сказуемость в предложениях. С этой точки зрения категориальное значение лица глагола выступает как организующий центр сказуемости.

В якутском языке формы наклонения и времени в большей степени образуются от первичных и вторичных причастий с помощью личных аффиксов. При образовании аналитических форм наклонений для выражения модальных значений используются те же формальные показатели лица, прикрепленные или к причастиям, или к вспомогательным глаголам, модальным словам.

Исследователями тюркских языков почти не отделяются категории лица и числа глагола, что обусловлено внутренним содержанием этих категорий. Источник действия или субъект содержит в себе числовое понятие, так как он относится к единицам, которые могут быть подвергнуты счету. Он может представлять одно лицо, которое называем формами единственного числа, и несколько различных лиц, их совокупность, называемых формами множественного числа. Поэтому категория числа для своего выражения использует те же формальные показатели, что и категория лица. Например, форма *бардылар* 'они ушли' одновременно служит показателем грамматического значения 3-го лица и грамматическим показателем множественного числа.

Различие этих категорий в процессе речи состоит в том, что изменение грамматических значений одной категории часто не связано с изменением грамматических значений другой. Например, при изменении отношения действия к лицу (1-е, 2-е, 3-е лицо) отношения действия к моменту речи (какое-либо грамматическое время) может оставаться неизменным: *суруйабын* 'пишу', *суруйабын* 'пишешь', *суруйар* 'пишет' и т.д. (разные формы лица даны в одном грамматическом времени – в настоящем). А изменение отношения действия к моменту речи может не изменять отношения действия к грамматическому субъекту и лицу: *суруйабын* 'пишу', *суруйуом* 'напишу', *суруйбутум* 'я написал' – разные формы времени даны с одним грамматическим значением 1-го лица ед. числа.

Морфологическая категория лица глагола представляет собой грамматическую словоизменительную категорию, отдельную систему противопоставленных рядов форм, выражающих отнесенность действия к его производителю с точки зрения говорящего. Форма 1-го лица выражает отнесенность действия к говорящему, 2-го лица – к адресату речи, 3-го – к лицу, не участвующему в речи или к предмету. Формы 1-го и 2-го лица противопоставляются 3-му лицу по двум признакам: а) они всегда имеют значение лица; б) производителем действия в этих лицах выступает участник речевого акта. Форма 3-го лица а) может иметь значение лица или предмета; б) производитель действия, выраженный 3-м лицом, не является участником ситуации речи.

В связи с развитой парадигмой личного спряжения в якутском языке подлежащее в виде существительного или местоимения употребляется факультативно. Если в предложении отсутствует подлежащее, личная форма глагола всегда указывает на грамматический субъект.

В понятие лица входят, в первую очередь, действия человека. Поэтому предметное 3-е лицо имеет периферийное значение в микрополе грамматической категории лица. Неодушевленное лицо (представители животного мира, предмет, абстрактное понятие) тоже являются исполнителями действия. Иногда предметы могут употребляться в одушевленном понимании, и тогда они принимают форму 2-го лица ед. и множ. чисел: – *Арбаҕаһым эрэйдээх, өһүргэнимэ. Кэбис! Таптаан лахсыйабын* (АА ТА 1970 70) '– Моя бедная доха, не обижайся. Брось! Любя болтаю'.

Исследователи выделяют в якутском языке следующие виды личных аффиксов, выражающих грамматическое лицо глагола [ГСЯЛЯ, 1995, с. 16]:

1. Аффиксы сказуемости:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>-бын</i>	<i>-быт</i>
2-е л. <i>-бын (-гын)</i>	<i>-быт</i>
3-е л. <i>Ø</i>	<i>-лар</i>

2. Аффиксы принадлежности (в роли показателей сказуемости):

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>-ым</i>	<i>-быт</i>
2-е л. <i>-ыҥ</i>	<i>-гыт</i>
3-е л. <i>-а</i>	<i>-лара</i>

3. Аффиксы лица в повелительном наклонении:

Ед. ч.	Двойств. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>-ыым</i>	<i>-ыах</i>	1-е л. <i>-ыаҕ-ын</i>
2-е л. <i>-О; -аар;</i>		2-е л. <i>-ын</i>
3-е л. <i>-тын</i>		3-е л. <i>-тыннар</i>

4. Древние аффиксы сказуемости: *-м, -н*, которые употребляются только в 1-м и 2-м лице ед. ч.

Как установил Г.Г. Филиппов [Филиппов, 1999, с. 280], этими четырьмя типами аффиксов осуществляется 5 типов спряжения по лицам в современном якутском языке:

1) Спряжением с аффиксами сказуемости оформляются сказуемые, выраженные глагольными формами настоящего времени, прошедшего результативного времени и в большей части косвенных наклонений (в утвердительном, долженствовательном, обычно совершаемого действия, возможном). Аффикс сказуемости имеет значение подтверждения, сообщения действия в момент речи. Этот аффикс в 3-м лице ед. числа отсутствует, во множ. числе 3-го лица употребляется аффикс множественности *-лар*. Форма настоящего времени в 3-м лице ед. числа выражается формой причастия настоящего времени *-ар/-ыыр*: *турар* 'стоит', *аһыыр* 'кушает' и т.д.

2) Спряжение с аффиксами принадлежности. От аффиксов сказуемости эти аффиксы отличаются в формах всех лиц единственного числа и 3-го лица множ. числа; в 1-м и 2-м лицах они совпадают. Они употребляются в глагольных формах прошедшего и будущего времен и стяженных формах со связкой на *-э*, в сослагательном, предположительном и некоторых других наклонениях: *барыах этим* 'я мог бы пойти', *бардабым* 'значит, я пошел' и т.д. Значением этого аффикса является обобщение, подтверждение, что действие на самом деле произошло, произойдет.

3) Спряжение в повелительном наклонении значительно отличается тем, что в нем слились аффиксы выражающие лицо и аффиксы, выражающие повелительное наклонение глагола. Действие, которое совершают только 2 лица, т.е. инклюзивное значение, выражается аффиксом *-ыах* (*Эн биһикки барыах* 'мы с тобой пойдем-ка'), а действие, совершающееся группой лиц, включая говорящего, выражается формой на *ыах(-ын)* (*Биһиги барыаҕын* 'Мы пойдемте'). В других тюркских языках множ. ч. 1-го лица выражается аффиксом *-х*. Таким образом, здесь угадывается наличие сложного аффикса. Второе лицо ед. ч. в повелительном наклонении не имеет аффикса (нуль аффикса), используется только основа глагола. В 3-м л. аффикс повелительного наклонения *-тын* используется без аффикса лица. Это проявляется в использовании аффикса множественности *-лар* во множ. числе 3-го лица в повелительном наклонении (*бардын* 'пусть идет', *бардыннар* 'пусть идут').

4) Недавнепрошедшее время спрягается древним аффиксом сказуемости (т.е. усеченным): при 1-м лице ед. ч. *-м* и 2-м лице ед. ч. *-н* [Филиппов, 1999, с. 145]. В тюркологии доказано образование недавнепрошедшего времени аффиксами *-ты/-ды*. Поэтому предполагается, что произошло расширение узкого гласного аффикса *-ты* на *-та*.

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>-ты -м</i> (<i>бардым</i>)	<i>-ты -быт</i> (<i>бардыбыт</i>)
2-е л. <i>-ты -н</i> (<i>бардын</i>)	<i>-ты -гыт</i> (<i>бардыгыт</i>)
3-е л. <i>-та</i> (<i>барда</i>)	<i>-ты -лар</i> (<i>бардылар</i>)

По предположению Г.Г. Филиппова, краткий аффикс сказуемости возник раньше долгого аффикса сказуемости, так как в повелительном наклонении имеется краткий особый вид аффикса лица [Саха билигини тыла, 2009, с. 197]. По мнению Н.И. Поповой [Попова, 2004, с. 83], наряду с усеченным аффиксом, сочетающимся с формами на *ды/-ты*, также существует усеченный аффикс, сочетающийся с формой будущего времени на *-ыа* в первом лице ед. ч. *-м*: *бар-ыа-м* 'пойду'.

5) Спряжение путем сращения связки *эт-* с аффиксом причастия:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>-м барар+этим >барарым</i>	<i>-быт барар этибит >барарбыт</i>
2-е л. <i>-н барар +этин >барарын</i>	<i>-гыт барар этигит >бараргыт</i>

3-е л. -а барар + этэ >барара -лара барар этилэрэ >бараллара

Этой разновидностью личного аффикса, который совпадает с аффиксом принадлежности, спрягаются вторичные причастия (-быттаах, -батахтаах, -ыхтаах, -ымыхтаах, -ардаах, -баттаах, -а илик, -ан турардаах/-бакка турардаах). Значением личного окончания, образованного от стяжения недостаточного глагола э- в форме прошедшего категорического времени на -т при спряжении, является подтверждение, что до момента речи было известно, что действие совершилось. Как пишет Г.Г. Филиппов, эта вторая форма аффикса “принадлежности” “ничего общего, кроме омонимичного спряжения, ни с первой формой аффикса “принадлежности”, ни с настоящей формой аффикса принадлежности она не имеет» [Филиппов, 1999, с. 30].

В якутском языке основная часть финитных форм глагола представляет собой употребление причастий в качестве сказуемого. Присоединяя к себе аффиксы личного спряжения, причастия образуют в современном якутском языке формы времен изъявительного и некоторых форм косвенных наклонений [Харитонов, 1947; Коркина, 1970; Филиппов, 1999].

Категория лица выполняет важную синтаксическую роль. Личная форма глагола представляет собой выражение связи действия с субъектом, выступающим в роли говорящего, следовательно, определяет синтаксический тип простого предложения. Глагольные формы трех лиц в якутском языке предопределяют структуру простых односоставных и двусоставных предложений и их бесподлежащих определенно-личных реализаций: *Мин дьиэбэ киирдим* ‘Я вошла в дом’; *Таһырдьаттан дьиэбэ киирдим* ‘С улицы в дом вошла+я’; *Таһырдыа тахсыг!* ‘Выйдите на улицу!’ и т.д.

Типы односоставных неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений предопределяются личной формой. Ни категория наклонения, ни категория времени не определяют с той же последовательностью синтаксический тип данных односоставных предложений, с какой это осуществляется с помощью категории лица глагола.

Специфика категорий наклонения и времени не имеет значения для формирования названных типов предложения, так как их функция заключается в другом аспекте отражения действительности. Категория времени является формой существования действия, где говорящий устанавливает отношение действия ко времени с момента его речи. Категория наклонения показывает, каким представлено действие в глаголе: реальным (изъявительное наклонение), желаемое в будущем (повелительное наклонение), возможным при известных условиях (сослагательное наклонение) и т.д.

Значения личных форм глагола

В односоставных неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях невербализованный субъект представляется глагольными граммемами лица в их вторичных, а не общих парадигматических значениях. А эти значения выявляются на другом – синтаксическом – уровне в определенном контексте. Обобщенно-личное и неопределенно-личное значения осознаются только на основе их противопоставления определенно-личному значению личных форм глаголов. В свою очередь, эти значения выявляются путем противопоставления их друг другу. Форма 2-го лица ед. числа может образовать модель обобщенно-личного предложения, формы 3-го лица множ. числа формируют модель односоставных неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений.

Выявление референциальной характеристики обобщенно-личных предложений – это прежде всего решение вопроса о том, с какими типами внеязыковых объектов может соотноситься субъект соответствующих высказываний. Поскольку в этом случае рассматриваются бесподлежащие предложения, речь может идти о референциальных свойствах подлежащего, выраженного нулевым элементом. В таком случае, данная проблема предстает как часть более общей проблемы, связанной с референциальными характеристиками синтаксических нулей, разработанными Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым [Булыгина, Шмелев, 1991].

Практически каждая личная глагольная форма и личная местоименная лексема 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и множ. чисел может выражать тот или иной вариант неопределенно-обобщенного расширения субъекта. Как и в русском языке, обобщенно-личные предложения с формой глагола

во 2-м лице ед. ч. в якутском языке всегда указывают на лицо, находящееся в фокусе эмпатии, – сокращенно ЛФЭ (лицо в фокусе эмпатии). В роли ЛФЭ может выступать как любое лицо, так и говорящий, при этом обычно сама ситуация повторяется многократно или понимается обобщенно: *Эдэр-сэнэх эрдэххэ орто дойдуга үйэ-саас тухары сылдыяхтыы, тугу да улаханга уурбаккын* (ЕН ЭЖуОДь 209) ‘Когда ты молод, то думая, что в этот мир пришел навсегда, ничему особого внимания *не уделяешь*’; *Кыыһырангын кырдьыгы кыайбаккын* (СД СТГ 77) ‘Сердась, *не победишь* правду’. Здесь форма 2-е л. ед. ч. понимается как относящееся и к говорящему, и к каждому, кто может оказаться на этом месте, в таких случаях субъект оценки обобщает свой личный опыт.

Абсолютная обобщенноличность, не включающая говорящего, выражается в предложениях с полным отсутствием временной локализованности действия, это могут быть фразеологизированные выражения, пословицы и поговорки, обычно употребляющиеся в отрицательной форме: *Сордон айабар илиигин уган биэримэ* (СФ 125) ‘*Не всовывай* руку в пасть щуки’; *Айанныыргар аһы, бараргар маһы бараама* (СФ 126) ‘Когда отправляешься в путь *не израсходуи* еду и дрова’; *Мээнэбэ кыыһырыма, эрдэ кырдьыан* (СФ 126) ‘*Не сердись* по пустякам, рано состаришься’; *Историяны таптаабыккынан уна-хангас туппаккын* (Д ХО 76) ‘Историю *не перепишешь*’; *Тыллаабы тылынан тохтотуон* (А ИК 332) ‘Острога на язык *остановишь* только метким словом’.

Неопределенно-обобщенный субъект часто получает отчетливое выражение в обобщенно-личных односоставных предложениях с глагольными предикатами 3-го лица множ. числа: *Нькулай курдук киһини илиитэ сөптөөх миэстэтиттэн үүммүт дириллэр* (АН ДьБ 25) ‘О таких людях как Николай *говорят*, что у них руки выросли из правильного места’. В отличие от неопределенно-личных предложений в форме 3-го л. множ. числа, здесь речь идет о людях вообще, происходит обобщение субъекта, действие расценивается как объективное, закономерное и действительное для всех. Предложения с глагольной формой 3-го л. множ. ч. в настоящем неопределенном времени имеют значение закона, не зависящего от точки зрения говорящего: *Айаас акка киһини мэнэстибэттэр* (Ч 2013 124) ‘На резвого коня *не усаживают* человека позади кого-либо’; *Алдьархайтан ас таһаарыналлар* (ПО ТА 1993 260) ‘Из бедствия *выручают* выгоду’. В такого рода высказываниях предикат имеет обобщенную “родовую референцию” [Булыгина, Шмелев, 1991, с.45]. Главное отличие обобщенно-личных предложений, выраженных формой 3-го л. множ. ч., от обобщенно-личных предложений с использованием формы 2-го лица ед. числа заключается в том, что в предикатах в форме 2-го л. ед. числа речь идет не о законе, существующем независимо от “точки зрения”, но о множестве конкретных ситуаций, рассматриваемых изнутри, с конкретной точки зрения. В формах же в 3-м лице множ. числа совокупное множество субъектов тяготеет к семантике неопределенности, так как ЛФЭ в подобных предложениях не предполагает широкий круг субъектов.

В неопределенно-личных предложениях с помощью грамем 3-го лица множ. числа выражается действие, относимое к неопределенному лицу (каким-то другим участникам речевого общения): *Дьибэ киирдилэр* ‘*Вошли* в дом’. Неопределенноличность означает, что субъекты действия, состояния или признака могут быть только “антропоморфными, и что состав или количество субъектов деятелей неизвестен или неважен говорящему или воспринимающему лицу, либо им обоим” [Химик, 1990, с. 135]. Грамматическое неопределенное лицо может указывать на различный характер референции субъекта. Субъект действия может быть единичным и конкретно-референтным, но неизвестен или неизвестно его имя говорящему: *Тобо эрэ ааны бэрт сэмэйдик тонсуйан тобугураттылар. Ньургуйаана соһуйан өрө көрө түстэ: быраата Васек ардахха баттаптыт тураахтыы сукуллан турар* (УО А 102) ‘В дверь почему-то очень робко *постучали*. Нюргуйаана удивленно посмотрела: стоит, похожий на попавшую под дождь ворону, ее брат Васек’. Субъект может быть неопределенным элементом определенного множества лиц: *Тугун-ханныгын өйдүөм иннинэ өссө хаһытаатылар: “Рота, подъем!”* (СС ОББ 25) ‘Не успел я понять в чем дело, опять *крикнули*: «Рота, подъем!»’. Неопределенность может означать неопределенное количество неизвестных говорящему субъектов: *Кини туһунан элбэхтик хаһыакка суруйан тураллар* (ТС ЕЧ 32) ‘О нем много *писали* в газетах’.

Формы 3-го лица ед. числа определяют модели безличного предложения, т.е. такого предложения, при котором действие или состояние подразумевается говорящим как бессубъектное, не относимое к участникам/участникам сообщаемого факта как к его возможным прямым субъектам: *Таһырдыа тымныйбыт* 'На улице похолодало'.

Рассмотрев категориальные и вторичные значения, а также ряд употреблений, которые характерны для определенных контекстов, мы приходим к выводу, что якутский язык имеет богатый семантический потенциал в употреблении грамматических форм категории лица. Исследование категории лица в направлении от формы к значению выявило многозначность грамматических форм и выражение того или иного грамматического значения различными формами.

Общие, т.е. парадигматические личные значения противопоставляются на нерасчлененные (ед. число) и расчлененные (множ. число и инклюзивность). Множественность действующих лиц может достигаться кроме личных форм множ. числа и формой 3-го лица ед. числа, инклюзивность – формой 1-го лица множ. и двойственного числа.

Инклюзивность может быть соотнесена с говорящим и адресатом (двойственный инклюзив). В данном случае идентификатором двойственного инклюзива выступает форма двойственного числа *-ыах* при повелительном наклонении 1-го лица: – *Дьэбитигэр барыах, мин эйигин тугунан да хомуруйуом суоҕа* (О БДЭ 227) '– Пойдем домой, я тебя ничем не буду упрекать'; – *Сардаана, тохтоо, кэпсэтиэх* (О БДЭ 303) '– Сардана, стой, поговорим'.

Множественный инклюзив соотносится с говорящим и группой адресатов. Это выражается в форме 1-го лица множ. числа повелительного наклонения, в котором имеется специальный показатель множественности адресата действия – аффикс *-ыах(-ын)*: *Чэ, эрэ оҕолоор, арыый атыны кэпсэтиэххэйиң эрэ* (Д ХО 82) 'Давайте ребята, о чем-нибудь другом поговоримте'.

Инклюзив также может соотноситься с говорящим и неопределенно-обобщенным адресатом. Такие высказывания с позиции автора, отправителя речи, ориентированы на читающего, слушающего, при этом потенциально предполагается неопределенно-обобщенный круг адресатов: *Оскуоланы санга бүтэрбит көрүгнээх икки уол эмиэ ити бэрэски-автобустан ыстанаат, автовокзал диэки сунту хаамтылар. Ааттыаххайын кинилэри судургутук, Костя уонна Миша диэн* (ДС ВДЬУ 5) 'Два парня, с виду только окончившие школу, тоже выпрыгнув из этого автобуса-пирожка, направились в сторону автовокзала. Назовемте их по-простому, Костя и Миша'.

При прямом, определенно-личном значении 1-го и 2-го лица множ. числа во многих случаях необходимо более точно охарактеризовать состав лиц, с помощью двойственно-собирательных местоимений и других лексических средств. Так как формы множ. числа в зависимости от контекста может иметь в своем составе соединение разнородных составляющих: 'я+они', 'я+он', 'ты+он' и т.д., действие может быть соотнесено с:

а) говорящим и обобщенной группой объектов речи. Говорящий объединяет себя с той или иной группой лиц, объединенных по социальным, профессиональным, возрастным, половым и т.д. признакам: *Билигин атын кэм уонна биһиги, санга дьон, барытын сангалы улуһибит, олоробут* (НЛ М 4) 'Сейчас другое время, и мы, новые люди, по-новому работаем, живем';

б) говорящим и конкретным лицом, лицами не участвующими в речи (двойственный и множественный эксклюзив): *Били Урааннык диэн көлөбүтүнэн оҕонньорум биһикки Харыйалаахпытыгар баран иһэбит* (СР 33 36) 'Мы со стариком на коне Уранник едем в Харыйалах' и т.д.

в) конкретным адресатом, к которому реально обращается говорящий и третьим лицом/лицами. В этом случае конкретный состав субъектов-адресатов выражается уточнениями к содержанию личного субъекта: *эһиги кинилиин* 'вы с ним', *эһиги иккиэн* 'вы вдвоем', *эһиги доҕотторгутунуун* 'вы с друзьями' и т.д., а также двойственно-собирательным местоимением *эһикки* 'ты с кем-либо' в сочетании с местоимением 3-го лица ед. числа и с существительными (*кини эһикки* 'он с тобой', *ийэн эһикки* 'ты с матерью' и т.д.): *Кэлин улааттаххытына, сурдбун эһикки эмиэ уйаҕытыттан көтүөххүт* (НЛ К 222) 'Когда вырастете, вы с братом тоже вылетите из своего гнезда'.

Как уже говорилось, кроме своего прямого определенно-личного значения, формы лица также имеют вторичные значения – обобщенно-личное и неопределенно-личное, а также часто употребляются в речи в переносном значении. Обобщенноличность, которая всегда приводит к снятию денотативной конкретности высказывания, объективации сообщаемого, кроме вышеназванных форм, достигается формой 1-го лица множ. числа: *Биһиги олохпут эмиэ итинни санатар: харса суох бэйэ-бэйэбитин үтүрүүсэ-үтүрүүсэ ыксыбыт* (ДС ААА 16) ‘Наша жизнь напоминает это явление: *спешим*, напролом толкая друг друга’.

Личные формы глагола, употребленные в переносном, метафорическом значении, т.е. употребление одной формы лица в значении другого лица, обогащают прагмасемантический потенциал личных форм. Они, заменяя определенно-личные значения, без их употребления могут соотнести факт сообщения к адресанту, адресату и неучастнику акта речи. Переносное употребление форм лица помогает говорящему выразить эмоционально-экспрессивную окрашенность мысли и выступает как определенный стилистический прием.

Действия говорящего могут быть выражены:

1) формой 1-го лица множ. числа. Форма 1-го лица множ. ч. используется вместо 1-го л. ед. числа в случаях выражения скромности, с некоторой долей уничижительности: – *Кэбис наһаа үгэргээмэ, добор. Биһиги, кыра дьон, наһаа улаханга тарбачыспанньым* (НЛ М 18) ‘ – Брось, не насмехайся, мы, люди маленькие, на большее *не претендуем*’, а также неодобрения, неуверенности в положительном исходе действия, окрашенная своеобразной экспрессией обобщения: *Кини хайбаабыта диэн суох, ангардастыы куһаҕаны хасыһар. Онтон сүрдээбин астынар курдук. Эрэйдээх табаарыс. Чэ, көрүөхпүт, төһө өр итинник сылдьар эбит...* (НЛ М 6) ‘Нет того, чего бы он похвалил, только о плохом копаются. Трудный товарищ. Ну, *посмотрим*, как долго он так будет поступать...’ и т.д.

2) формой 2-го лица ед. числа и формой 3-го лица ед. числа, когда говорящий намеренно исключает себя из акта речи для достижения особой эмоциональности, скромности или с целью объективированного представления говорящего о себе самом: *Айдар трубканы ууран баран хос иһигэр хаамыталыы сырытта. Тыый, бу аата тугуй, долгуйдаҕа дуу? Ха, киһи күлүөх, долгуйбут үһү* (НЛ М 141) ‘Айдар, положив трубку, расхаживал по комнате. Ой, что это, он *разволновался что ли? Ха, смешно, он разволновался*’; *Биир өлбүт өстөөхтөн лаппаакыны буллум. Бл, Чээрин, сэн хаалыа суоҕа* (ТС ЕЧ 51) ‘Я покушал, встал, походил. У одного мертвого врага нашел лопату. *Возьми, Чярин, вещь не пропадет*’. В данных примерах из контекста понятно, что автор обращается к самому себе в форме второго или третьего лица.

Иногда формой основы глагола, т.е. повелительного наклонения 2-го л. ед. числа выражается действие, соотнесенное с 1 л. ед. ч. для подчеркивания особой экспрессии: *Биир пивнойга киэрэн кэлбитим – арай Ганя турар, былыр бииргэ үлэлээбит атаһым. Оо! – диэ, мин туран. Сколько лет, сколько зим! – диэ* (СР 33 34) ‘Зашел в пивную, а там стоит Ганя, с которым работал когда-то. Оо! – *скажи я. Сколько лет, сколько зим! – скажи*’.

Действия адресата могут быть выражены:

1) формой 1-го лица множ. числа, соотнесенной к действию адресата, характерной для выражения соучастливости и заинтересованности. Часто отмечается в «сочувствующих обращениях» или в обращениях к ребенку: – *Оо, Морот! – диибин оҕо эрдэбинээби аатынан. – көрсүспэтэх ыраатта... Хайдах олордубут?* (СР 33 58) ‘ – О, Морот! – зову его детским именем. – Давно не встречались... Как *живем?*’.

2) формой 3-го лица ед. числа для достижения особой эмоциональности, экспрессии по отношению к партнеру по общению: *Киһи оонньоон кэпсээбитин кырдьыктанар, аныаха диэри өс киирбэбин баар буоллаҕа Бүөтүр!* (СР 33 42) ‘*Верит*, тому, что человек пошутил, до сих пор ты *наивный, Петр!*’.

Действия неучастников акта речи могут быть выражены формой 1-го лица множ. числа с некоторой долей соучастия или неодобрительного, ироничного отношения со стороны говорящего: *Биир да саха уола күлүүс тыла онгоро олорбот ээ. Аны туран, “Срочный ремонт обуви” эмиэ үлэлээбэппит* (ТУо, 2011, 11) ‘Ни один парень-якут не работает в изготовлении ключей. И вот еще, на “Срочном ремонте обуви” тоже *не работаем*’.

Личное оформление деепричастий

Спряжение деепричастий посессивными аффиксами известны в алтайском, эвенкийском, бурятском, туркменском языках [Черемисина, 1984, с. 22]. В якутском языке деепричастия спрягаются с помощью лично-предикативных показателей (1-е л. ед. числа *-бын*, 2-е л. ед. числа *-бын*, 3-е л. *-Ө*; 1-е л. множ. числа *-быт*, 2-е л. множ. числа *-быт*, 3-е л. множ. числа *-лар*), что является редкостью в тюркских языках.

В якутском языке личные аффиксы I типа – аффиксы сказуемости принимают деепричастия на *-ан*, *-а*, *-бакка*, *-ымына*, *-аары* (*-ымаары*). Например:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>бар-ам-мын</i> ‘я придя’	<i>бар-ам-мыт</i> ‘мы придя’
2-е л. <i>бар-ан-нгын</i> ‘ты придя’	<i>бар-ан-нгыт</i> ‘вы придя’
3-е л. <i>бар-ан</i> ‘он придя’	<i>бар-ан-нар</i> ‘они придя’

Аффиксами лица никогда не оформляются только деепричастия на *-бычча* и *-бытынан*, являющиеся вторичными деепричастными формами. Деепричастие на *-ан*, имея тесную семантическую связь с конечными глагольными формами, часто образует с ними составные, аналитические глагольные формы. В составе сложного сказуемого данная деепричастная форма никогда не имеет аффиксов лица: *Эн кэлэн бардын* ‘Ты заходил’ (букв. Ты придя ушел).

Когда деепричастия выступают в качестве второстепенного сказуемого придаточного предложения, их личное оформление бывает факультативным или обязательным.

Деепричастные формы не оформляются или факультативно могут оформляться личным аффиксом, во-первых, при моносубъектных полипредикативных предложениях. Причиной этого является определенность лица производителя действия, выраженного финитной формой глагола в главной части полипредикативных моносубъектных предложений. Таким образом, отпадает необходимость определить лицо субъекта, выраженного формой деепричастия в зависимой части, аффиксом сказуемости. Ср.: 1) *Маҕаһыынҕа тахсан килиэп ыллым* (деепричастие без личного оформления) ‘Выйдя в магазин, я купил хлеб’; 2) *Маҕаһыынҕа тахсам-мын килиэп ыллым* (деепричастие с личным оформлением) ‘Выйдя в магазин, я купил хлеб’ (полипредикативные моносубъектные предложения). Например, в предложении *Эн кэлэн оонньууну ыстын* ‘Ты пришел и сорвал игру’ (букв. Ты придя сорвал игру), где деепричастие не снабжено аффиксом лица, смысл предложения не меняется от отсутствия аффикса лица у деепричастия. В этом предложении формой 2-го лица ед. числа финитного глагола *ыстын* ‘ты сорвал’ в главной части предложения определяется лицо производителя действия, выраженного деепричастной формой в зависимой части сложного предложения.

В данных предложениях личное оформление деепричастий употребляется в усилительной функции, когда говорящий хочет особо подчеркнуть действие, выраженное в форме деепричастия: *Дэлби тоҕом-мун ыксаан, кыратык итии киллэринэн өрүһүннүм* [УО А 75] ‘Сильно замерзнув+я, немножко попив горячего, отошел’; *Мин билиэппэр эрэ харчы булам-мын, кумааһынньыгым кураанах этэ* [ДС ААА 159] ‘Найдя+я деньги только на билет, в бумажнике моем было пусто’. В этих примерах деепричастия с личным аффиксом *тоҕом-мун* ‘замерзнув+я’, *булам-мын* ‘найдя+я’ выражают причину последующего действия, и логическое ударение падает на деепричастие.

Деепричастие на *-а/-ыы* в редупликативном виде обычно принимает аффиксы сказуемости: *бара-бара-бын* ‘пойдя-пойдя+я’, *көрө-көрө-бүн* ‘смотря-смотря+я’. Если деепричастие снабжено аффиксом сказуемости, то больше акцентируется действие, выраженное деепричастием с аффиксом лица, нежели действие, обозначенное финитным глаголом: *Хас да киһи хос аанын өнгөйөн, остуол кураанабын көрө-көрө-лөр тэттөрү нымис гынаттаатылар* [АС ТА 1965 62] ‘Несколько человек, заглянув+они в дверь кабинета, увидев пустой стол, тотчас же исчезали обратно’. Если акцентируется действие, выраженное финитным глаголом, то деепричастие может не принимать аффикс лица: *Ону билэ-билэ эппэтэххин* ‘Ты зная это, не сказал’. Так мы можем объяснить снабжение аффиксом сказуемости деепричастия в моносубъектных полипредикативных предложениях.

Рассмотрим случаи обязательного прикрепления аффиксов лица к деепричастию. Аффиксы сказуемости обязательно прикрепляются к деепричастию по причине того, что необходимо указать лицо одного из участников полисубъектных полипредикативных предложений, если даже лицо действия зависимой части предложения указано личным местоимением. Ср.: *Кини кэлэн, мин киинэбэ бардым* 'Она пришла, поэтому я пошла в кино' (букв. Она придя, я пошла в кино); *Эн кэлэн-һин, отоннуу бардыбыт* 'Ты пришел, поэтому мы пошли по ягоды' (букв. Ты придя+ты, мы пошли по ягоды); *Эн кэлэн-һин оонньуубут табыста* 'Пришел ты, поэтому игра наша пошла хорошо' (букв. Ты придя+ты наша игра пошла хорошо). Невозможно говорить: *Кэлэн отоннуу бардыбыт* 'Придя мы пошли по ягоды' или *Эн кэлэн оонньуубут табыста* 'Ты пришел, поэтому игра наша пошла хорошо' (букв. Ты придя наша игра пошла хорошо). Лицо субъекта действия, выраженного деепричастной формой, должно быть определено аффиксом сказуемости, прикрепленным к деепричастию.

Деепричастие на *-аат*, как уже отметили предыдущие исследователи [Убрятова, 2006, с. 45; Коркина, 1985, с. 60], при необходимости выразить лицо, принимает форму винительного падежа лично притяжательного склонения и присоединяет послелог *кытта* 'сразу, тотчас, как только': *Бараанпытын кытта* 'Как только мы ушли'. Таким способом выражается действие, которое произошло сразу после действия одного из субъектов полипредикативного предложения: *Кини мин бараан-пын кытта кэллэ* 'Он пришел сразу после моего ухода'. Но встречаются предложения и без сочетания с послелогом: *Саха сиригэр кэлээтин кинини төрөөбүт оройуонугар анаабыттара* (О БДЭ 206) 'Сразу по его приезду в Якутию, его назначили работать в родной район'. Деепричастие на *-аат* при сочетании с послелогом *утаа* 'в первое время после' также обязательно принимает аффикс принадлежности и имеет временное значение: *Кэлээтим утаа бастаан тэһийбэтэбим* 'Сперва, по прибытию моему, мне было скучно' (букв. Приехав+мое сперва я скучал).

Помимо того, что якутские деепричастия выступают зависимыми сказуемыми в полипредикативных конструкциях, они также наряду с конечными (закрытыми) глагольными формами могут выступать в качестве сказуемого простого предложения, т.е. независимого сказуемого. Как предполагает Е.И. Коркина, предложения подобного рода возникли в языке в результате опущения второй части более полных предложений, сказуемое которых было оформлено финитной формой глагола. По мнению автора, такие предложения в предполагаемом более полном виде могли выглядеть так: *Оо бабайыны таах соботохтуу ыытам-мын эрдээнним* 'О, я зря его послал одного, намучился' [Коркина, 1985, с. 82].

Довольно редко, для выражения особой экспрессии, модально-эмоционального содержания, редупликационная форма деепричастия на *-а* от бытийного глагола *буол-*, принимая аффиксы сказуемости, может употребляться в позиции финитного сказуемого: *Өссө үөхпүт буола-буола-лар...* (ОБДЭ 309) 'Они еще и бранят' (букв. Еще бранящий становясь-становясь+они).

Деепричастия на *-ымына* и *-бакка*, принимая аффиксы лица, хотя и ограниченно, могут употребляться в функции независимого сказуемого. В данном случае они помимо определения лица субъекта действия, выражают сожаление говорящего по поводу совершения или несовершения действия: *Маабыан, Бойуот барыах диэбитигэр баран хаалымына-бын* (РК С 42) 'Недавно, когда Бойот предложил уйти, зря я не пошел' (букв. Зря не пойдя+я); – *Табылыннын! Баар! Туй-сиз! Эрдэ «ыппакка-бын»!* (Ч, 2013, 1, 41) 'Ты ранен! Есть! Тьфу! Зря я пораньше не «выстрелил!»' (букв. Зря не стреляя+я).

Деепричастие на *-ымына*, помимо упомянутого значения, употребляясь в позиции сказуемого, как осложненное аффиксами лица, так и без них, может выражать несомненную уверенность говорящего в совершении действия: *барымына-бын* 'конечно, пойду', *барымына-бын* 'конечно, пойдешь'.

Что касается деепричастия на *-ан*, то оно, принимая аффиксы сказуемости, может выступать в роли независимого простого или составного сказуемого с деепричастным составляющим также на *-ан*. Это встречается довольно редко при эмоционально окрашенных предложениях: *Наһаа ди, ону-маны сангарангың* (ЛМ А 120) 'Это же слишком, всякое выдумывая, говоришь

же *ты* такое' (букв. Всякое говоря+ты); *Эн айгыстан түһэнгин!* 'Ты так *задерживаешься!*' (букв. Задерживаясь+ты!).

Деепричастия в простых предложениях иногда могут не принимать аффиксы сказуемости. Причиной этого служат: а) наличие личного местоимения в простом предложении *Мин күлэн бөбө* 'Я посмеялся сильно'; б) наличие в простом предложении аффиксов лица, прикрепленных к частицам *бөбө, абай, бэрт* 'очень, сильно' *Күлэн бөбөбүн* 'Я посмеялся сильно'.

Личное оформление причастий

Причастия, принимая аффиксы принадлежности и склоняясь по падежам, выполняют множество функций. Они могут выступать в качестве зависимой предикативной единицы в сложном предложении, также могут служить независимым сказуемым в простом предложении. Эти функции освещаются в исследованиях по якутскому языку [Убрятова, 1976; Филиппов, 1989; 1999; Попова, 1992; Ефремов, 1998].

Предикативным склонением признается "склонение предикативного словосочетания, сказуемое в котором обозначает признак, состояние, свойство субъекта, а также выраженное словом, способным передать отношение субъекта к данному явлению" [Филиппов, 1999, с. 36]. В якутском языке предикативное склонение имеет два вида: безличное и личное. Личное притяжательное склонение, по мнению исследователей, образовалось от "форм простого склонения указательных местоимений через формирование лично-притяжательного местоимения" [Филиппов, 1999, с. 38].

Личное предикативное склонение причастий, употребляясь как зависимый предикативный член, используется в качестве зависимого сказуемого придаточного предложения в сложно-подчиненном предложении, определяя лицо деятеля зависимого действия. Как отмечает Е.И. Убрятова, "так как сказуемое зависимого предложения в якутском языке за редким исключением согласуется в лице со своим подлежащим, падежные аффиксы, выражающие синтаксические отношения к главному предложению, имеют форму лично-притяжательного склонения" [Убрятова, 1976, с. 102-103]. Причастно-падежные конструкции "характеризуются базовой атрибутивной функцией, которая способна преобразоваться в функцию самостоятельного (независимого) предложения" [Ефремов, 1998, с. 53].

В тюркологии эта функция причастий в падежном притяжательном склонении называется по-разному. Н.З. Гаджиева называет это явление "трансформацией логически зависимого сказуемого" [Гаджиева, 1973, с. 231-235] и считает такие конструкции исторически самостоятельными предложениями, но либо адъективировавшимися, либо субстантивировавшимися. Зависимый предикативный член в виде притяжательного причастия в падежном склонении М.И. Черемисина определяет как "инфинитный, зависимый предикат" [Черемисина, 1984, с. 31], В.Г. Гузев в таких формах усматривает случаи "вторичной репрезентации".

Предикативное склонение причастий определяет зависимое действие при: а) моносубъектных полипредикативных предложениях: *Бу сырыыга уол манан кэлбит+ин кэмсинэ санаата* (Д ХУТ 9) 'На этот раз парень пожалел о том, что пришел этой дорогой'; *Тийбит эрэ киһи диэн иннигин кэтэнэр+г+иттэн ордубаккын* (В ОТК 6) 'Не можешь отойти от мысли *следить* за дорогой вперед, чтобы поскорей дойти'; б) разно(поли)субъектных полипредикативных предложениях: *Эн абыраабатах+х+ына, ким биһигини абырай!* (ПО ТА 1993 15) 'Если ты нам *не поможешь*, то кто нам поможет!'; *Егор Килович мин кэлбит+n+ин билэр этэ* (НЛ М 6) 'Егор Килович знал о том, что я пришел'; *Мин тугу кэпсиир+б+ин истиэххин бабарабын дуо?* (К ТЫ 6) 'Ты хочешь послушать, о чем я расскажу?'. Зависимый предикативный член может иметь различные значения: а) значение субъекта; б) значение объекта; в) значение времени; г) обстоятельства.

В вопросительных и восклицательных предложениях личное предикативное склонение причастий может использоваться в качестве сказуемого простого предложения: *Дьэ кэлэн билэн соһуйдах+n+ыный* (ЛМ А 167) 'Удивляться ли мне, как будто только теперь узнала' (букв. удивившегося+же+моего); *Эс, эмиз тобо таайа сатыы турдах+n+ыный?* (ИТ ДьХУИ 100) 'Ну почему же я *стою разгадываю?*' или 'Зачем же мне *стоять разгадывать?*'; *Баһылай эрэйдээх*

оччотообуга хараастыбыт+ы+н! (НЛ М 144) ‘Тогда бедный Василий так расстроился!’ (букв. Бедный Василий тогда расстроившегося+его). В последнем предложении угадывается опущение глагола *көр-* ‘смотри’ в повелительном наклонении в значении модального слова: *Баһылай эрэйдээх оччотообуга хараастыбыт+ы+н көр!* ‘Смотри, как тогда бедный Василий расстроился!’.

Личное предикативное склонение причастий также может образовать независимое сказуемое с напутствующей семантикой: *Кырдьык, добор, уолгун көрө барыах+х+ыный* (ЛМ А 95) ‘И правда, друг, ты бы мог поехать повидаться с сыном’; *Ыалдьан хаалыан, иһирдьэ киириэх+х+ин!* (УО А 85) ‘Ты можешь заболеть, ты бы мог зайти внутрь!’; – *Ол баар дии, оҕобунуун ньыр бааччы олоруох+х+ун...* (О БДЭ 158) ‘Ну вот же, ты бы мог спокойно жить со своим ребенком’.

Неоднозначное определение дается тюркологами по поводу зависимых предикативных членов, выраженных причастием с притяжательным аффиксом со значением субъекта. Предикативные члены со значением субъекта Е.И. Убрятова назвала подлежащими зависимыми предикативными единицами, которые в составе полипредикативной конструкции выступают в роли подлежащего по отношению к сказуемому главной части [Убрятова, 1976].

В таком предложении в роли подлежащего выступает действие (или состояние), которое производит (или в котором находится) субъект зависимого предложения-подлежащего, выраженного причастием с аффиксом притяжательности без падежного склонения. В роли сказуемого главного предложения могут выступать глагол, наречие, прилагательное или имя существительное. Таким образом, помимо того, что аффикс принадлежности выражает лицо производителя действия в зависимой части сложноподчиненного предложения, одновременно выступает способом связи зависимого и главного предложений: *Биһиги оҕолорбут кыра эрдэхтэриттэн нуучча тылын үөрэтэл+дэрэ – кинилэр улуу дьоллоро* (СД СТТ 225) ‘То, что наши дети с детства учат русский язык – это их великое счастье’ (букв. Наши дети с детства русский язык изучающий+их – их великое счастье); *Эн кэлбит+ин үчүгэй даҕаны* (ХС 1979 2 28) ‘Как хорошо, что ты пришел’ (букв. Пришедший твой хорошо); *Ол сайын ааспыт+а ыраатта* (ЭЭ ТА 1964 84) ‘Давно прошло то лето’ (букв. То, что прошло то лето, было давно); *Туораттан көрдөххө, Айдар чэпчэкитик үлэлиир. Үлэлиринээбэр мэнээх хаама сылдьара, туннугунэн ону-маны кынастаһара, бэл кинигэ аабара үгүс* (НЛ М 45) ‘Если смотреть со стороны, Айдар работает легко. Его хождение просто так, его долгое всматривание через окно на что-либо, даже его чтение книг многочисленней, чем его занятость работой’.

Это явление другие тюркологи (Н.З. Гаджиева, Н.А. Баскаков, С.Н. Иванов, Б.А. Серебренников и др.) связывают с субстантивностью причастий и называют зависимый предикативный член в виде притяжательного причастия разными терминами: “трансформа”, “развернутый оборот”, “развернутый член” и т.д.

Г. Г. Филиппов в подобных предложениях аффикс принадлежности не считает аффиксом принадлежности в подлинном смысле этого слова, а придерживается мнения, что здесь функционирует личный аффикс как признак согласования между субъектом и предикатом [Филиппов, 1989, с. 35]. Из этого следует, что нельзя считать подобные зависимые предикативные члены развернутым членом предложения, так как зависимый предикативный член в виде причастия с аффиксом принадлежности не теряет своего предикативного значения и обозначает действие, состояние субъекта зависимого предложения.

Категория лица в аналитических конструкциях

Кроме финитной формы глагола, а также личного предикативного склонения причастий и деепричастий с личными аффиксами в роли независимого сказуемого в монопредикативном простом предложении, в якутском языке предикативные отношения могут выражаться рядом сложных синтетико-аналитических конструкций. Сложные лично-отнесенные модальные конструкции образуются из двух и более полнозначных слов, а также выражаются сочетанием полнозначного слова со служебным словом, где один из компонентов обязательно принимает аффиксы сказуемости или принадлежности. Таким образом, такие сложные конструкции мы можем считать морфолого-синтаксическим способом выражения категории персональности.

В функции составного сказуемого выступают лексические сочетания слов “имя (или образная, звукоподражательная основа) + глагол во вспомогательной функции”: *бас бил*- ‘владеть’, *тылгыттан мат*- ‘потерять речь, замолчать’, *санааџа тус*- ‘призадуматься’, *нас гын*- ‘резко хлопнуть’, *чыып диэ*- ‘чирикать’, *сылыныс гын*- ‘юркнуть’ и т.д. Такие аналитические конструкции, принимая личные показатели к основе вспомогательного глагола, могут употребляться в качестве конечного сказуемого в форме любого времени и наклонения: *Кини быйыл үөрэжин бүтэрэн кэлиэхтээх* ‘Он в этом году окончив учебу, должен приехать’; *Хаарбын ыраастаан киришибин* ‘Я намереваюсь войти, вычистив снег’.

Е.И. Коркиной были описаны 4 способа образования многочисленных глагольных личностно-отнесенных модальных конструкций [Коркина, 1979]:

1. Перифрастические формы глагола с модальными значениями в сочетании с причастными формами. Это причастные формы *-ар/-быт*, *-ых* + вспомогательный глагол *буол*- в форме основных времен изъявительного наклонения: *барар*, *барых буолабын* (*буоллум*, *буолбуппун* и т.д.) ‘Я намереваюсь пойти’, ‘Я решил поехать’, ‘Я, оказывается, согласился пойти’ и т.д., а также в форме повелительного, утвердительного, условного наклонения: *сылдьар буол*- ‘ты ходи’, *кэлбэт буоллаххына* ‘если не придешь’, *көрдөрүнэр буолууһубун* ‘отныне я намереваюсь проходить обследование’ т.д.

2. Конструкции, состоящие из падежно-причастной формы *-ых* (*пын*, *-хын*, *-н* и т.д.) в сочетании с группой глаголов, которых целесообразно называть функционально-модальными, образуют аналитическую конструкцию, единую сложную форму, выражающую модальное значение. Например: а) причастие на *-ых* (*-ымыах*, *-ыа суох*) + личный аффикс притяжательного типа + винительный падеж в сочетании с глаголами в настоящем времени *баҕарабын* ‘хочу’, *саныбын* ‘думаю’ и т.д. образуют форму желательности: *барыхпын баҕарабын* ‘хочу пойти’, *киинэҕэ сылдьыахпын толкуйдуубун* ‘думаю над тем как пойти в кино’; *барыххын сатаммат* ‘ты не должен идти’; б) причастие на *-тах* + аффикс принадлежности + локативный падеж в сочетании с причастиями *сатанар*, *табыллар* и т.д. образуют конструкции долженствовательного действия: *ыллаххына табыллар* ‘ты обязательно должен взять’, *иһиттэхпинэ сатанар* ‘я должен слушаться’ и т.д.

3. Конструкции, состоящие из причастий *-ых*, *-ар*, *-тах*, *-быт* и модальных частиц. Причастия с притяжательными аффиксами и предикативное личное склонение причастия сочетается с различными модальными частицами, служебными и функционально модальными глаголами (*сөп*, *син*, *наада*, *сөптөөх*, *турар*, *турдаҕа*, *буолаҕа*, *кэрэх*, *суох*, *баар*, *сатаммат*, *табыллыбат*). Например: а) причастие на *-ых* (*-ымыах*, *-ыа суох*) + личный аффикс притяжательного типа + падеж в сочетании с частицами *сөп*, *син* ‘можно’ образуют форму желательного, возможного, долженствовательного действия: *көрүөхпүн сөп* ‘могу увидеть’; б) причастие на *-ых* + дательный падеж в сочетании с модальным словом *айылаах* + аффикс сказуемости: *кэпсиэххэ айылаахпын*, *кириэххэ айылаахтар*;

4. Свободные сочетания причастных форм с модальными частицами (*курдук*, *дылы*, *айылаах*, *быһылаах*, *бэйэ*, *муна*, *куолу*, *үһү*, *быһылаах*, *майгыннаах*, *бадахтаах*, *былааннаах*, *ини*). При этом аффиксы сказуемости или аффиксы принадлежности присоединяются либо к причастию, либо к частице (*барыам үһү* ‘я должен идти’, *барар үһүбүн* ‘я должен идти’, *барых баҕайым дуу* ‘идти ли мне придется’, *барбыккын быһылаах* ‘ты кажется, ушел’, *барбыт быһылааххын* ‘ты кажется, ушел’): *Үы, биллэн турар, ким кинини ылар үһүнүй?* (ДС ААА 56) ‘Понятное дело, кто же ее возьмет замуж?’; *Бэйэн туох эрэ уопастыбаннай үлэнэн дьарыктанар быһылааххын дуу?* (ЕН ЭКуодь 54) ‘Ты сам, кажется, занимаешься какой-то общественной работой?’; *Мин эйигин хамнастаан олоробун, эн буолаҕына миигиттэн үгүһү кистиир эбиккин* (ДС ААА 88) ‘Я обеспечиваю тебя работой, а ты, оказывается, от меня многое скрываешь’ (букв. скрывающий оказывается+ты); *Варвара, эн хайдах эрэ уларыттыт курдуккун, тупсубуккун* (ДС ААА 29) ‘Варвара, ты как будто изменилась, похорошела’; – *Оо дьэ, ону тоҕо баччаанга диэри миэхэ эпэтэх бэйэбиний?* (ЕН ЭКуодь 114) – О, почему же ты до сих пор об этом мне не сказала?; *Тый бу да киһи?! Хаһан халлаантан түһүөх мунгунуй?* (КК 7) ‘Ты что?! Когда же ты спустишься с небес?’.

В якутском языке немногочисленные лексемы, означающие части тела человека: *сүрэх* ‘сердце’, *эт* ‘тело’, *куйаха* ‘кожа головы’, *тыл* ‘язык’ и лексемы *санаа* ‘мысль’, *өй* ‘ум’ и т.д. в сочетании с глаголами в 3-л. ед. числа в настоящем неопределенном времени могут образовать устойчивые конструкции, выражающие состояние действующего лица. Лицо, к которому относится состояние, выявляется через притяжательные аффиксы.

Могут быть сочетания, выражающие психологическое состояние человека:

Санаам (-н, -та, -быт, *быт*, -лара) *буолбат*, *кэлбэт*; *сүрэбим* (-н, -э, -пит, -хит, -тэрэ) *тэппэт*, *буолбат* ‘Мне (тебе, ему, нам, вам, им) не хочется, не желается’ или ‘У меня (у тебя...) нет желания, настроения, охоты’ или ‘Я (ты, он...) не желаю (не желаешь, не желает...)’ (букв. мысль+моя не может, сердце+мое не бьется): *Мин сордоно сыттаһына утуйа сытыабын санаата кэлбэт үһү* (ХС 1965 2 37) ‘Когда я мучаюсь в тяжелом труде, он говорит, не может спокойно спать’;

Өйүм (*санаам*) *хонпот* ‘Я (ты, он и т.д.) не могу (не можешь, не может и т.д.) понять’: *Хантан ылан ити идэбин талбыппын отой өйүм хонпот* (КК 135) ‘Я не могу (или мне трудно) понять откуда и как я выбрал свою профессию’ (букв. мысль моя не одолевает);

Тылым (*тылын*, *тыла* и т.д.) *тахсыбат*, *барбат* ‘Я (ты, он и т.д.) не хочу, не могу (не хочешь, не можешь, не хочет, не может и т.д.) говорить’: *Устүүнньэбэ этиэхпин тылым тахсыбат* (ДТ ТА 1954 130) ‘Я не могу (мне трудно) сказать (об этом) Устинье’ (букв. язык не поворачивается);

Некоторые конструкции выражают физиологическое состояние человека: *Этим* (-н, -э, -пит, -хит, -тэрэ) *тардар*, *салаһар* ‘Мне (тебе, ему, нам, вам, им) страшно, боязно, не хватает духу’ или ‘Я (ты, он, мы, вы, они) боюсь (боишься, боится, боимся, боитесь, бояться)’ (букв. тело+мое передергивает): *Окуопабар умса туһуөххүн этин тардар* (ХС 1965 3 3) ‘Тебе не хватает духу пасть ничком в окоп’; *Барыскай*: *Куттанан сүрэбим хайда сысыта*, – *диэн ахтааччы* (КК 53) ‘Прасковья бывает, вспоминает: У меня чуть сердце не разбилось от испуга’; – *Чэ, дыэбитигэрттийдэххэ сиһилии кэпсиэм, манна киһи кыайан санарбат, тыыным хаайтарар* (ЕН ЭКуодь 49) ‘Ну, когда придем домой расскажу, здесь невозможно говорить, дыхание мое перехватывает’.

Такое же значение имеют устойчивые фразеологические сочетания типа *таала кырыыламмыт* ‘он очень недоволен’, *көхсө кыараабыт* ‘у него лопнуло терпение’, *хайа охсубут ангара хаалбыт* ‘осталась половина его прежнего’ и т.д., употребляемые в качестве составного сказуемого. Лицо, испытывающее состояние, также выявляется с помощью аффикса принадлежности, прикрепленного к имени существительному в составе фразеологизма.

По мнению Е.И. Коркиной, список свободных сочетаний причастных форм с модальными частицами имеет тенденцию к дальнейшему пополнению за счет создания новых типов и моделей сочетаний с модальным значением по мере развития языка [Коркина, 1979, с. 79]. В современном языке по нашим наблюдениям могут быть созданы следующие модели свободных сочетаний причастных форм с модальными частицами:

1. Причастие+имя сущ. с посессивным афф.+глагол *кэл-* ‘приходить’ в форме 3-го л. ед. ч.): *Кини барытын билиниэх санаата кэллэ* ‘К нему пришла мысль (или он захотел) во всем признаться’;

2. Причастия+имена сущ. с афф. посессивности (*быһыы*, *дьүһүн*): *Түргэнник быһаардыннар диэбит быһыым* (ЛМ А 106) ‘Это я таким образом сказала, чтобы быстро решили (букв. мой образ говорения)’;

3. Причастие+афф. посессивности в дательном падеже+глагол *тиий-* ‘добирать-ся’, *күһэлин* ‘быть вынужденным’ в финитной форме: – *Мантан арахсарбытыгар тиийэбит, мин туоруубун, – хангас диэки тыаба киирэн сүтэр суол диэки даллах гынна* (ЕН ЭКуодь 149) – ‘С этого места нам придется расстаться, я перехожу дорогу, – он помахал на дорогу с левой стороны, исчезающую в лес’ (букв. расстающемуся нашему придем); *Мин мантан барарбар күһэлинним* ‘Я был вынужден отсюда уехать’ (букв. уходящему моему я был вынужден);

4. Причастие+лексема *киһи*+афф. сказуемости+афф. вопросительности *-ый*: *Хайдах буолуох киһибиний?* ‘Как мне быть?’; *Бүгүн ханна барыах киһибиний?* ‘Сегодня куда же мне идти?’;

Нохоо, бу хаһан өйдөнүөх киһигиний? (ИТ ДьХУИ 66) 'Парень, когда же ты образумишься?' (букв. предстоящий образумиться человек ли ты);

5. Причастие+имя существительное с аффиксом обладания на -лаах+аффикс сказуемости: *Мин күрээтэһэн көрүөх санаалаахпын* (АА ТА 1970 359) 'Я намереваюсь посостязаться'; *Илии баттаттым да тахсан барар санаалаахпын* (Н ДьАА 60) 'Как только подпишут, намереваюсь выйти' (букв. выходящий имею намерение); *Билигин, хайыам баарай, сытар киһи ону эрэ толкуйдуур кыахтаахпын* (ДС ААА 109) 'Сейчас, что же мне делать, лежащий человек, только об этом и могу думать' (букв. думающий имею силу).

6. Причастие+имя сущ.+притяжательный аффикс+частица отрицания *суох*: *Мин билигин ыал буолар санаам суох уонна эйигин үчүгэйдик эмиэ билбэппин ээ* (ЕН ЭЖуодь 33) 'У меня сейчас нет намерения выйти замуж, и к тому же, я тебя еще плохо знаю'; *Мин Гуйаараттан арахсар баҕам суоҕа* (Н ДьАА 135) 'У меня не было желания расставаться с Туярой'; *Мин кини дьолун хайдах да ылынар кыабым суоҕа, оттон кини – мин эрэйбин* (ДС ААА 8) 'Я никак не могла принять его счастье, а он – мое страдание';

7. Причастие+афф. посессивности+глагол в 3-м лице ед. ч.: *Кореец дуу, яполец дуу эбитим буоллар, туох эрэ экзотической үүнээйини ааттыырым хааллаҕа* (Ч 2013 3 42) 'Если бы я был корейцем или японцем, то назвал бы какое-нибудь экзотическое растение' (букв. называющий +мой остался); *Аны кэлэн, хаарыйдаргын да, майгым уларыбата биллэр* (ЛМ А 107) 'Сейчас то, хоть и высмеешь, понятно, что не изменится мой характер' (букв. неизменяющийся +его понятно);

8. Причастие+посессивный афф.+глагол *кэл* в будущем времени и вопросительная частица *дуо*: *Биир үбүлүөй оҕотун онгорбото кэлиэ дуо* (Ч 2013 3 21) 'Как же ему не сделать один маленький юбилей!';

9. Причастие+афф. посессивности+прилагательное в значении наречия: *Дьыала ис биэтэһин дьингээбин билбэккэ эрэ, сөптөөх уураабы ыларын уустук* (Д ХУТ 112) 'Не зная изнанку дела, тебе сложно принять верное решение' (букв. возмущий+твой трудно); – *Чэ, аны ол ылбыттарын саҕаттан өрөбөлүүссүйэ да онордоххуна төннөрөрүҥ саарбах* (ЕН ЭЖуодь 65) '– Ну, даже если и устроишь революцию с того момента, когда они взяли, сомнительно, что ты вернешь' (букв. то, что вернешь+твой сомнительно); *Дьаһаных иннинэ сыта-тура толкуйдуур наадатын умнубатын ордук* (Кыым 2009 44) 'Тебе предпочтительнее не забывать о том, что нужно думать, прежде чем принять решение' (незабывающий+твой лучше);

Сложные аналитические конструкции могут содержать и более трех компонентов: *Дулун буолан хаалбатах абакам эбит* (Ч 2013 1 24) 'Моя горькая досада, что не превратился в обрубок бревна! (букв. Не превратиться в обрубок бревна досада+моя ведь)' и т.д.

В таких сложных конструкциях притяжательный аффикс, прикрепленный к причастию, имени и т.д., в якутском языке имеет такую же функцию, какое имеет в русском языке личное местоимение в качестве подлежащего предложения, а также в косвенных падежах в функции объекта, определяя лицо субъекта действия, состояния. Ср.: *Барыах санаам кэллэ* 'Мне захотелось уйти'; *Барарын баар* 'Ты должен идти'; *Барарыгар тиийдэ* 'Ему пришлось уйти' и т.д.

Именная категория сказуемости

В описательных грамматиках отдельных языков подтверждается, что категория лица присуща и имени. В чукотско-корякских, самодийских и тюркских языках наблюдается принятие глаголами и именами одного и того же личного показателя в настоящем (неопределенном) времени, что превращает имена в предикаты, которые в предложении функционируют только как сказуемое [Володин, 1991, с.103-108]. Именная категория лица не всегда выделяется как самостоятельная грамматическая категория имени в силу того, что она не обязательна для именных частей речи, в отличие от категории лица глагола. Однако необязательный характер той ли иной категории не выводит ее из разряда грамматических категорий и можем сказать, что в этих языках категория лица имени существует и определяется исследователями как именная категория сказуемости.

По утверждению тюркологов [Дмитриев, 1950, с. 55; Киекбаев, 2001, с. 67; Гузев, 1976, с. 246; и др.], именная категория сказуемости, присущая тюркским языкам, является морфолого-синтаксической категорией, представляющей собой средство выражения субъектно-предикатной формы мышления. Сказуемость имени выражается с помощью аффиксов сказуемости и аффиксов принадлежности, выполняющих функции аффиксов сказуемости, которые представляют субъект в виде какого-либо конкретного лица единственного или множественного числа.

Сказуемость имен в якутском языке выражается следующими аффиксами в ед. и множ. числах с фонетическими вариантами: 1-е л. *-бын* (ед. ч.), *-быт* (множ. ч.); 2-е л. *-бын* (ед. ч.), *-быт* (множ. ч.); 3-е л. *Ø* (ед. ч.), *-лар* (множ. ч.). 3-е л. ед. ч. сказуемости в якутском языке в отличие от некоторых других тюркских языков имеет нулевой аффикс.

Аффиксы сказуемости в якутском языке могут принимать любые именные части речи: существительные, прилагательные, местоимения, числительные, а также наречия, служебные части речи: частицы, послелогии и т.д. Именное сказуемое в якутском языке выражается тремя способами: синтетическим, синтетико-аналитическим и синтаксическим.

Сказуемое, выражаемое именными частями речи в том случае, когда оно не выражает ни временных, ни модальных значений, имеет однообразное личное оформление, согласуясь в лице с подлежащим с помощью аффиксов сказуемости и представляет собой синтетический способ образования сказуемого. Например: *Эр киһибин, тулуйуохтаахпын, ийэлээх бырааттар хайаан да дьон баар сириҥ буллараҕым* (ЕН ЭЖуОДь 144) 'Я – мужчина, должен вынести, обязательно приведу мать с братом к людной местности' (сказуемое – существительное); *Эн бачча эдэр эрэригин, туох ааттаах улаатымсыккыный?* (ДС ААА 82) 'Ты, несмотря на то, что совсем молод, почему такой заносчивый?' (сказуемое – прилагательное); ... *сирэйэ-хараба суох албыны чэпчэкитик итэбэйбиннэр буруйдаахпын* (О БДЭ 195) 'Я виновата в том, что легко поверила в жестокую ложь' (букв. виновная+я) (сказуемое-прилагательное); – *Наһаа да билилээххин, Алена, – диэн уол хайбаата* (ЕН ЭЖуОДь 124) ' – У тебя столько знаний, Алена, – парень похвалил' (букв. со знаниями+ты) (сказуемое – прилагательное); – *Олус үчүгэй, – дии түстэ онуоха кыыс, – ээ, арба, биһиги эмиэ иккиэбит* (ЕН ЭЖуОДь 89) ' – Очень хорошо, – сказала сразу девушка, – кстати, нас тоже двое' (букв. двое+мы) (сказуемое – числительное); *Kиһи хааман саллырбайдаан кэлэн ыйытта: – Кимнээххитий?* (ЕН ЭЖуОДь 38) 'Человек, шлепая, пришел и спросил: – Кто вы?'. В роли сказуемого выступают преимущественно вопросительные местоимения. Личные местоимения, кроме местоимения 3-го лица, не имеют формы сказуемости, так как они сами являются аналитическими средствами выражения лица и выполняют функцию сказуемого: *Буруйдаах – мин* 'Виновный – я'. Сказуемые, выраженные личными местоимением 3-го лица с аффиксом сказуемости, встречаются в речи крайне редко: *Ээ, кинибин* (СО С 54) 'Э, (я) – она самая'.

При отглагольных именах с посессивными аффиксами *-лаах* именное сказуемое имеет не столько значение "что имеющий", а определяет само действие: *Онньою сытыйан, киһи кудуу-лээххин баҕастааххын!* (АА ТА 1969 181) 'У самого лицо кривоватое, да еще над человеком насмеаешься!' (букв. Ты еще имеешь насмешку); *Хабырылла сириллээххит эһиги өссө!* (АФ ТА 1962 22) 'Вам еще и Гаврила не нравится!' (букв. Вы еще имеете отвержение).

Если глагольное сказуемое выражает время и модальность самой формой глагола, то сказуемые, выраженные другими частями речи, этого не имеют. Поэтому при них «временные и многие модальные оттенки выражает связка» [Убрятова, 2006, с. 99], т.е. содержание предиката раскрывается с помощью присвязочной части. Связку, выполняющую важную роль для подчеркивания временных и других модальных значений, представляют так называемые недостаточные или вспомогательные глаголы, а также вспомогательные части речи, которые в своем составе принимают аффиксы сказуемости или аффиксы принадлежности (выступающие в роли аффиксов сказуемости).

В якутском языке в качестве связки для передачи понятия времени используются недостаточные глаголы *э-* 'быть' и *эр-* 'быть чем-либо занятым', а также вспомогательный глагол *буол-* 'становиться, делаться'. Настоящее или неопределенное время может выражаться без какой-либо связки, лишь с помощью аффикса сказуемости. Но также как вариант может

использоваться вспомогательный глагол *буол-* ‘становиться’ в настоящем времени: *Мин киһи буолабын* ‘Я являюсь человеком’. Личное оформление связки зависит от того, какое время требуется передать. Ср.:

Будущее время: *Мин учуутал буолуом* (имя+вспомог. глагол *буол-*+*уох* (афф. буд. времени)+афф. принадлежности) ‘Я стану учителем’;

Настоящее незавершенное время: *Мин учуутал буолан эрэбин* (имя+*буол*+афф. деепр. на *-ан*+недост. глагол *эр-*+афф. сказуемости) ‘Я становлюсь учителем’.

Прошедшее время: *Мин учуутал этим* (имя+недостаточный глагол *э-*+ элемент формы прошедшего времени *-т* + афф. принадлежности в роли аффикса сказуемости) ‘Я был учителем’;

Такие имена, как *баар* ‘наличный, наличие’ и *суох* ‘отсутствующий’, имена на *-лаах* (со значением “имеющий что”), а также некоторые имена существительные обладают свойством выражать прошедшее время формой, возникшей в результате фонетического стяжения: *Мин оччолорго учууталым* < *Мин оччолорго учуутал этим* ‘Я тогда был учителем’; *Мин баарым* < *Мин баар этим* ‘Я был’ (букв. Я был наличествующим); *Мин суобум* < *Мин суох этим* ‘Меня не было’ (букв. Я был отсутствующим); *Мин аҕалаабым* < *Мин аҕалаах этим* ‘Я имел отца’. Личное окончание формы *этим*, присоединяясь к первому компоненту сочетания, образует одну слитную основу, которая внешне выглядит как существительное+афф. принадлежности. По мнению Е.И. Коркиной, при слиянии “элемент *эт-* выпадает, а гласный переднего ряда и в силу действия гармонии гласных преобразуется в гласный заднего ряда *ы*” [Коркина, 1970, с. 117], и мы наблюдаем, что из *учуутал этим* ‘я был учителем’ получается *учууталым* ‘я был учителем’.

Такое слияние происходит, по мнению исследователей [Филиппов, 1989, с. 120], в результате выпадения предикативного члена в виде связки или определяемого. Тогда определяющее слово становится сказуемым. Например: *Киһи элбэх этэ – Киһи элбэҕэ* ‘Людей было много – Людей было много’; *Эн улахан киһигин – Эн улахангын* ‘Ты большой человек – Ты большой’.

В зависимости от смысла предложения, недостаточный глагол *э-*, кроме указания на прошедшее время, может содержать информацию с точки зрения наблюдателя, и мы видим именное сказуемое в значении “быть, являться, иметь место”: *Омос көрдөххө, дьибэҕэ Кисийэннэ мунур хотун этэ* (ЛМ А 157) ‘Если смотреть со стороны, то Ксения являлась в доме полновластной хозяйкой’.

В отрицательных именных сказуемых наличие связки обязательно, так как отрицание выражает только вспомогательный глагол *буол-* в отрицательной форме: *Учуутал буолбатахпын* ‘Я не учитель’.

Неглагольные сказуемые очень часто выражают субъективную модальность, которая представляет собой указание на то, что “говорящий сообщает о факте, о котором он узнал от другого лица, или что сообщение является результатом неожиданного узнавания, внезапного умозаключения” [Гузев, 1976, с. 242]. В якутском языке субъективная модальность выражается сочетанием имени с различными служебными словами, способными принимать личные аффиксы. Они “придают сказуемому особые оттенки значения, выражающие отношение говорящего к сообщаемому (указание на достоверность, сходство и т. д.)” [Убрятова, 2006, с. 100]

Итак, формы субъективной модальности образуются с помощью:

1) служебной частицы *эбит* ‘оказывается’+ аффикса сказуемости (в 1-м и 2-м лицах ед. и множ. числа тот же, что и в формах настоящего изъявительной модальности, в 3-м лице ед. ч. – нулевая форма, в 3-м лице множ. числа аффикс множественного числа *-лар*). Например: *Мин учуутал эбиттин* (имя+служебная частица *эбит* +афф. сказуемости) ‘Я, оказывается, учитель’;

2) частицы *үһү* ‘говорят, мол, дескать’+аффикса сказуемости: *Мин учуутал үһүбүн* (имя+частица *үһү*+афф. сказуемости) ‘Я, говорят, учитель’;

3) послелогов с аффиксами сказуемости: *Мин учуутал курдукпун* (имя+послелог+афф. сказуемости) ‘Я похож на учителя’.

Именные сказуемые со служебной частицей *эбит* ‘оказывается’ выражают умозаключение о каком-либо факте: *Түргэн туттунуулаах киһи эбиккин, хайыы-үйэ ас бэлэм!* (ЕН ЭКуодЬ 29) ‘Ты, оказывается, человек расторопный, еда уже готова!’. А с частицей *үһү* ‘говорят, мол,

дескать' указывают о факте с ссылкой на чужую речь: *Манна улуу күүл баара үһү* 'Здесь, говорят, было огромное озеро'.

Послелого, выражающие сравнение, сопоставление, уподобление, сходство, тождество: *дылы* 'подобно', *курдук* 'как, подобно', *кэриэтэ* 'словно, вроде', а также отглагольный послелог *тахса* 'свыше', принимая аффиксы лица, выражают признак лица предиката: *Эн кун курдуккун* (ДС ААА 125) 'Ты похожа на солнце'; *Биһиги уонтан тахсабыт* 'Нас есть свыше десяти человек'.

Редко послелого могут принимать аффиксы сказуемости лишь из-за опущения предыдущего слова в целях языковой экономии. Например: *Кини тобо үрүгнэр диэкиний?* (ИН ОИО 177) 'Почему он на стороне белых?'. В этом примере, по мнению Н.Е. Петрова, послелог диэки "к, на стороне" снабжен вопросительным аффиксом *-ний*, принадлежавшим опущенному слову *киһи* 'человек' или *санаалаах* 'имеющий мнение с вопросительным аффиксом' [ГСЯЛЯ, 1982, с. 416]. Отглагольный послелог *кытары* 'с, вместе с', например, в высказывании *Мин кинилэри кытарыбын* 'Я с ними' способен принимать аффикс лица, наверное, в связи с тем, что здесь возможно опущение глагола *сырыт* -с аффиксом сказуемости. Ср.: *Кинилэри кытары сылдьабын. Кинилэри кытарыбын* 'Я с ними (нахожусь)'.

Именные сказуемые при помощи вспомогательного глагола *буол-* и недостаточного глагола *э-* также могут передавать условную и сослагательную модальность: *Учуутал буоллахпына* 'Если я стану учителем'; *Учуутал буолуох эбиппин* 'Я бы стал учителем'.

Итак, как показывает материал, связка в виде недостаточных глаголов и вспомогательных частей речи, принимая аффиксы лица, играет очень важную роль, выражая лицо, время и модальность предложения.

Конструкции с аффиксами принадлежности

Морфологическими средствами, представляющими ближнюю периферию категории персональности в якутском языке, выступают формы принадлежности в трех лицах ед. и множ. числах: 1-е л. ед. числа *-м*, 2-е л. ед. числа *-һ*, 3-е л. ед. числа *-а*, *-та*; 1-е л. множ. числа *-быт*, 2-е л. множ. числа *-гыт*, 3-е л. множ. числа *-лара*. Данные морфологические средства входят в периферийную группу в соответствии с тем, что они являются элементами II ранга, не имеющими возможность выступать в качестве подлежащего и сказуемого. Но в то же время, конструкции с посессивными аффиксами, хотя и являются второстепенными членами предложения, имеют субъектно-объектное содержание.

Категория принадлежности в якутском языке получила освещение в работах по грамматике якутского языка [Харитонов, 1947; Убрятова, 1950; ГСЯЛЯ, 1982 и др.], стала объектом специального исследования в диссертационной работе Д.И. Чирковой [Чиркова, 1998; 2013].

Главным значением грамматической категории принадлежности является значение реальной принадлежности. Однако, выражение реальной принадлежности не является единственным значением данной категории. Формы категории принадлежности выступают как морфологическое средство передачи самых разнообразных предметных связей. Помимо того, что притяжательные аффиксы выражают отнесенность предмета к какому-либо лицу, в якутском языке они могут указывать на соотношенность, принадлежность какого-либо действия, состояния, факта к определенному лицу. В качестве предмета в таких отношениях могут выступать вещи, явления, не обозначающие материальную, юридическую принадлежность. Таким образом, аффиксы принадлежности могут обозначать и относительную принадлежность.

При большей отвлеченности значений имени существительного, как указывает С.Н. Иванов, категория принадлежности "почти утрачивает связь с реальной семантикой принадлежности и выступает как показатель отношения к лицу" [Иванов, 1969, с. 101]: *кутталым* 'мой страх', *сэрэйиһит* 'наше предположение', *кырдьыга* 'его правда' и т.д. Например: *О, бу сорбутун!* (АА ТА 1969 16) 'О несчастье наше!'; – *Сымыһаҥ, ааспыкка эмиз иннэ диэбитин!* (О БДЭ 173) ' – Ты лжешь, в тот раз тоже так говорил!' (букв. неправда+твоя).

Притяжательными аффиксами может маркироваться положение участников ситуации в пространстве относительно говорящего, слушающего или 3-го лица. Это могут быть слова,

характеризующие пространственное расположение объектов, такие как пространственные послелого. Ср. парадигму личных форм пространственного послелога от основы *илин* 'перед' (даются формы дательного падежа, но возможны и формы остальных падежей):

Ед. ч.	Множ. ч.
1-е л. <i>иннибэр</i> 'передо мной'	<i>иннибитигэр</i> 'перед нами'
2-е л. <i>иннигэр</i> 'перед тобой'	<i>иннигитигэр</i> 'перед вами'
3-е л. <i>иннитигэр</i> 'перед ним'	<i>иннилэригэр</i> 'перед ними'

В неглагольных предложениях посредством притяжательного оформления послелога выражается принадлежность действия или события к какому-либо из трех лиц. Например, в сложном предложении: *Ол эрэн тыаттан санга кишрэдэххит, барыта – иннигитигэр* (ЕН ЭЖуодь 53) 'Но вы недавно переехали из улуса, у вас все *впереди*' зависимая часть не имеет грамматически выраженного глагольного лица и личного местоимения, но из-за оформления послелога аффиксом принадлежности 2-го лица множ. числа *-гит* идентифицируется отношение предстоящего события, факта к адресату – 2-му лицу множ. числа.

Притяжательные аффиксы, прикрепленные к именам существительным, устанавливают субъект действия, если глагол стоит в форме повелительного наклонения 2-го лица ед. числа, который имеет нулевой аффикс, т.е. выражен основой глагола: *Куоскам сүтэн хаалбытын көрдөө да көрдөө!* (ДС ААА 71) 'То, что *мой кот* пропал, *ищи* и *ищи!*' (=Я усиленно искала пропавшего моего кота); *Дьэ, били туурбут тиистэрин оннун, хаалан хаалбыт хайаҕаспын хаһан тигэллэрин күүтэн кэкэйэн олоҕ* (О БДЭ 155) 'Итак, *сиди жди*, напряженно выпрямив шею, когда наложат шов на ту самую *щель+мою*, образовавшуюся после удаления зуба' (=Я сидела, ждала, напряженно выпрямив шею, когда наложат шов на щель, образовавшуюся после удаления зуба). В данных предложениях с помощью притяжательного аффикса 1-го лица ед. ч. *-м* прикрепленного к существительным *куоска* 'кот', *хайаҕас* 'щель', узнаем субъекта действия – говорящего, выраженного основой глагола *көрдөө* 'искать' и *күүтэн олоҕ* 'сиди жди'.

Употребление имен прилагательных с аффиксами принадлежности в безличных предложениях с частицами *баар*, *бэрт* выражает модальность, сопровождаемую эмоциями удивления, изумления, негодования, возмущения и т.д. относительно лица, определенного аффиксом принадлежности: *Умнуганым да баара!* (ПТ ЧКК 94) 'Какой же я *забывчивый!*' (букв. *Забывчивый+мой* есть!); *Акаарын сүрүкэтин ньи, Сүөкүлээ!* (АА СК 1952 351) 'Как же ты чудовищно *глупа*, Фекла!' (букв. *Глупость+твоя* чудовищна). В подобных предложениях таким способом замещается именное сказуемое (ср. *Умнуганым да баара= Наһаа да умнугаммын!* 'Какой же я забывчивый!').

Аффиксы принадлежности могут служить в качестве показателя субъекта действия или состояния в субстантивах: субстантивированных причастиях и именах действия, "выражающих «опредмеченные» действия, т.е. действия, представленные как предмет" [Гузев, 1987, с.75], которые сохраняют при этом свою глагольную природу. Широкое использование форм категории принадлежности в тюркской речи, по мнению исследователей, следует объяснить тем, что "мышление людей, говорящих на тюркских языках, истолковывает или представляет многие объективные явления как предмет" [Гузев, 1987, с. 76].

Субстантивированные причастия с притяжательными аффиксами представляют опредмеченные действия-состояния, принадлежащие лицу, определенному посессивным аффиксом: *Билэрим диэн – инним хоту барыы* 'То, что я *знаю* – идти прямо' (букв. *Знающий+мой* – идти прямо); *Үөрэтэллэрэ билигин да элбэх* 'У них материала для изучения все еще достаточно' (букв. *Изучающий+их* все еще достаточно); *Билбэтэбэ-көрбөтөбө диэн суох* 'Нет того, чего он не *знает*' (букв. *Незнавшего, невидевшего+его* нет); *Кэппитэ – сэлээптэ, тунпута – торуоската* 'То, что он *носит* – шляпа, то, что *держит* – трость' (букв. *Надевший+его* – шляпа, *держащий+его* – трость).

При отглагольных именах, определяющих действие как процесс, персональность выражается по типу субстантивных причастий – к отглагольному имени прикрепляется притяжательный аффикс, определяя лицо носителя процесса: *Урут муус барарын көрбүтүн*

дуо? – Денис куолаһа кэннибиттэн иһиллибитэ. – Суох, бу маннайгы көрүүм (ДС ААА 15) ‘Раньше видела ледоход? – спросил Денис. – Нет, это мое первое видение’ (= я впервые увидела); *Ити Наташа Андрей ийэтинин аан бастакы кэпсэтиллэрэ этэ* (О БДЭ 210) ‘Это был первый разговор+их Наташи и матери Андрея’ (=они впервые поговорили); *Оскуола оҕолоро тугу эрэ көрдөөн, былыр үйэбэ бараттаан хаалбыт бэтэрээннэр хаартыскаларын эгин ирдэһиллэригэр син биир Биэрэбэ кэлбиттэрэ эрэ баар буолар* (О БДЭ 254) ‘Школьники всегда приходят к Вере, при поиске чего-либо, например, при их разыскивании фотографий давно умерших ветеранов’ (=когда они разыскивают).

В причастных атрибутивных конструкциях лицо исполнителя действия может быть выражено аффиксами принадлежности при определяемом. Такие конструкции получили название «причастный изафет», они употребляются, «когда определение выражено целым предложением с самостоятельным подлежащим» [Убрятова, 2006, с. 49]. Здесь посессивный аффикс определяет лицо действующего субъекта при определяемом и прикрепляется к существительному. Подлежащее такого предложения-определения, наличное или подразумеваемое, не принадлежит определяемому: *Арай, буспут эт куһуоччугун үрдүгэр ханнык эрэ, урут көрбөтөх үүнээйим сэбирдэбэ сытар* (Ч 2013 343) ‘На кусочке вареного мяса лежит лист какого-то растения, которое я ранее не видел’ (букв. не увидевший растение+мое). Эта способность причастного оборота с аффиксом принадлежности выражать лицо исполнителя действия зависимым придаточным предложением была отмечена еще О.Н. Бетлингом (1990). Она освещается также в работах других исследователей – Е.И. Убрятовой (1976), Н.И. Поповой (1992), Д.И. Чирковой (1998) – при описании синтаксических особенностей употребления причастий с аффиксом принадлежности.

Определительные конструкции могут быть сформированы причастиями на *-ар/-ыыр, -бат, -быт, -батах, -ых*. Как отмечает Н.И. Попова, «причастные определительные конструкции представляют весьма разветвленную систему, в пределах которой они различаются по двум основным критериям: а) по значению определяемого в его отношении к причастному определению и б) по внутренней структуре причастной конструкции» [Попова, 1992, с. 7].

Определяемое может быть словом, обозначающим объект действия, место действия и словом, обозначающим время действия. Например: *Биирдэ дьыбэ Андрей икки оҕото бэйэлэрэ олодохторуна, билбэт дьахтардара төлөнүөннэбитэ* (О БДЭ 210) ‘Однажды, когда двое детей Андрея сидели дома одни, позвонила незнакомая им женщина’ (=женщина, которую они не знают) (объект действия); *Чэ, ити быһаарбат дьыалам* (ИТ ДьХУИ 56) ‘Ну, это дело, которое я не решаю’ (букв. это нерешающее дело+мое) (объект действия); *Дьыбит бөһүөлэк кытытыгар турар буолан дьахтыыр хонуубут көстөн турар* (Ч 2013 318) ‘Наш дом находится на окраине поселка, поэтому то поле, где мы ловим бабочек, видно’ (букв. бабочки ловящий поле+наше видно) (место действия); *Олохсутардыы бырахпыт сирдэрэ хайа тэллэбэ туох да тутуута-хаххата суох аһаҕас сир этэ* (Ч 2013 453) ‘Место, где оставили обосновываться, оказалось подножием горы, открытым местом без какого-либо укрытия’ (букв. оставивший место+их) (место действия); *Онон бүгүн киниэхэ үлэтин түмүгүн көрөр күнэ* (Ч 2013 127) ‘Таким образом, для него сегодня тот день, когда он увидит результат своей работы’ (букв.видящий день+его результат работы) (время действия).

Некоторые такие причастные конструкции с переходными глаголами в современном якутском языке могут иметь пассивную семантику: *Астаабыт аһым* ‘Приготовленная мною еда’ и т.д. А атрибутивные обороты, показывающие время и место совершения действия, не могут иметь пассивную семантику.

Категория персональности в якутском языке является одной из ведущих семантических категорий, так как имеет грамматическое (морфологическое) выражение с доминирующим характером. Анализ показал, что центральные морфологические средства – аффиксы лица являются ядерными средствами выражения категории персональности в якутском языке и занимают приоритетное место из всех средств. Показатели лица, выражающие согласование сказуемого с подлежащим в лице и числе, и при отсутствии подлежащего самостоятельно

представляющие лицо-число производителя действия, в якутском языке бывают трех типов: 1) личные аффиксы сказуемости, образующие финитные формы глагола, способные также прикрепляться к деепричастиям, входящие в состав сложных лично-отнесенных модальных конструкций и участвующие при образовании именного сказуемого; 2) аффиксы принадлежности образующие финитные формы глагола, также прикрепляемые к причастиям при личном предикативном склонении причастий (как сказуемые зависимой части сложных предложений, как сказуемые простых предложений и в составе сложных лично-отнесенных модальных конструкций) и участвующие в образовании именного сказуемого в прошедшем времени; 3) особые личные аффиксы повелительного наклонения.

Так как категория лица составляет основу сказуемости, а также предопределяет типы простого предложения (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные), она выступает как синтаксически ориентированная категория.

Категория лица глагола, являясь одной из ведущих категорий глагола, имеет свое содержание, свою систему формальных показателей, выражающих различные отношения обозначаемого действия к его производителю. При наличии определенных условий контекста в значениях глагольных форм лица расширяется возможность функционального варьирования, что выражается в максимальной взаимозаменяемости форм всех трех лиц в единственном и множественном числе.

Личные формы глагола, кроме 6-ти общих парадигмообразующих значений, могут иметь расширенное и переносное значения. Расширенное значение категории лица глагола, т.е. вторичные значения личных форм, предопределяет типы односоставных предложений – обобщенно-личных и неопределенноличных. В синтагматических значениях форм лица интерес представляют переносные значения форм, обогащающие стилистические и эмоционально-экспрессивные возможности грамматических форм якутского языка.

Анализ показывает, что принятие якутскими деепричастиями аффиксов сказуемости является довольно регулярным явлением и характеризуется разнообразием условий применения в различных типах предложений. Оформление личными показателями деепричастных форм глагола имеет полифункциональный характер. Выяснилось, что личное спряжение деепричастий в якутском языке имеет свои обоснованные причины. Аффиксы сказуемости обязательно прикрепляются к деепричастию для: 1) установления лица деятеля действия в зависимой части сложного предложения, выраженного деепричастной формой при полисубъектных полипредикативных предложениях; 2) определения лица деятеля действия, если в простом предложении, где деепричастие употребляется в функции независимого сказуемого, отсутствует экспликатор лица в виде личного местоимения или личного аффикса прикрепленного к частицам; 3) выражения особой экспрессии в простом предложении с деепричастным сказуемым.

Оформление личными показателями предикативного склонения причастий имеет полифункциональный характер. В якутском языке оно служит для образования зависимой части синтетических моно- и полисубъектных полипредикативных конструкций, а также образуют простые сказуемые. Спряжение причастий аффиксами принадлежности без падежного склонения служит для образования зависимых предикативных членов в роли подлежащих предложений со значением субъекта при полипредикативных конструкциях.

Сложные аналитические личные конструкции делятся на конструкции с деепричастным и причастным составляющим с различными вспомогательными элементами в виде глаголов во вспомогательной функции, перифрастических глаголов, глаголов с модальным значением, модальных частиц, модальных слов, а также имен. В таких конструкциях лицо деятеля эксплицировано в аффиксах сказуемости и принадлежности, прикрепляемых к одному из этих компонентов. При конструкциях, состоящих из причастий или падежно-причастной формы и модальных частиц, также служебных модальных глаголов, аффикс принадлежности прикрепляется к причастию или падежно-причастной форме: *барыахпын сөп* 'мне можно идти', *барарым наада* 'мне нужно идти' и т.д. Аффиксы сказуемости или аффиксы принадлежности при свободных сочетаниях причастных форм с модальными частицами (*бэйэ, дылы, айылаах, үһү, уни* и т.д.) присоединяется либо к причастию, либо к частице: *барар үһүбүн* 'я должен идти',

барбыккын быһыылаах ‘кажется ты ушел’ и т.д. Аффиксы сказуемости и аффиксы принадлежности прикрепляются к обоим компонентам при конструкциях, состоящих из падежно-причастной формы и служебного глагола (*киинэбэ сылдьыахпын баҕарабын* ‘хочу пойти в кино’, *ыллаххына табыллар* ‘ты должен взять’, *барарбар тиийдим* ‘мне пришлось уйти’ и т.д.).

Слова именных частей речи, выступающие в функции сказуемого, представляют собой именную категорию сказуемости, являющейся своеобразным грамматическим явлением в тюркских языках, в том числе и якутском языке. Внутри данной категории выявляются изъявительная (настоящее-неопределенное время, будущее время, прошедшее время) и субъективная модальность (в сочетании с модальными частицами: *курдук, үһү, эбит*). Время и модальность в них выражаются с помощью связок с обязательным личным оформлением. Лицо в связке выполняет чисто синтаксические функции, указывая на соотносительность признака, содержащегося в именной части сказуемого, с определенным лицом. В отличие от глагольного сказуемого, именной предикат представляет самого носителя признака, свойства, вещь в статичном качестве

Установлено, что к пространству ближней периферии ФСП персональности относятся периферийные морфологические средства – посессивные аффиксы. Здесь разные по структуре высказывания объединяются материально выраженной персональной актуализацией – посессивными аффиксами, выражающими принадлежность, отнесенность действия, состояния, представленного как предмет, а также качества как сообщаемого факта по отношению к участникам ситуации речи. Таким образом, аффиксы принадлежности, обладая дифференциальным признаком посессивности, и в то же время, признаком лица, т.к. как маркер лица соответствуют именно трем лицам: говорящему, слушающему и 3-му лицу, имеют непосредственное отношение к выражению семантики персональности.

Из вышеизложенного можно убедиться в тесных связях и широком взаимодействии категории лица с другими функционально-семантическими категориями: модальности (сопряженность категорий лица и наклонения, обременение аффиксами лица модальных глаголов, модальных слов, частиц), количественности (неотделимость аффиксов лица и числа), посессивности (функционирование аффиксов принадлежности, выступающих как центральные морфологические средства в составе сложных аналитических конструкций, а также в качестве периферийных морфологических средств в изафетных конструкциях).

Итак, анализированный материал позволяет констатировать, что данная категория является одной из основополагающих в системе якутского языка, выполняет важную роль в формировании предикативного ядра предложения, а также реализации коммуникативного потенциала отдельного высказывания.

Раздел 3.

Категория определенности-неопределенности: семантика лексических средств выражения

В лингвистике анализ категории определенности-неопределенности в основном осуществлялся в связи с изучением артиклей. Однако артикль не является основным или единственным показателем, определяющим данную категорию, что было доказано в исследованиях последних лет. Одним из основных принципов функциональной грамматики является направление от семантики к средствам выражения, используемое для выявления средств выражения мыслительно-речевой деятельности говорящего. В каждом языке выражение категории определенности-неопределенности по внутренней организации, по функциональной семантике специфично, имеет свои индивидуальные особенности. Считается, что в языках без артикля категория определенности-неопределенности является “скрытой” и выражается комплексом взаимодействующих средств, принадлежащих разным языковым ярусам. В безартиклевых языках данная категория является не грамматической, а функционально-

семантической: все средства ее выражения (морфологические, лексические, синтаксические) зависят от семантического содержания.

В якутском языке специальных работ, посвященных проблеме категории определенности-неопределенности, нет, существуют замечания обобщенного и фрагментарного характера в работах по грамматике и стилистике. Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью изучения данной категории в якутском языке в свете проблем и принципов функциональной грамматики, стилистики, культуры речи.

В данном исследовании представлены результаты рассмотрения лексических средств функционально-семантической категории определенности-неопределенности.

Имена существительные

В якутском языке имена существительные делятся на два типа. К первому типу относятся слова, отвечающие на вопрос *ким?* 'кто?'. Этот вопрос относится только к людям. Имена существительные первого типа обозначают человека по имени, возрасту, родству, социальному положению, по специальности или роду занятий. Вторым типом являются имена существительные, отвечающие на вопрос *туох?* 'что?'. Ко второму типу относятся предметы и опредмеченные, отвлеченные понятия, а также одушевленные предметы, кроме людей.

Именами существительными второго типа, несущими в себе определенную семантику, являются слова, обозначающие уникальные объекты. К уникальным относятся объекты, которые понимаются как единственные по своей природе и в этом проявляется их определенность. Как и во многих языках, в якутском языке они представлены именами существительными, называющими уникальные референты: *кун* 'солнце', *ый* 'луна', *халлаан* 'небо', *сир* 'земля' земной шар'. Примеры: *Кун тиит баһыгар ойдо* (АФ КК 1980 5) 'Солнце поднялось на верхушке лиственницы'; *Сайынны килбиэннээх кэрэ кун киэн халлаан кэтит өрөбүтүгэр тиийэн турбута* (ЭЭ А 1969 280) 'Прекрасное летнее солнце стояло на зените широкого неба'; *Ол алаас сабатыгар ый дьэлтэйдэн, топтут киһи курдук сирэйэ төгүрүйдэн тахсыбыт* (СО А 1996 116) 'Круглая луна, похожая на лицо сытого человека, взошла на опушке того аласа'; *Туолбут ый тыа быһыгар ыйаммыт курдук санныйбыт* (АФ КК 1980 151) 'Полная луна сникла, как будто ее повесили посередине леса'; *Бий мунтуур үрдүккэ тахсан, ураты сырдаан, алаас иһэ дьикти үчүгэйдик туналыйан көстөр* (РК КК 2003 121) 'Из-за того, что луна взошла на самую высоту и светится особенно, в аласе все видно в удивительно хорошем сияющем свете'; *Халлаан чугуун курдук бүрүллүбүт* (СО 1996 99) 'Небо как чугуном покрылось (тучами)'; *Халлаан кылбаччы халлыбыт, хоту диэкиттэн сөрүүн тыал үрэр* (АФ КК 1980 9) 'Небо начисто прояснилось, с севера дует прохладный ветер'; *Ийэ сир изнигэр күөх уйгу, быйан ыһыаба ыһылынна, норуот дьолугар күөх сирэм түнгэтилиннэ* (СО А 1996 84) 'На земле-матери проведен ысыах зеленого изобилия, на счастье народу роздана земля'.

Неопределенную семантику имеют парные существительные, обозначающие понятия в общем, обобщенном плане: *аба-ийэ* 'родители', *иһит-хомуос* 'кухонная утварь', *танас-сап* 'всякая одежда', *ас-үөл* 'всякая еда, пища', *көтөр-сүүрэр* 'животный мир', *кус- хаас* 'водоплавающие птицы', *от-мас* 'растительность' и т.д. Парное существительное по сравнению с каждым из своих компонентов имеет более широкое и обобщенное значение. В аспекте проблемы определенности-неопределенности оппозицию к парным существительным составляют имена существительные, составляющие обозначаемые ими понятия в отдельности. Например, *аба-ийэ* 'родители' – *аба* 'отец', *ийэ* 'мать'; *иһит- хомуос* 'кухонная утварь' – *чааскы* 'чашка', *тэриэлкэ* 'тарелка', *миискэ* 'миска'; *танас-сап* 'всякая одежда' – *ыстаан* 'штаны', *ырбаахы* 'рубашка, платье', *сон* 'пальто'; *ас-үөл* 'всякая еда, пища' – *алаады* 'оладьи', *лэппиэскэ* 'лепешка', *баахыла* 'вафли'; *көтөр-сүүрэр* 'животный мир': *бөрө* 'волк', *саһыл* 'песец', *куобах* 'заяц'; *кус-хаас* 'водоплавающие птицы': *көбөн* 'селе-зень', *чөркөй* 'чирок'; *от-мас* 'растительность': *тиит* 'лиственница', *хатын* 'береза', *ньургу- һун* 'подснежник'.

В якутском языке некоторые семантические группы существительных употребляются почти всегда или преимущественно в форме принадлежности. В зависимости от употребления

аффиксов принадлежности с различными именами существительными, исследователями выделены следующие лексико-семантические группы:

1. термины родства: *ийэ* 'мать', *аба* 'отец', *эһэ* 'дедушка', *эбэ* 'бабушка', *кутүөт* 'зять', *кийиит* 'невестка' и т.п.;

2. названия частей тела: *төбө* 'голова', *сирэй* 'лицо', *илии* 'рука', *атах* 'нога', *сүрэх* 'сердце', *быар* 'печень' и т.д.;

3. существительные, обозначающие пространственные отношения: *үрүт* 'вершина, верхняя часть чего-либо', *алын* 'низ, нижняя часть чего-либо', *ис* 'внутренность, пространство внутри чего-либо', *илин* 'передняя часть', *кэлин* 'задняя часть';

4. названия предметов личного обихода, орудий труда, оружия, средств передвижения: *иннэ* 'иголка', *тараах* 'расческа', *тангас* 'одежда', *иһит* 'посуда', *массыына* 'машина, автомобиль' и т.п.;

5. названия предметов, которые естественно связаны с другими предметами: *аан* 'дверь', *модьобо* 'порог', *түннүк* 'окно', *үөлэс* 'дымоход', *хаппах* 'крышка', *тутаах* 'ручка' и т.п.;

6. существительные, обозначающие абстрактные понятия: *олох* 'жизнь', *дьол* 'счастье', *үөрүү* 'радость', *санаа* 'думы', *иэйии* 'вдохновение', *эрэл* 'надежда', *итэбэл* 'вера', *таптал* 'любовь';

7. названия слов-обращений: *ийэкээм* 'мамушка моя', *хотунуом* 'госпожа моя', *тойонуом* 'господин мой'; ласкательные слова: *чыычаабым* 'птичка моя', *көмүһүм* 'золотце мое', *сэгэрим* 'дружочек мой' и т.п.

Существительные, относящиеся к вышеприведенным лексико-семантическим группам, в основном употребляются с аффиксом принадлежности и в таких случаях они всегда обладают семантикой определенности.

Оппозиция определенность-неопределенность в якутском языке представлена именами собственными и нарицательными. Собственные имена выражают индивидуальные наименования отдельных лиц, предметов или явлений, выделяющих их от других однородных с ним лиц, предметов или явлений. К собственным именам относятся антропонимы, топонимы, названия организаций, предприятий, периодических изданий, произведений искусства и т.д.: *Кюостук оскуола аттыгар тохтоон, автобус аанын аспытыгар, быйыл оскуоланы бүтэрэн эрэр оҕолор кутулла түстүлэр* (БП Ө 2003 36) 'Когда Костик остановился рядом со школой и открыл двери автобуса, (автобус) заполнили учащиеся, заканчивающие школу в этом году'; *Мөрүөн бэйэтэ да өтөхтөн этэ тардар* (ДТ СА 2004 123) 'И у самого Мирона мурашки по спине от этого заброшенного дома'; *Булүү күөх урсун кылгаата, кэтирээтэ, түгэбэ сандарда, муус манган кумаба туртайда* (ЛП К 2004 136) 'Голубые волны Вилюя укоротились, расширились, засветилось ее дно (реки), побелели ее белоснежные пески'; *Таас Тумуска Сангаардаан иһэр айан дьоно бөбө хаайтаран, киһи элбээтэ* (НЛ ТТ 1984 18) 'Из-за того, что в Таас Тумусе многие, ехавшие до Сангара, задержались, людей стало больше'; *Бу күннээҕи "Эдэр коммунист" нүөмэригэр үһүс страницатыгар элбэх автордар хоһооннорун быыһыгар мин биир хоһоонум кыбыллыбыт этэ – "Өйдүүрүҥ дуу, умнубутун дуу..."* (НХ ТА 2003 149) 'На третьей странице сегодняшнего номера "Эдэр коммунист" среди стихов многих авторов было помещено одно мое стихотворение – "Помнишь ли, забыл ли... »'.

Нарицательные имена обобщенно обозначают предмет и опредмеченное понятие: *Тимир саа курдук харыстабыллаах туох да суох, дьэбингэ сизпэккэ, куруук сото-ыраастыы сылдыаллар* (ФЗ Т 2002 54) 'Нет ничего дороже, чем железное ружье, не давая ржавчине проесть, его постоянно чистят-протирают'; *Татымы күүркэтэн, быһаҕаһы үлүннэрэн, дьоллооххо дьолун, сордооххо сорун сытыырхатар ас* (НЛ ТТ 1984 20) 'Слабого перевозносив, среднего увеличив, обостряющая счастье счастливому, горе несчастному пища'; *Автобус иһэ эмискэ эдэр сааһы, күлүүнү, мэниги хаалаабыт курдук үллэ түспүтэ, куу-хаа буолбута* (БП Ө 2003 36) 'Внутри автобуса вдруг стало больше, шумно, как будто туда поместили молодость, смех, забаву'.

Собственные имена несут в себе семантическую нагрузку определенности. Их основное свойство выражено в тесной связи с единичным конкретным объектом. Наричательные имена не требуют определенности. Обратимся к примеру: *Уолаттар Баһыыкка оҕонньорго дьизлэнэн, хата, бэркэ абыраннылар* (ФЗ СС 1999 141) 'Молодые люди, поселившись у старика Васильки, впрочем, очень хорошо устроились. Имя нарицательное во мн. ч. *уолаттар* 'мальчики, юноши,

молодые люди' в качестве подлежащего неопределенно, какие-либо конкретные сведения, характеризующие его, отсутствуют. В этом примере дополнение *офонньорго* 'у старика' имеет примыкающее определение, выраженное собственным именем *Баһыыкка*. Наричательные имена, указывающие возраст, пол, общественное и служебное положение какого-либо лица, являются именами общих понятий. Однако в сочетаниях с собственными именами они, обозначая возрастное или общественное положение описываемого лица, приобретают оттенок определенности: *Микиитэ эһэтэ Молоох Миитэрэй офонньор онно маастар* (АА СК 1994 61) 'Дед Никиты Молоох Дмитрий в том мастер'; *Өлөөнө эмээхсин, тэлгэһэттэн да тахсар кыаба суох киһи, балаҕаныгар хаалла* (СМ ИК 2009 138) 'Старуха Елена, человек, не способный даже выйти со двора, осталась в своей юрте'; *Сытыы-хотуу Аня кыыс тутта харчы хомуйда уонна хоспутун өрөмүөннүүхпүтүн наада диэн быһааран кэбистэ* (АН СК 2011 39) 'Шустрая-бойкая девочка Аня сразу собрала деньги и объяснила, что нам необходимо сделать ремонт в комнате'; *Арай Даайа кыыс хаадьыласпат, саҕата суох Иваны көрөн хаалар* (АФ КК 1980 36) 'Только девушка Дария не дразнится, молча смотрит вслед Ивану'; *Арай Чөөчө эрэ уол ыксаан, чугастыы үгэххэ саста* (СО А 1996 91) 'Только мальчик Чөөчө от безвыходности спрятался в ближайшем чулане'; *Дөлүһүн атыыһым дэлэ ньуолбар киһи буолбатах этэ* (ИГ ХК 1977 59) 'Купец по имени Делусуен был очень жуликоватым человеком'.

В случаях, когда имена нарицательные сочетаются с именами нарицательными в определительные конструкции, основанные на примыкании, они уточняют общее понятие частным: *Продавец дьахтар, үйэ-хайа уруулара, урут бэһирбэт бэйэтэ, бэйэтинэн дьаһайан бэрдэрбитэ* 'Женщина-продавец, их дальняя родственница, раньше не проявлявшая расположенности к ним, сама распорядилась дать ящик' (ХС 1975 8 55); *Лаборант дьахтар пробиркалары ылаттаан биэрэр, химическэй реакциялар ааттарын этэр* (АФ КК 1980 56) 'Женщина лаборант подает пробирки, оглашает названия химических реакций'; *Бизлэсэр кыыс бэл мин көрөрбөр эдэрэ сүрдээх, саҕа үөрэбин бүтэрэн кэлбит быһыылаах* (СМ ИК 2009 125) 'Девушка фельдшер, даже на мой взгляд, слишком молода, видимо, приехала, только закончив учебу'. В приведенных примерах нарицательные имена существительные *дьахтар* 'женщина', *кыыс* 'девушка', указывающие на половой и возрастной признак лиц, определены именами нарицательными *продавец*, *бизлэсэр* 'продавец, фельдшер', которые обозначают человека по специальности.

В якутском языке семантика имен существительных, основанная на оппозиции определенности-неопределенности, зависит от контекста.

При первом упоминании имена собственные и нарицательные понимаются как неопределенные. Обратимся к примерам: *Ира уһугунна. Түннүк саһархай өҥнөөх иторалара, күн уота тыган, ордук кытарамтыйа саһараллар. Бэл хос иһэ эмиэ саһарбыкка дылы. Ира ороно сылааһа сүр* (АФ КК 1980 46) 'Ира проснулась. Шторы окна желтого цвета при солнечных лучах еще красновато желтеют. Даже вся комната озарилась в желтом цвете. Постель Иры очень теплая'. В данном примере собственное имя *Ира* впервые вводится в первом же предложении произведения, состоящем только из подлежащего (*Ира*) и сказуемого (*уһугунна* 'проснулась'). Собственное имя указывает на половую принадлежность субъекта: *Ира* – краткая форма женского имени *Ирина*. Употребление именно краткой формы собственного имени предполагает приблизительный возраст выраженного им субъекта – героиня рассказа девочка или девушка. Предложение, являющее собой предикативный узел, не представляет дополнительную информацию о субъекте. Второе упоминание собственного имени в четвертом предложении в качестве определения, обозначающего обладателя притяжательного имени *ороно* 'ее кровать', уже несет смысловую нагрузку определенности.

Рассмотрим следующий пример: *От, бурдук үлэтин саҕана холкутуур наада. Сабыалый, харабын симэн, үөл-дүүөл утуйан испитэ. Ыраас халлаан арыл гынна. Ситэ аһыллыбакка, кыратык хаачыргаан ылар аанынан көстөр эбит. Сырдык түүн халлаана ордук дьэҥкэрбит да, дьураа курдук. Ону кытта күөх хонуу солко куһаат курдугу дьэриллээбит. Сайылыгын халбанынан кыракый чөмөх мутук-амынньар киирээри үнүөхтүүр... Түүн уни? Сайылык күнүскү ампаалыга суох, ньым курдук. Сырдык халлаан дьырбиитин анныгар аллараа, кэдээҥнэ*

тулар хатын манган сотото кылбайбыт. Хатын күөх лабаатынан таарыйан, чөмөх амыннылары иһирдьэ үтүрүүэн ээр дуу? Бэрт холкутук утууаары, сынньанаары сыппыт Сабыалый, ыал аҕата, холку (АС КДБ 1995 5) Перед работами сенокоса, сбора пшеницы необходимо расслабиться. Савелий, закрыв глаза, постепенно засыпал. Открылось чистое небо. Видно, оказывается, из не до конца открытой, но немного скрипучей двери. Небо светлой ночи еще прояснилось, но похоже на линию. Вместе с тем зеленый луг выдвинул что-то похожее на шелковый кушат. Через двери его летника пытается зайти маленький собранный пучок кустарника... Это, наверно, сон? В летнике, без дневного шума, тихо. Снизу светлой полосы неба, внизу, белеет белая голень березы, стоящей у склона. Это береза, дотрагиваясь своими зелеными ветками, толкает пучок кустарника во внутрь летника? Очень спокойно лежавший заснуть, отдохнуть Савелий, отец семейства, спокоен. В данном сложном синтаксическом целом (далее – ССЦ) собственное имя *Сабыалый* 'Савелий' впервые введено во втором предложении в качестве подлежащего. Кроме того, что оно выражает принадлежность субъекта к мужскому полу, другой информации в себе не несет. Ни в первом, ни в последующих предложениях сведения, характеризующие данное лицо, отсутствуют. Только в последнем предложении, завершающем сложное синтаксическое целое, собственное имя *Сабыалый* 'Савелий' упоминается второй раз. Оно представлено в качестве подлежащего, при этом его определенность дополнительно уточняется приложением изафетного сочетания *ыал аҕата* 'отец семейства'.

Неопределенность субъекта при первом введении собственных имен может быть подчеркнута количественным числительным *биир* 'один': *Суол аанын диэки уон иккилээх кэрингэ Уйбаанчык диэн уоллара биир килээр-малаар көрбүт Макаар диэн кэргэн кииһилин атыыр обус баһын сүлэн биликтии олордугар* (СО А 1996 67) Рядом с дверью их сын Иванчик, которому около двенадцати лет, с одним невнимательно глядевшим своими широкими глазами человеком-прислугой по имени Макаар, сидя, разделявали голову быка.

Однако, если при первом упоминании собственные имена имеют определение, то они являются определенными. Пример: *Саха тылын учуутала Киргизэлэй бүгүн оҕолорун мунньан, күөл үрдүгэр тиһэх уруогун биэрэ олорто* (НЗ М 2003 45) Сегодня учитель якутского языка Григорий, собрав своих учеников, над озером проводил свой последний урок. В этом предложении имя собственное *Киргизэлэй* Григорий вводится в текст рассказа впервые. Оно определено изафетным определением *саха тылын учуутала* 'учитель якутского языка'. В другом примере имя собственное при первом упоминании выражено в форме принадлежности в 1 л., ед. ч. *Үрэнчэм 'моя Юрэнчэ'*, таким образом оно изначально представлено как определенное: *Сайынны түүнгэ сээдьэни оһуокайдыыр дьон ортотугар кизг, хара харахтаах мин таптыыр Үрэнчэм наскыйа хаама сылдыара буолуо дии саныыбын* (АФ КК 1980 57) Летним вечером среди людей, танцующих сээдьэ, как я думаю, неторопливо ходит моя любимая Юрэнчэ с широкими черными глазами. При этом также имеет определение *кизг, хара харахтаах мин таптыыр* 'с широкими черными глазами моя любимая', что подчеркивает его определенную семантику. Следующий пример: *Сайынны күн тахсыытын саҕана толоону мунунан туолбут ынах сүөһү үөһүн ортотуттан, били маньыһым Лука сайдыыр сангата алаастары, тыалары быыстарынан дуораһыйарын ити кэмгэ киһи үксэ истэрэ* (ДТ СА 2004 216) Во время рассвета посередине луга, заполненного рогатым скотом, многие слышали понукающий голос того пастуха Луки, доносящийся над аласами, лесами. В данном предложении впервые введенное имя собственное Лука 'Лука' имеет определение *били маньыһым* 'тот пастух', в котором указательное местоимение *били* 'тот' усиливает его определенную семантику.

Собственные имена, поясненные приложением, при первом введении также понимаются как определенные: (1) *Василина Васильевна, бу оҕолор классводтара, бүтэһик переменаҕа учительскайга киһирэн олорон, учууталлар кини кылааһын үөрэнээччилэрин туһунан кыратык да мөбүттэн санарбаттарын бэлиэтээтэ.* (2) *Тохсус "э" оскуолаҕа ыарахан собус кылааһынан аатырар.* (3) *Ордук уолаттар сүгүннээбэттэр, кыргыттар да кинилэртэн хаалсыбат буолан ылаллар.* (4) *Куорат оскуолатын бары кылаастарыгар арааһынай баар буолааччы.* (5) *Оттон бу тохсус "э" оннук үлүгэр шимэбэ баппатах куһаҕан буолбатах эрэри, учууталлар бары ордук бу кылаастан өлбүт-быстыбыт тэнэ тутталлар.* (6) *Тобо оннугун Василина Васильевна кыайан*

бынаарабат (ПА А 1994 3) 'Василина Васильевна, классвод этих ребят, сидя в учительской во время последней перемены, заметила, что учителя не делают никаких устных замечаний по поводу учеников из ее класса. В школе девятый "г" известен как трудный класс. Особенно юноши не унимаются, иногда и девушки от них не отстают. Во всех классах школ города бывают разные дети. А этот девятый "г" не такой уж и безнадежный, но все учителя делают вид, как будто они страдают только от этого класса. Почему так Василина Васильевна не может объяснить'. Данное ССЦ состоит из шести предложений. В первом предложении собственное имя *Василина Васильевна* введено впервые, снабжено приложением *бу оболор классводтара* 'классвод этих ребят'. Указательное местоимение *бу* 'вот этот, вот это' в приложении, соотносящее данное ССЦ с предыдущим, является одним из средств межфразовой связи в рассматриваемой конструкции. Таким образом, приложение, поясняющее впервые введенное собственное имя, связывая его с содержанием предыдущего ССЦ, не только указывает на его определенность, но и уточняет его. Второе упоминание собственного имени, осуществленное в последнем предложении данного ССЦ, воспринимается уже как известное, поэтому какие-либо пояснения в виде определения или приложения отсутствуют.

Первое введение собственного имени иногда сопровождается с деепричастием *диэн* 'называемый' и последующим за ним нарицательным именем. Такие сочетания часто имеют определение или приложение. Собственное имя и нарицательное имя в них выступают как определенные: *Кини аттыгар бурүүлээх остуолга үрүмэччи бэйэлээх Настя диэн үөрэнэр кыыстара альбом кинигэтин ойуулуу олоодо* (СО А 1996 67) 'Рядом с ним сидя за столом-бюро, их похожая на бабочку девочка Настя, которая учится, рисовала в альбоме-книге'; *Толугур диэн чонкучах, тулаайах алааска иккиэйэх оё баара* (СО А 1996 111) 'В одиноком сиротливом аласе Толугур было двое детей'; *Марба чугас Туораах диэн ыалга, нэһилиэк баайыгар, хамнаска киирдэ* (К КТС 2000 95) 'Марба устроилась недалеко на работу у семейства Туораах, у богача наслега'; *Аана диэн Көстөкүүн ойоё, эриччи халпыт быыкаайык дьахтар, соботобун дьэитигэр үлэли сылдьар, дьаданылара бэрт буолан, саллайар саастарыгар биир эмэ хамначчыты киллэрбэтэх дьон этилэр* (К КТС 2000 110) 'Жена Константина по имени Анна, маленькая худая женщина, одна работает по дому, они были настолько бедны, что на своем веку ни одного батрака в доме не держали'.

Иногда первому введению собственных имен посвящаются целые предложения. В них собственное имя дается в качестве подлежащего, а имя нарицательное является сказуемым, они понимаются как определенные: *Макаар – балабан бахылыга, алаас ытык иччитэ, арбахтаах эһэ бэйэтэ тахсан сылдьарын курдук обонньор* (СО А 1996 101) 'Макар – владелец юрты, уважаемое божество аласа, старик, похожий на медведя, который из своей берлоги'; *Бэл, таһынаабы Миитэрэй – тракторист* (Д ДьС 1978 36) 'Даже соседский Дмитрий – тракторист'; *Захар Титович – сулууспалаах, нэһилиэк советын секретара* (АФ КК 1980 143) 'Захар Титович – служивый, секретарь совета наслега'.

Нарицательные имена, имеющие в качестве определения или приложения собственные имена, при первом упоминании носят семантическую нагрузку определенности: *Бис ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхин, бис ынабын үтүн иһэ-иһэ, арыытын сии-сии, ыал буолан олодор* 'Старуха Бэйбэрикээн с пятью коровами жила своим хозяйством, выпивая молоко и питаясь маслом от своих пяти коров' (ЭГ СО 1996 110); *Доропуун обонньор сэттэ уон сэттэтэ* (НЗ М 2003 79) 'Старику Дорофею семьдесят семь'; *Сага дьукаахпытын, Григорий Ивановичы, биһиги палатабыт дьоно маннай сэнээрбэтэхтэрэ, онтон соһуйбуттара* (НЗ М 2003 250) 'Нашего нового соседа, Григория Ивановича, люди из нашей палаты сначала не заметили, а затем удивились'.

В тексте собственные и нарицательные имена часто используются как синонимы. Например, если при первом введении понятие (предмет, лицо) представлено собственным именем, то последующее его упоминание может быть обозначено нарицательным именем, который является контекстуальным синонимом и воспринимается как определенное: *Айа ис-иһиттэн дуоһуйан, үөрүөх-көтүөх санаата тийэн кэллэ. Бүгүн ийэтинин олох-дьаһах комбинатыгар сакаастаан тиктэрбит муус манан, мааны да мааны былааччыатын ылан кэлбиттэрэ. Кыыс, хоһугар*

киирэн, кичэллээхтик ыйанан турар былааччыйатын ыскааптан таһаарда (АН СК 2011 5) У Ай, искренне довольной, было радостное настроение. Сегодня со своей матерью забрали ее белоснежное, нарядное да нарядное платье, которое они заказали в бытовом комбинате. Девушка, зайдя в свою комнату, вытащила из шкафа аккуратно висевшее там свое платье. В приведенном отрывке имя собственное *Аайа*, которое является женским именем, впервые введено в текст произведения, и так как не имеет ни определения, ни приложения, указывающих на его возрастной, социальный признак, понимается как неопределенное. Информация о субъекте дается постепенно в последующих предложениях. В третьем предложении вместо собственного имени *Аайа* подлежащее обозначено нарицательным именем *кыыс* 'девушка', что представляет информацию о возрастной характеристике субъекта. Таким образом, в данном случае собственное имя *Аайа* и нарицательное имя *кыыс* 'девушка' являются контекстуальными синонимами. При этом нарицательное имя *кыыс* 'девушка' имеет семантику определенности.

Часто при первом введении в текст понятие (предмет, лицо) обозначается нарицательным именем, тогда оно воспринимается как неопределенное. Последующее его упоминание, выраженное или определенное собственным именем, носит семантику определенности. Обратимся к примеру: *Арай ол иһэннэр айан суолугар биир хара сэлээппэлээх, үгүс бабайы кинигэни былалаан баран санныгар сүкпүт, сэгийэтигэр хойуу саһархай бытыктаах, халлаан өгүн курдук сыт-сырдык харахтаах кииһини көрсө түстүлэр. Дьаакыт өйдөөн көөртө – били ааттаах Владимир диэн судаарыскай иһэр эбит* (СО А 1996 79) Вдруг они на дороге встретили человека с черной шляпой, с желтой бородой, с ясными глазами цвета неба, который нес на своем плече много книг, связанные веревкой. Яков внимательно посмотрел на него – это шел тот известный государственный (политический ссыльный) по имени Владимир. В этом отрывке контекстуальными синонимами являются нарицательное имя *киһи* 'человек', представленное в форме винительного падежа *киһини* 'человека' в функции дополнения в первом предложении, а также собственное имя Владимир, изложенное в сочетании определения *били ааттаах Владимир диэн* 'тот известный по имени Владимир', и нарицательное имя *судаарыскай* 'государственный' в значении 'политический ссыльный' в качестве подлежащего во втором предложении: *киһини – Владимир – судаарыскай*. Во втором предложении нарицательное имя определено сочетанием, в состав которого входит собственное имя. Поэтому оно понимается как определенное.

Рассмотрим другой пример: *Бу киһэ дьиз дьонго бүтүннүүтүгэр күндүтүк көстөр ытык хоноһо баара. Кини үрдүк уңуохтаах, хара бараан дьүһүннээх, бэскилээх баттахтаах, Охоноһой диэн киһи этэ* (ДТ СА 2004 5) В этот вечер был уважаемый гость, дорогой для всех домочадцев. Он был высокий, смуглый, с бакенбардами человек по имени Афанасий. Синонимический ряд, представленный в контексте данного примера, выглядит следующим образом: *хоноһо* 'гость' – *киһи* 'он' – *Охоноһой* 'Афанасий' – *киһи* 'человек'. В первом предложении подлежащее выражено нарицательным именем *хоноһо* 'гость'. Во втором предложении подлежащее обозначено местоимением 3 л., ед. ч. *киһи* 'он', оно выражает тот же субъект, представленный в первом предложении именем существительным *хоноһо* 'гость'. Именное составное сказуемое во втором предложении содержит в себе нарицательное имя *киһи* 'человек'. Собственное имя *Охоноһой* 'Афанасий' состоит в составе определения. Имя существительное *хоноһо* 'гость' в первом предложении воспринимается как неопределенное, имя нарицательное *киһи* 'человек', определенное распространенным определением, в состав которого входит собственное имя *Охоноһой* 'Афанасий', является определенным.

Такое использование имен нарицательных и собственных, осуществленное на основе оппозиции определенности-неопределенности, выступает одним из приемов художественного слова, с помощью которого составляется текст произведения, вносится интрига в развитии его сюжета. Так, приведем следующий отрывок из произведения Д.К. Сивцева-Суорун Омоллоона:

1. (1) Ханнык эрэ кубарыйбыт эргэ хортуустаах, санга сиидэс ырбаахылаах, алтан бирээс-килээх саары этэрбэһин салан собустук кэппит, уңуобунан үрдүк, саас ортолоох киһи быллыргыта ааттаах, аны түөһэйэ быһыытыыйбыт, сиппилибит улаан аты миинэн хаамтаран кирдиэхтээн истэ. (2) Кини тириппит-хоруппут, дэйбииринэн өр буола-буола сапсынан ылар

уонна, өссө утуктаан тонгох гынан ыла-ыла, уутун үргүтээри гыммыттыы, ол-бу диэки көрөн ылаарынныыр. (3) Ата аат эрэ харата хааман, төбөтүн таннары туттан сингнэрэйдэтэ-лээн иһэр. (4) Кинилэр уга өттүлэригэр, суолтан чугас, үс мас күрүү саба үрдүк ньэчимиэн бурдук үүнэн арабастыйан турар. (5) Бу бурдук, үөһэттэн көрдөххө, биир кэм алтантан куппук курдук мөлбөйөр.

(6) Барыта төгүрүччү им-ным, барбах ат эрэ туйаба хаппыт суолга бытаан собуустук лабыгырыыр уонна туох барыта куйаастан буһан, сасыкка дылы...

II. (1) Эмискэ арай дьахтар сангата: “Хабырыыс!” - диэн аргый киһини ынгырда.

(2) Киһи дьик гына түстэ уонна, ээ, төрүт утуктуу иликпин диэх курдук, мунгунан көрөн, эргиллэ хайыспыта – ойоһоһугар, бурдук быһыгар, кубаҕай сирэйдээх, ырбаахытын былаа-тынан бөрөнө курдаммыт дьахтар, буруйдаах киһилии төбөтүн төҥкөччү туттан баран, сирэртин биитин көрбөхтүү турар эбит.

(3) – Ээ, Өкүлүүн эбиккин дуу. Бу манна тоҕо кэлэн турабын? – диэн били аттаах киһи ыйытта.

(4) – Бу манна, Ньукуондурдаахха бурдук быстара ыппыттара.

(5) – Ээх дээ, – Хабырыыс атын хаамтара турда (СО, 1996, с. 63).

I. (1) Ростом высокий среднего возраста человек в каком-то выцветшем старом картузе, в новой ситцевой рубашке, надевший как-то неаккуратно кожаные торбаза с медной пряжкой, ехал на коне, бывшим когда-то знаменитым, а ныне престарелым, который шел тяжелой поступью. (2) Он вспотел, временами взмахивает махалкой и, еще засыпая, склоняя голову, как будто стараясь прогнать сон, посматривает по сторонам. (3) Его конь еле идет, понунив свою голову. (4) Справа от них, недалеко от дороги, с высотой с изгородь, растет, желтеет высокий ячмень. (5) Если посмотреть на эти зерна ячменя сверху, то они выглядят, круглятся так, как будто вылиты из меди.

II. (1) Вдруг женский голос осторожно позвал человека: “Гаврил!”.

(2) Человек вздрогнул и, как будто убеждая, что он не засыпал, повернулся с широко раскрытыми глазами – сбоку от него, посередине ячменя, склонив свою голову как виновный человек, поглядывая на лезвие своего серпа, стояла женщина с бледным лицом, повязавшая свое платье платком.

(3) – Аа, Акулина, это ты. Ты почему здесь стоишь? – спросил тот человек на коне.

(4) – Отправили сюда, к Никандру и его семейству, чтобы я собрала ячмень.

(5) – Ах да, – Гаврил повел своего коня дальше.

Данный отрывок состоит из двух ССЦ. В первом из них даются описание человека, его лошади и окружающей их природы. Первые два предложения имеют общий субъект, представленный нарицательным существительным *киһи* ‘человек’ и местоимением *кيني* ‘он’. Шестое предложение, концовка данного ССЦ, обособлено в отдельный абзац, в нем изложено об общем состоянии места действия: *Барыта төгүрүччү им-ным* ‘Вокруг все тихо’. Состояние, выраженное данной концовкой, контрастно нарушается содержанием зачина второго ССЦ: в конструкции с прямой речью в качестве обращения к человеку, описанному в предыдущем ССЦ, представлено собственное имя *Хабырыыс* Гаврил. Таким образом, субъект, выраженный нарицательным существительным *киһи* ‘человек’ и местоимением *кيني* ‘он’ в предыдущих предложениях, с помощью речи персонажа-обращения, состоящей только из одного собственного имени, приобретает определенную семантику. Однако во втором и третьем предложениях второго ССЦ продолжается использование нарицательного имени *киһи* ‘человек’, несущего семантику неопределенности в выражении данного субъекта. И только в пятом предложении, заключающем рассматриваемое ССЦ, собственное имя *Хабырыыс* Гаврил введено в авторскую речь, что окончательно подтверждает определенность субъекта, выраженного им, в данном контексте. Неожиданный характер обращения, представленного в первом предложении второго ССЦ, подчеркивают наречие *эмискэ* ‘вдруг’ и *арай*. Новый субъект, внесший оживление в сюжет рассказа, выражен изафетным словосочетанием *дьахтар сангата* ‘голос женщины’. Во втором предложении второго ССЦ этот субъект уже более конкретизирован нарицательным существительным *дьахтар* ‘женщина’ и снабжен определением *кубаҕай сирэйдээх, ырбаахытын*

былаатынан бөрөнө курдаммыт 'с бледным лицом'. Третье, четвертое и пятое предложения рассматриваемого ССЦ составляют диалогические конструкции. Субъект, выраженный во втором предложении нарицательным именем *дьахтар* 'женщина', в первой части третьего предложения, представляющей речь персонажа, представлен собственным именем *Өкүлүүн* 'Акулина'. Таким образом, в данном фрагменте неопределенные субъекты, изначально представленные нарицательными именами, впоследствии приобретают определенную семантику посредством их обозначения собственными именами. Такое обозначение осуществлено в предложении с прямой речью, диалогических конструкциях, как в речи персонажа, так и в авторской речи в качестве подтверждения.

Обратимся к другому примеру:

I. (1) *Сарсыарда аайы тобус буолуута хаары саба бүрүнэн дьиппинийбит ойуур иһиттэн тэлээриэйкэ сонноох, хара хаатынkalaах кыыс тахсан баанньыкка кэлэр.* (2) *Түүн тымныйа охсубут дьибэ киирэн, оһохторун аанын аһа баттаан, бэбэһээ бэлэмнээбит хардабастарын симэр.* (3) *Сотору оһохтор тигинэччи умайаллар.* (4) *Күүгэн курдук туртаччы тонмут эркиннэр ньалбарыһан, тиритэн бараллар.* (5) *Кыыс тууна бааммыт былаатын сүөрэн, сонун устан көхөбө ыйыыр.* (6) *Кини, чараас таһаһынан хаалан, синньигэс нарын көрүгүнэнэр.* (7) *Кэтит кэнэриилээх, чараас халтаһалаах харахтарыгар сирили умайа турар уот күлүгэ сандаара түһэр.*

II. (1) *Көбөрө тоҕон мэндээрбит халлаанга хойуу буруо өрө бургуочуйан тахсан, халлааны курдуу бөһүөлэк диэки избиллэр.* (2) *Дьон буруону көрө-көрө: "Маня оһобун оттубут", – дэһэллэр.*

(3) *Маня сэттиһи бүтэрэн баран, кыайан үөрэмэтэбэ, онтон ыла баанньыкка үлэлиир* (АФ КК 1980 146).

I. (1) Каждое утро в девять часов из леса, покрытого снегом, выходит девушка с телогрейкой и в черных валенках и приходит в баню. (2) Зайдя в дом, похолодевший за ночь, открыв двери печей, засовывает в печи заготовленные вчера дрова. (3) Вскоре печи загораются. (4) Стены дома, покрытые как пена инеем, постепенно оттаивают. (5) Девушка, развязав повязанный туго платок, снимает с себя пальто-телогрейку и вешает его на вешалке. (6) Она, оставаясь в легкой одежде, принимает нежный, тонкий вид. (7) В ее глазах с тонкими веками, сверкая, ложится тень пылающего огня.

II. (1) На холодное небо с голубым отливом поднимается густой дым, и огибая небо, направляется в сторону поселка. (2) Люди, смотря на этот дым, говорят: "Маня растопила свои печи".

(3) Маня, окончив седьмой класс, не смогла продолжить свое образование, с тех пор она работает в бане.

Этот отрывок также состоит из двух ССЦ. Первое из них заключает в себе семь предложений. В первом предложении субъект представлен нарицательным именем *кыыс* 'девушка', который предполагается во втором предложении в форме сказуемого симэр. Подлежащее пятого предложения также представлено данным именем существительным, в последующем предложении оно заменено местоимением *кини* 'она' в 3 л. ед. ч. В первом ССЦ субъект, выраженный нарицательным именем *кыыс* 'девушка', понимается как неопределенный. Он конкретизируется во втором предложении второго ССЦ, в конструкции, представляющей прямую речь, в виде собственного имени *Маня*: *Маня оһобун оттубут* 'Маня растопила свою печь'. Далее, в третьем предложении, являющемся концовкой второго ССЦ, субъект представлен собственным именем *Маня*. Эта концовка обособлена в отдельный абзац, в ней резюмировано содержание всего фрагмента, состоящего из двух ССЦ. Она в лексическом плане перекликается с зачином первого ССЦ: *I.(1) кыыс* 'девушка' – *II.(3) Маня*; *I. (1) баанньыкка кэлэр* 'приходит в баню' – *II.(3) баанньыкка үлэлиир* 'работает в бане'. Наричательное имя *кыыс* 'девушка' и собственное имя *Маня* являются контекстуальными синонимами. Таким образом, субъект, обозначенный нарицательным именем в первом ССЦ, понимаемый как неопределенный, конкретизирован собственным именем во втором предложении в конструкции прямой речи и в заключающем предложении второго ССЦ.

Имена прилагательные

В якутском языке по лексическому значению и грамматическим особенностям имена прилагательные формируют две группы: качественные и относительные. Обозначая конкретный признак предметов и явлений, качественные и относительные имена прилагательные, как и в других тюркских языках [Рассадин, 1978, с. 52], обладают семантикой определенности.

Качественные имена прилагательные указывают качество или свойство, которое может проявляться в большей или меньшей степени [ГСЯЛЯ, 1982, с. 157]. В якутском языке данную группу составляют все непроезводимые имена прилагательные, которые обозначают признак, воспринимаемый органами чувств (*манган* 'белый', *хара* 'черный', *ыраас* 'чистый'), и имена прилагательные, производные от именных и глагольных основ при помощи аффиксов *-мсах*, *-(ы)гас*, *-аҕас*, *-ыган*, *-ҕар*, *-хай*, *-(ы)мтаҕай*, *-ымтыа*, *-ыык*, *-с* и т.д. (*балыгымсах* 'большой любитель поестъ рыбу', *аһыныгас* 'жалостливый', *тураҕас* 'гнедой', *ырыган* 'худой', *сынтаҕар* 'курносый', *кубархай* 'бледный', *истимтиэ* 'способный все слышать', *кэйиик* 'бодливый', *кыҥкынас* 'тонко звенящий'). Примеры: *Арай, эдэр киһи буолан, Уйбаан хайаларынааҕар даҕаны элбэҕи охсор* (ДТ СА 2004 206) 'Будучи молодым, Иван косит больше них'; *Син үптээх эрээри, кэрээхи, кэччэгэй оҕонньор* (НГ ТХ 2002 48-49) 'Хотя имеет средства, он является скупым стариком'.

Относительные прилагательные выделяют признаки, свойственные предметам по их отношениям ко времени, месту, местонахождению, принадлежности [ГСЯЛЯ, 1982, с. 158]. Всегда являясь производными, они образуются от именных и наречных основ при помощи аффиксов *-тааҕы*, *-лаах*, *-гы*: *сайылыктааҕы* 'находящийся в летнике' (*сайылык* 'летник'), *үөрүүлээх* 'радостный' (*үөрүү* 'радость'), *хотугу* 'северный' (*хоту* 'север'). Примеры: *Онон кинилэр урукку доҕордоһууларата талгалга кубулуйбута* (НЯ АУОТ 2001 218-219) 'Таким образом их прежняя дружба превратилась в любовь'; *Оннооҕор өссө ордук дьулааннаах кэпсээн баар* (ДТ СА 2004 123) 'Есть еще более жуткий рассказ'; *Иннигэр кизһээнни боруорга түннүктэрин уоттара сандааран көһүннүлэр* (НЛ ТТ 1984 42) 'Впереди него в вечерних сумерках показались огни светящихся окон'.

Из приведенных примеров видно, что имена прилагательные выделяют предметы или явления, обозначая их признаки. Это свойство указывает на то, что они несут в себе семантику определенности. Обратимся к примеру из текста: (1) *Бу иһэн көрбүтэ, биир сиргэ отоннор үүнэ сыталлар эбит.* (2) *Мантан биир үрүн отону ылан сиэбитэ, улахан баҕайы икки чэчэгэйттэн муос үүнэн тахсыбыт.* (3) *Муоһун кыайымына, умсары түһэн хаалар.* (4) *Онтон биир кыһыл отону ылан, куттана-куттана айаҕар уган ыстаан ыйыстыбыта, муоһа түһэн хаалар уонна син аһаабыт суоттанар.* (5) *Бу отоннортон үрүнтэн аҕыс отону, кыһылтан сиэбэ туоларынан уктан баран бара турар* 'Когда шел, в одном месте увидел, что растут ягоды. Он сорвал одну белую ягоду и съел ее. Тогда из его висков выросли огромные рога, он не смог поднять свою голову с рогами и упал навзничь. Затем взял одну красную ягоду и, с опаской положив в рот, пожевал, проглотил. Рога у него отпали, и как будто он наелся. Из этих ягод он взял восемь белых, и красных столько, сколько поместилось в его карманах, и пошел дальше' (ЭГ СО 1996 213-216). Этот отрывок из текста представляет собой ССЦ, состоящее из пяти предложений. В первом предложении, в зачине данного ССЦ, обозначена его микротема – *отоннор* 'ягоды', раскрывающаяся в последующих конструкциях. Во втором предложении использованы два качественных прилагательных, обозначающие и конкретизирующие признак предметов: качественный признак существительного в винительном падеже *отону* 'ягоду' выражен прилагательным *үрүн* 'белый' ('белую') (*үрүн отону* 'белую ягоду'), существительного *муос* 'рога' – прилагательным *улахан* 'большой' (*улахан муос* 'большие рога'). При этом существительное *отону* 'ягоду' дополнительно конкретизировано именем числительным *биир* 'один', указывающим на определенное количество (*биир үрүн отону* 'одну белую ягоду'). Качественный признак существительного *муос* 'рога', представленный именем прилагательным *улахан* 'большой, огромный', усилен частицей степени признака *баҕайы* по значению соответствующей словам 'очень, весьма': *улахан баҕайы муос* 'очень большие рога' или 'огромные рога'. В четвертом предложении существительное в винительном падеже *отону* 'ягоду' имеет определение *биир кыһыл* 'одну красную', состоящее из количественного числительного *биир* 'один' и качественного

прилагательного *кыһыл* 'красный'. Таким образом, если в зачине существительное во мн. ч. *отоннор* 'ягоды' обладает семантикой неопределенности, то в последующих предложениях существительное в винительном падеже *отону* 'ягоду' определено при помощи количественного числительного и качественных прилагательных: *биир үрүг отону* 'одну белую ягоду', *биир кыһыл отону* 'одну красную ягоду'. В пятом предложении-концовке ССЦ качественные прилагательные *үрүг* 'белый' и *кыһыл* 'красный' субстантивированы, и изложены в форме исходного падежа: *үрүгтэн, кыһылтан*.

Семантика определенности имен прилагательных подчеркивается синтаксическим способом их образования, при котором не только указывается конкретный признак предмета или явления, но и детально конкретизируется, уточняется. Сочетание двух или более основ характеризует признак в более широком или усиленном значении. В якутском языке синтаксический способ образования имен прилагательных представлен следующими сочетаниями:

- сочетание существительного и прилагательного, в котором существительное имеет дополнительно-описательное значение (чох *хара* 'черный, как уголь, угольно-черный', *үүт манган* 'белый, как молоко, молочно-белый', *уот кыһыл* 'красный, как огонь');

- сочетание двух непроемных качественных прилагательных, где первый компонент выполняет уточняющую функцию (*харанга кыһыл* 'темно-красный', *сырдык күөх* 'светло-зеленый, светло-голубой, светло-синий', *хара эриэн* 'черно-пестрый');

- сочетание непроемного и производного прилагательных, в котором первый компонент определяет основу второго производного прилагательного (*үтүө санаалаах* 'доброжелательный', *сытыы өйдөөх* 'остроумный', *уһун үйэлээх* 'долголетний');

- сочетание существительного в косвенном падеже и отглагольного прилагательного с аффиксами *-ымтыа*, *-лаах*: *дьүһүн кубулуйумтуо* 'видоизменяемый, проявляющий непостоянность', *тымныыны тулуйумтуо* 'холодоустойчивый', *уоттан сэрэхтээх* 'огнеопасный');

- прилагательные, образованные от составных существительных посредством аффикса *-лаах*, *-мсах* (*эр санаалаах* 'мужественный', *сир баайдаах* 'имеющий ископаемые природные богатства', *сир аһымсах* 'любитель поесть ягоду');

- сочетание имен, звукоподражательных и парных слов с частицей *курдук* 'подобный, похожий': *тимир курдук* 'подобный железу', *бөрө курдук* 'подобный волку', *кыһыл курдук* 'подобный красному, красноватый', *чоп курдук* 'аккуратный, ладный', *тилир-талыр курдук* 'энергичный или сердитый' [ГСЯЛЯ, 1982, с.167-168].

Рассмотрим пример: *Абам курдук суон моойдоох, орто унуохтаах, кэтит сарыннаах эт-лахса киһи буолсубун* (Д ДьС 1978 236) 'Я, видимо, буду как свой отец – человеком с толстой шеей, среднего роста, с широкими плечами'. В данном предложении в качестве определения существительного *киһи* 'человек' представлена комбинация, которая состоит из различных сочетаний имен прилагательных, преимущественно образованных синтаксическим способом: сочетание имени существительного в форме принадлежности 1 л., ед.ч. *абам* 'мой отец' и частицы *курдук* 'подобный, похожий' – *абам курдук* 'подобно моему отцу', сочетание непроемного и производного прилагательных – *суон моойдоох* 'с толстой шеей', *орто унуохтаах* 'со средним ростом', *кэтит сарыннаах* 'широкоплечий'; парное сочетание *эт-лахса*, где второй компонент не обладает самостоятельным значением.

Вместо степеней сравнения качества, имеющих место в индо-европейских языках, в тюркских языках применяется другой грамматический критерий, а именно количественное содержание признака. Согласно этому критерию, "условно принимается некая нейтральная форма адъектива, по сравнению с которой данного признака может содержаться в одних формах больше, а в других – меньше, один и тот же признак или качество одни предметы содержат в большем или меньшем, чем другие" [Дмитриев, 1948, с. 83; Рассадин, 1978, с. 86]. Формы выражения усиленного качества и ослабленного качества прилагательных относят к абстрактному типу сравнения.

В якутском языке имена прилагательные могут конкретизировать признак предметов или явлений, принимая усилительные формы. Усилительная форма "выражает исключительность

или особую характерность данного признака” [ГСЯЛЯ, 1982, с. 159]. В якутском языке усилительная форма имен прилагательных, выделяющая предмет или явление из всех остальных, может быть представлена следующим образом:

- препозитивным повторением первого слога основы прилагательного с прибавлением губного *-n*: *хон-хойуу* ‘слишком густой’, *ып-ыраас* ‘пречистый’, *ун-ууллаҕас* ‘совершенно талый’;
- препозитивным повторением первого слога основы прилагательного с прибавлением элемента *-ыс* (*-ис*, *-ус*, *-үс*): *тыбыс-тымныы* ‘совершенно холодный’, *кубус-кураанах* ‘совершенно сухой’, *көбүс-көнө* ‘очень прямой’;
- препозитивным повторением первого слога прилагательного, образованного от образных глаголов, с прибавлением элемента *-ры* (*-ри*, *-ру*, *-рү*): *бары-багдаҕар* ‘очень широкоплечий’, *хары-хантаҕар* ‘с сильно закинутой головой’, *бөрү-бөкчөгөр* ‘совершенно горбатый’;
- формой на *-с* (*-ч*), *-н*: *суос-сатыы* (*суоч-сатыы*) ‘совершенно пеший’, *уун-утары* ‘совершенно противоположный’;
- удвоением основы прилагательного: *улахан-улахан* ‘большой-пребольшой’, *кыра-кыра* ‘маленький-премаленький’, *уһун-уһун* ‘длинный-предлинный’;
- долготой гласного конечного слога первой основы: *улахыын-улахан* ‘большой-пребольшой’, *кырыы-кыра* ‘маленький-премаленький’, *уһуун-уһун* ‘длинный-предлинный’, *длинный-длинный*;
- удвоением основы прилагательного с частицей *да*: *улахан да улахан* ‘большой-пребольшой’, *кыра да кыра* ‘маленький-премаленький’, *уһун да уһун* ‘длинный-предлинный’;
- препозитивным повторением основы прилагательного в исходном падеже: *чэпчэкиттэн-чэпчэки* ‘очень легкий (букв.: из легкого легкий)’, *сэмэйтэн-сэмэй* ‘очень скромный (букв.: из скромного скромный)’, *күндүттэн-күндү* ‘самый дорогой (букв.: из дорогого дорогой)’;
- сочетанием наречий *наһаа* ‘слишком’, *чересчур*, *олус* ‘очень’, *чрезмерно*, *чрезвычайно*, *необыкновенно*, *уһулуччу* ‘исключительно’ с прилагательными в основной форме: *наһаа өһөс* ‘слишком упрямый’, *олус үчүгэй* ‘очень хороший’, *уһулуччу дьобурдаах* ‘исключительно одаренный’;
- сочетанием заимствованного из русского местоимения *саамай* ‘самый’ с прилагательными в основной форме: *саамай улахан* ‘самый большой’, *саамай үчүгэй* ‘самый хороший’, *саамай эмис* ‘самый жирный’;
- сочетанием существительного *сүр* ‘страх, ужас’, прилагательных *сүрдээх* ‘страшный’, *алдьархайдаах* ‘бедственный, страшный’, наречий *дыкти* ‘удивительно’, *сүүнэ* в значении ‘очень’ и т.д. с прилагательными: *сүр эйэбэс* ‘очень приветливый’, *сүрдээх кыра* ‘очень маленький’, *алдьархайдаах итии сайын* ‘ужасно жаркое лето’, *алдьархай тымныы кыһын* ‘страшно холодная зима’, *дыкти кэрэ киэһэ* ‘удивительно прекрасный вечер’, *сүүнэ улахан тыас* ‘очень большой звук’;
- сочетанием прилагательного с различными частицами: *бөбө ахан* ‘очень крепкий’, *хойуу баҕайы* ‘очень густой’, *кэрэ бэйэлээх* ‘очень прекрасный’ [Там же, с. 159-160].

Обратимся к примеру: *Өссө “Бааһынай кыһа баарыһына” араҕас солко былааччый алаабын, үрдүк хобулуктаах үн-үрүҥ түүнпүлэлээбин туһунан сибис гыннылар* (АФ ОД 2006 223-224) ‘Также шепнули о том, что “Дочь пашенного барышня” в желтом шелковом платье, в белых-белых туфлях на высоком каблуке’. В этом предложении представлены две комбинации имен прилагательных. Первая комбинация, определяющая слово с аффиксом обладания *-лаах* в форме винительного падежа *былааччый алаабын*, состоит из прилагательного, обозначающего цвет предмета, *араҕас* ‘желтый’ и существительного *солко* букв. ‘шелк’ в качестве прилагательного в значении ‘шелковый’, указывающего материал из которого сделан предмет. Вторая комбинация, определяющая слово с аффиксом обладания *-лаах* в форме винительного падежа *түүнпүлэлээбин*, представлена прилагательным *үрдүк хобулуктаах* ‘с высокими каблуками’, образованным синтаксическим способом из непроизводной и производной основ, и прилагательным с усилительной формой *үн-үрүҥ* ‘совершенно белый’, сформированным препозитивным повторением первого слога основы с прибавлением губного *-n*. В данном предложении подчеркнута исключительность цвета предмета, хотя усилительную форму в различных комбинациях могут

принять и другие представленные в нем прилагательные. Имена прилагательные в рассматриваемом предложении в усилительной форме можно трансформировать следующим образом:

- препозитивным повторением первого слога основы прилагательного с прибавлением губного *-п*: *Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” ап-араҕас солко былааччийалаабын, үп-үрдүк хобулуктаах үп-үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар;*

- удвоением основы прилагательного: *Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” араҕас-араҕас солко былааччийалаабын, үрдүк-үрдүк хобулуктаах үрүн-үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар;*

- долгой гласного конечного слога первой основы: *Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” араҕыыс-араҕас солко былааччийалаабын, үрдүүк-үрдүк хобулуктаах үрүүн-үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар;*

- удвоением основы прилагательного с частицей *да*: *Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” араҕас да араҕас солко былааччийалаабын, үрдүк да үрдүк хобулуктаах үрүн да үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар;*

- препозитивным повторением основы прилагательного в исходном падеже: *Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” араҕастан араҕас солко былааччийалаабын, үрдүктэн үрдүк хобулуктаах үрүнтэн үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар;*

- сочетанием наречий *наһаа* ‘слишком, чересчур’, *олус* ‘очень, чрезмерно, чрезвычайно, необыкновенно’ с прилагательными в основной форме: *Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” наһаа араҕас солко былааччийалаабын, олус үрдүк хобулуктаах үп-үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар;*

- сочетанием заимствованного из русского местоимения *саамай* ‘самый’ с прилагательными в основной форме: *Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” араҕас солко былааччийалаабын, саамай үрдүк хобулуктаах үп-үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар;*

- сочетанием прилагательных *сүрдээх* ‘страшный’, *алдьархайдаах* ‘бедственный, страшный’, наречий *дьикти* ‘удивительно’ с прилагательными: *Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” алдьархайдаах араҕас солко былааччийалаабын, сүрдээх үрдүк хобулуктаах дьикти үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар;*

- сочетанием прилагательного с различными частицами: *Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” араҕас бэйэлээх солко былааччийалаабын, үрдүк баҕайы хобулуктаах үрүн баҕайы түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар.*

Усилительные формы имен прилагательных в рассматриваемом предложении можно представить в следующих комбинациях: *Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” ап-араҕас солко былааччийалаабын, үрдүүк-үрдүк хобулуктаах үп-үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар; Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” араҕас да араҕас солко былааччийалаабын, үрдүк баҕайы хобулуктаах үп-үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар; Өссө “Бааһынай кыыһа баарыһына” араҕыыс-араҕас солко былааччийалаабын, сүрдээх үрдүк хобулуктаах үп-үрүн түүппүлэлээбин туһунан сибис гыннылар* и т.д.

Конкретизация признаков предмета или явления, придающая значение определенности, может быть выражена в меньшей степени качества. Меньшая или слабая степень качества имен прилагательных передается следующими аффиксами:

- *чаан* (образует уменьшительно-ласкательные формы, усиливает лексическое значение прилагательного): *минныгэсчээн* ‘ладенький, вкусенький’ (*минныгэс* ‘ладкий, вкусный’), *кырачаан* ‘малюсенький’ (*кыра* ‘маленький, малый’), *үчүгэйкээн* ‘хорошенький’ (*үчүгэй* ‘хороший’);

- *чык* (выражает уменьшительно-ласкательные значения): *албынчык* ‘лукавенький’ (*албын* ‘лукавый’).

Некоторая неопределенность, недостаточность признака, неполнота качества выражается следующими средствами слабой степени прилагательных:

- *тыгы* (указывает на неполноту качества): *күөхтүнү* ‘синеватый, зеленоватый, голубоватый’ (*күөх* ‘синий, зеленый, голубой’), *сахархайдыгы* ‘желтоватый’ (*сахархай* ‘желтый’), *курастыгы* ‘терпковатый на вкус’ (*курас* ‘терпкий на вкус’);

- *сыар* (выражает недостаточность признака): *барбахсыар* 'плоховатый' (*барбах* 'плохой, неважный'), *мөлтөһүөр* 'слабоватый' (*мөлтөх* 'слабый'), *ортоһуор* 'плоховатый' (*орто* 'средний, удовлетворительный');

- сочетание имен прилагательных с частицами *собус*, *абай*: *ыарахан собус* 'довольно тяжелый', *аһыы собус* 'довольно горький, кислый, соленый', *үчүгэй абай* 'довольно хороший' [ГСЯЛЯ, 1982, с. 160].

Парные имена прилагательные указывают на признак предметов и явлений в более широком и усиленном значении. По характеру лексико-семантической структуры они разделены на следующие группы:

- парное сочетание из двух полнозначных слов (сочетание синонимов: *дьоллоох-соргулаах* 'имеющий счастье, благополучие'; сочетание антонимов: *итии-тымныы* 'жаркий-холодный'; сочетание, общее значение которого составляет сумму значений компонентов: *сытыы-хотуу* 'резвый и упорный'; парные слова-дублеты: *киэн-киэн* 'широкий-широкий');

- парное сочетание, где второй компонент, не обладая самостоятельным значением, придает общей семантике сочетания усилительные оттенки (*киэн-куон* 'просторный', *көрдөөх-нардаах* 'веселый, забавный', *кулүүк-салыык* 'смешливый, веселый');

- парное сочетание, в котором оба компонента в отдельности не имеют самостоятельного значения (*кэри-куру* 'смущенный, печальный', *бүдүк-бадык* 'мрачный, сумрачный', *абыр-табыр* 'разбросанный, редкий') [Там же, с. 168-169].

Имена числительные

В якутском языке имена числительные выражают значения определенности, неопределенности.

Количественные числительные являются исходной основой, от которой образуются другие формы разрядов имени числительного [ГСЯЛЯ, 1982, с. 171]. Числовые понятия, выражаемые количественными числительными, обладают индивидуальностью и определенностью. "Число само является точным показателем количества предметов" [ГСЯЛЯ, 1982, с. 178]. Количественные числительные указывают на конкретный количественный признак существительных: *Партийнай мунньах буолара икки хонук хаалбытын кэннэ, биир сарсыарда, райком секретара Колесов көтөн түстэ* (АФ КК 1980 131) 'Когда оставалось два дня до партийного собрания, однажды утром ворвался секретарь райкома Колесов'; *Эмискэ Маня ыалдьан, үс күн оронтон-тэллэхтэн турбата* (НГ СК 1982 32) 'Внезапно Маня заболел, три дня не вставала с кровати'; *Бизс хонугу быһа көрдөөн көрдө да, ынахтарын булбата* (ЭГ СО 1996 110-115) 'Пять дней подряд искала коров, но не нашла'. В таких сочетаниях с существительными количественные числительные являются их определением.

Количественные числительные при обозначении отдельно взятого отвлеченного числа принимают свойства существительного и выражают определенное значение: *Иккигэ үһү эп* 'К двум прибавь три'; *Сүүрбэттэн сэттэни көбүрэт* 'Из двадцати вычти семь'; *Биэһи биэскэ төгүллээн* 'Пять помножьте на пять'.

В якутском языке сочетание имени числительного *биир* 'один' с именем существительным является способом, с помощью которого обозначается и уточняется единственное число указываемого существительного [Петрова, 1996, с. 35], его единичность [Иванова, 2011, с. 41].

Иногда количественное числительное *биир* 'один' носит семантику неопределенности. В якутском языке оно "акцентирует неопределенность самого предмета, а не его признаков" [ГСЯЛЯ, 1995, с. 141]. Сравним примеры: *Саҥа Дьыл буолуо биир хонук хаалла* 'До наступления Нового Года остался один день'; *Биир алаас үрдүттэн ыраах турар тангара дьийэтин кириэстэрэ тыаны үрдүнэн килэпэчийэн көһүннэ* (ЭЭ КуоП 1963 21) 'С высоты одного аласа поверх леса показались кресты храма, расположенного вдалеке'. В первом примере числительное указывает на конкретное количество предмета, а во втором примере акцентирована неопределенность существительного. Если в первом примере существенным является обозначение определенного количества предмета, то во втором примере на первый план выступает значение неопределенности существительного. Количественное числительное *биир*

‘один’ во втором примере можно заменить неопределенными местоимениями *ханнык эрэ* ‘какой-то, некий’, *хайа эрэ* ‘некий, некоторый, какой-то’, при этом семантическая нагрузка неопределенности существительного не меняется: *биир алаас үрдүттэн* ‘с возвышенности одного аласа’ – *ханнык эрэ алаас үрдүттэн* ‘с возвышенности какого-то аласа’ – *хайа эрэ алаас үрдүттэн* ‘с возвышенности какого-то аласа’. Количественное числительное *биир* ‘один’ и одно из приведенных неопределенных местоимений можно сочетать в составе одного определения, в таких случаях они усиливают неопределенное значение существительного: *биир ханнык эрэ алаас үрдүттэн* ‘с возвышенности какого-то одного аласа’; *биир хайа эрэ алаас үрдүттэн* ‘с возвышенности какого-то одного аласа’. В первом примере подобные трансформации с участием вышеприведенных неопределенных местоимений невозможны.

Количественное числительное *биир* ‘один’ со значением неопределенности сопровождает существительное при первом его введении. При последующем упоминании существительное приобретает семантику определенности: *Үгүс сыллар анараа өттүлэригэр биир оҕонньор уолунаан олорбуттара үһү. Оҕонньор ойоҕо өлбүтэ ырааппыт* (Э СО 1996 240-242) ‘Много лет тому назад жил, говорят, один старик с сыном. Жена старика умерла давно’; *Былыр биир кийи, ындыылаах атын миинэн баран, айаннаан испит. Ата мөлтөөн хаалбыт. Кийи атыттан түһэ экирээбит* (Э СО 1996 263) ‘В старину один человек ехал верхом на коне с вьюком. Конь его ослабел. Человек спрыгнул с коня’.

Количественное числительное *биир* ‘один’ с семантикой неопределенности в качестве определения довольно часто встречается в языке якутской сказки, а именно в зачине текста при представлении главных героев произведения: *Былыр биир ыалга биир кийи күтүөттээри хоно кэлбит* (Э СО 1996 280) ‘В старину к одним жителям приехал на ночевку один человек, чтобы высватать себе невесту’; *Биир антаах аҕабыт олорбут үһү* (Э СО 1996 189) ‘Жил, говорят, один поп-колдун’; *Былыр биир атыһыт, уончалаах уол оҕолообун батыһыннара, Сибири кэрийэ сылдьан, эргинэрэ эбитэ үһү* (Э СО 1996 196-197) ‘В старину один торговец, сказывают, торговал, разъезжая по всей Сибири, вместе со своим сыном, лет десяти’; *Бэрт өр сыллааҕыта сэттэ уоллаах биир бааһынай оҕонньоро олорбута үһү* (ЭГ СО 1996 147-148) ‘Много лет назад жил, говорят, один старик-крестьянин с семьёю сыновьями’; *Былыр биир сүрдээх суостаах күбүрүнээтэр олорбут. Кини аттыгар биир үс уоллаах бааһынай олорбут* (ЭГ СО 1996 149-152) ‘В старину жил один очень грозный губернатор. Рядом с ним жил один крестьянин с тремя сыновьями’.

Порядковые числительные, формирующиеся от количественных числительных посредством афф. –с, –ыс, обозначают порядок предметов по счету или их конкретное место в ряду других предметов: *Бастакы күн кинилэр дьааһыктаах печеньени, кэмпиэти таспыттара, ол чэпчэки үлэ этэ* (НГ ТХ 2002 48-49) ‘В первый день они таскали ящики с печеньем, конфетами, эта была легкая работа’; *Бэһис күнүгэр илин диэки баран истэбинэ, биир тураах тишккэ олорор эбит* (Э СО 1996 110-115) ‘На пятый день, идя на восток, она увидела ворону, сидящую на дереве’; *Онтуката баран, иккис үрүҥ көмүс балаҕанга кэлэн түһэр* (Э СО 1996 110-115) ‘Полетела и опустилась у второй серебряной избы’.

Значением определенности обладают разделительные числительные, образующиеся от количественных и приблизительных числительных с помощью афф. –лыы/–тыы/–дыы/–ныы. Они представляют конкретное количественное распределение предметов: *Бу кийи күннэтэ тахсан илимиттэн биирдии көмүс хатырыктаах күннүбэй балыгы бултаан аһаан олорор* (Э СО 1996 87-89) ‘Этот человек жил тем, что каждый день вытаскивал из сети по одной рыбке-кондевке с серебряной чешуей и питался ею’; *Уолаттар үстүү хонукка хаайыыга олорон тахсаллар* (Э СО 1996 227-229) ‘Парни отсидели трое суток’; *Үс хонон баран, үһүөн биирдии атынан бултуу хонубуттар* (Э СО 1996 183-185) ‘Через три дня они втроем поехали на конях на охоту’.

Собирательные числительные, которые образуются при помощи афф. –ыа, –ыан, –ыайах, обозначают определенное количество предметов, понимаемое как совокупность: *Үһүө этибит: мин – оччоҕо эдэр учуутал, омуннаах собус балыксыт; иккиспит – олохтоох сааһырбыт учуутал, оттомноох набыл Аким Акимович; оттон үһүспүт – оскуола остуораһа Дьуона диэн, эдэр эрээри, аҕыйах саналаах, сыылба, тонкуруун кийи* (НГ СК 1982 41) ‘Нас было трое: я –

тогда молодой учитель, немного эмоциональный рыбовод; второй – местный пожилой учитель, степенный спокойный Аким Акимович; а третий – сторож школы по имени Иона, хотя и молодой, но немногословный, медленный человек; *Ол буруйун иннигэр кини аны уйа диэни билбэтин, иккиэйэх эрэ сымыты атын чычыаах уйатыгар сымыттаан биэрэр буоллун* (Э СО 1996 71) 'За эту вину пусть она впредь лишится своего гнезда, пусть сносит только два яйца в гнездо других птичек'; *Ону үс обуһу, үс сыарбаба тизээн баран, үһүөннэрин соһон дьэтигэр киллэрэр* (Э СО 1996 152) 'Положил он трех коней на трое дровней и сам притащив их троих домой, вывалил сено на дворе'.

Значение определенности выражают и дробные числительные. В якутском языке выделяют простые и составные дробные числительные. К простым относятся такие числительные, как *анар* 'половина', *чиэппэр* 'четверть', *суотай* 'сотая', *балтараа* 'полтора'. Составные дробные числительные формируются от количественных числительных при помощи причастия от служебного глагола *гын* 'делать' [ГСЯЛЯ, 1982, с. 186]. Дробные числительные являются определенным названием части целого числа или предмета: *үлэ анара* 'половина работы', *үөрэх сылын чиэппэрэ* 'четверть учебного года'.

Морфологические формы приблизительных числительных образуются от названий круглых десятков и сотен с помощью афф. *-ча/-чэ*, *-чака/-чэкэ*, синтаксические формы – посредством попарного сочетания названий чисел первого десятка [ГСЯЛЯ, 1982, с. 182]. Указывая приблизительное или неточное количество предметов, они обладают семантикой неопределенности: *Бу ыал сүөһүлэрэ кыралаһын-улаханнаһын уонча эрэ* (Э СО 1996 275) 'У этой семьи вместе с маленькими и большими было всего скота лишь около десяти голов'; *Киэһэ дьэбэр кэлбитим – эмиэ уонча сымыт остуолга кэчигирэспит* (НГ СК 1982 34) 'Когда вечером пришел домой – опять на столе рядышком лежали около десяти яиц'; *Икки-үс киһи үлэ кэнниттэн дьээлэригэр ыһырдылар* (НГ СК 1982 34) 'После работы два-три человека позвали к себе домой'; *Бадабан иннигэр, сылбах обуруот иннигэр үс-түөрт сыарба от бугулланын турар* (К КТС 2000 91) 'Перед юртой, перед навозным огородом стоят три-четыре стога сена'.

К именам числительным примыкают неопределенно-количественные имена, обозначающие количество предметов в общем виде, без помощи чисел [ГСЯЛЯ, 1982, с. 174, 187]. Выражая количественный признак предмета, они в основном не указывают на его определенное количество, обладают семантикой неопределенности. К ним относятся следующие слова: *элбэх* 'многочисленный, много', *аһыйах* 'малочисленный, мало, немного', *үгүс* 'множество, многочисленный, обильный, много', *балачча* 'довольно много', *бары* 'все' и т.п. Примеры: *Тася бүгүн элбэх ыал дьээлэрин, олорор хосторун көрдө* (АФ КК 1980 137) 'Сегодня Тася посмотрела жилища, комнаты многих семей'; *Аһыйах кирээдэ хортуоппуй сэбирдэбэ уонна табах кыратык үлүйбүттэр* (АФ КК 1980 8) 'На немногих грядках немного отморозились листья картофеля и табака'; *Аһыйах хонон баран, хат онгостон куораттаабыттар* (РК КК 2003 85) 'Спустя немного дней, вновь собравшись, заново поехали в город'; *Бары норуоттар чулуу дьонноро кини кыайылаах кыһыл знамятын анныгар түмсэллэр* (СД, 1975, с. 55) 'Лучшие люди всех народов собираются под его победным красным знаменем'.

Среди неопределенно-количественных имен слово *соботох* 'одиночка, одинокий, единственный' в семантическом плане занимает особое место. Указывая на единственное количество предмета, оно заключает в себе значение определенности. *Кини, соботох оҕолооҕо сэриигэ баран өлбүтүн кэннэ, бу дойдуга уруута-хаана суох буола түспүтэ* (ДТ СА 2004 88) 'Когда ее единственный ребенок погиб на войне, здесь у нее не осталось родственников'. При этом может употребляться с усилительной формой на *-с (-ч):суос-соботох* (суоч-соботох) 'совершенно одинокий'. Примеры: *Баанньа диэн суос-соботох уол оҕолооҕо* (ЭЭ КуоП 1963 83) 'Имел одного единственного ребенка по имени Ваня'; *Билигин өйдөөтөбүнэ, Ньикиит олус соботох эбит* (НГ ТХ 2002 29) 'Как понял только что, Никита, оказывается, очень одинокий'.

Обратимся к отрывку из текста:

(1) *Мин харанаттан куттанаммын суорбаным анныгар кирийэн киирэн иһэммин, хантайан көрө түспүтүм: баһык-уһук дьааһык үрдүгэр эдьийим сэлиэччигэ биһиэхэ түһүөхчэ таһнары намыһыйан турар.* (2) *Хап-хара таһаһынан тигиллибит.* (3) *Хап-хара элбэх баһайы кэчигирээбит*

үчүгэйкээн тимэхтэрдээх. (4) *Арааһата, биэс-алта баар быһыылаах.* (5) *Оччолорго мин ахсааны ааҕарбын өйдөөбөппүн, быһа барыйан этэбин* (РК КК 2003 104) 'Я, испугавшись темноты, собираясь залезть под свое одеяло, подняв голову, внезапно увидел: над ящиком висит жилет моей сестры так, как будто вот-вот упадет на нас. Сшит из черной-черной ткани. Имеет очень много черных-черных, расположенных в один ряд, хорошеньких пуговиц. Видимо, пять-шесть есть. Я не помню, считал ли я тогда, говорю приблизительно'. Данное ССЦ состоит из пяти предложений, объединенных цепной связью. В зачине обозначена микротема ССЦ – *эдьийийим сэлиэччигэ* 'жилет сестры', которая постепенно раскрывается в последующих предложениях. В третьем предложении неопределенно-количественное имя *элбэх* 'многочисленный, много' использовано с модальной частицей *баҕайы*, показывающей высокую, превосходную степень признака предмета, в составе развернутого определения, относящегося к именному сказуемому *тимэхтэрдээх* 'с пуговицами'. В четвертом предложении с помощью приблизительного числительного *биэс-алта* 'пять-шесть', образованного от попарного сочетания названий чисел первого десятка, предпринята попытка обозначить количество пуговиц жилета. Однако такое обозначение имеет неточный, неконкретный характер, что в предложении также поддерживается модальным словом *арааһа* 'пожалуй', выражающим предположение, сомнение, и частицей *быһыылаах* 'видимо', характеризующей предположение с оттенком сомнения, неуверенности, вероятности, в составе сказуемого, представленного именем наличия *баар* 'имеющийся, наличный'. Более того, попытки обозначения количества предметов – пуговиц на жилете (*элбэх баҕайы* 'очень много', *биэс-алта* 'пять-шесть'), имеющие неточный, неконкретный характер, объяснены в концовке рассматриваемого ССЦ: (5) *Оччолорго мин ахсааны ааҕарбын өйдөөбөппүн, быһа барыйан этэбин* 'Я не помню, чтобы я в то время умел считать, называю приблизительно'.

Местоимения

В якутском языке местоимения являются одним из средств выражения определенности-неопределенности.

Личные местоимения обозначают предмет путем указания лица, представлены следующими словами: *мин* 'я', *эн* 'ты', *кيني* 'он, она, оно', *биһиги* 'мы', *эйиги* 'вы', *кинилэр* 'они' [Харитонов, 1947, с. 154; ГСЯЛЯ, 1982, с. 188]. "Указание на лицо предполагает преимущественное употребление данных местоимений в диалогах или повествованиях, где речь идет об определенном лице" [Данилова, 1991, с. 29].

В якутском языке личные местоимения, кроме местоимения 3-го лица, используются только для обозначения людей: *Мин кэһии кэтэхэммин кыһын кулгаабым "тыс" гыныар диэри сыарба тыаһын иһиллирим* (МН ТЫАБ 2006 29) 'Я, ожидая гостинцы, ждал звуков саней до тех пор, пока мои уши не раздавали звук "тыс"; *Мин эйигин миинэммин, онно-манна дьаарбайыах санаам киирдэ* (Э СО 1996 74) 'У меня возникла мысль прогуляться где-нибудь, сев верхом на тебя'; *Оччоҕо эн эрэ көрөр-истэр бэйэн бас билэр аттанабын* (Д ДьС 1978 28) 'Тогда у тебя появляется собственный конь, за которым ухаживаешь только сам'. "Местоимения 1-го и 2-го лица употребляются для обращения к человеку как к определенному лицу, не могут заменять названия предметов, целые куски текста" [Данилова, 1991, с. 29].

Местоимения в 3-м лице, также обладая семантикой определенности и конкретности, могут не только называть людей, но могут использоваться для обозначения предметов и явлений [Харитонов, 1947, с. 154; Данилова, 1991, с. 29]. Примеры: *Кини туохтан да куттаммат, ханна таптаабыт сиригэр түһэн аһыыр эбит* (Э СО 1996 70) 'Он ничего не боится, спустившись, ест там, где ему понравится'; *Кини быһыл куоракка училище үһүс курсугар үөрэммитэ* (АФ ОД 2006 223-224) 'В этом году он учился на третьем курсе училища'. В разговорном якутском языке обозначение местоимением 3-го лица употребляется только по отношению к человеку [Слепцов, 1986, с. 40]. Данное местоимение расширило круг своего употребления под иноязычным влиянием, в широком значении оно используется в развивающихся функциональных стилях якутского языка, в частности, в текстах научного и официально-делового стиля.

Личные местоимения в основном падеже, обладая значением определенности, в предложении могут выступить в качестве подлежащего (*Кини бэйэтин табаарынан эргинэн, сыана түһэрсэн кооперативы кытта куоталаһан көрөрө* (АФ ОД 2006 17) 'Он, продавая свой товар, снижая цены, соревновался с кооперативом'), сказуемого (*Дьылээхтэрбитин үөрдүбүттэр – эһиги* 'Обрадовавшие наших домашних – вы'). Они также могут встречаться в качестве дополнения (*Кинитээбэр, кулуба тойоннообор, ити абыйах сүөһүлээх аарыма ойууну ордук ытыктыылларын билэр, ол кинини туохтаабар да ордук кыйахыыр. Кинини, былыргыттан кыр өстөөбүн, бар дьон иннигэр саакка-суукка киллэриэн, самнарыан бабарар...* (ИГ ХК 1977 19) 'Он знает, что они уважают этого великого шамана с немногочисленным скотом, чем его, это его раздражает больше всего. Он желает его, своего давнего злейшего врага, опозорить перед всеми людьми, свергнуть...') и обстоятельства (*Атыһыттар эһигинэн кэлэн ааспыттар үһү* 'Говорят, торговцы прошли через вас'). Личные местоимения как обстоятельство используются в сочетании с существительными в притяжательной форме: *Оччолорго биһиги дьоллоох-соргулаах Дьокуускай куораныт уулуссаларынан таһаҕас массыналара эрэ тилигирэһэн аһар буолаллара, ону да сэдэхтик. Оттон такси, автобус курдук билигин биһиги көлүнэр көлөлөрбүт, тардыстар талаһаларбыт тустарынан киһи түһээн түүлүгэр да киллэрбэт этэ* (НЗ М 2003 21) 'Тогда по улицам нашего счастливого города Якутска с грохотом проезжали только грузовые автомашины, и то редко. А о такси, автобусе нам и не снилось; *Кинилэр аҕалара туох эрэ биллэр уратылаахтар, идэлээхтэр* (Д ДьС 1978 36) 'Их отцы имеют какие-то особенности, специальности'. В этих случаях они подчеркивают определенность, выделяют конкретность существительных, определенность которых выражена в их притяжательной форме.

При парном использовании личные местоимения приобретают значение совокупности [Данилова, 1991, с. 41]: *Эн-мин дэсигэн, эйэлээхтик олобуппут* 'Мы с тобой близко общаясь, жили мирно'. При этом они сохраняют значение определенности, так как совокупность конкретизирована лицами, выраженными личными местоимениями.

В якутском языке выделяют также двойственно-собираательные личные местоимения *биһикки* 'мы с ним', *эһикки* 'вы с ним', служащие для выражения совместности двух лиц [ГСЯЛЯ, 1982, с. 190; Данилова, 1991, с. 40-42]. Они употребляются только в сочетании с именем или с другим личным местоимением, обладают семантикой определенности: *Оҕом биһикки сарсын отоннуу барыахпыт* 'Мы с тобой, детка, завтра пойдем по ягоды'; *Дьэбдьэй эһикки инники барыҥ* 'Вы с Евдокией идите вперед'.

Указательные местоимения *бу* 'этот, эта, это', *ити* 'этот, эта, это', *ол* 'тот, та, то', *били* 'тот, та, то' являются одним из основных лексических средств выражения определенности, "обозначают предмет как находящийся на определенном расстоянии (в пространстве или во времени) от говорящего" [Данилова, 1991, с. 42]. Местоимение *бу* 'этот, эта, это' указывает на ближайший предмет, местоимение *ити* 'этот, эта, это' – несколько отдаленный, *ол* 'тот, та, то' – еще более отдаленный [Харитонов, 1947, с. 158].

Усилительные варианты указательных местоимений *оол* 'воот того', *оол-ол* 'воот-воот', *субу* 'вот этот самый, вот именно это, вот это самое', *сити* 'вот этот самый, вот именно это, вот это самое', *сол* 'тот самый, именно тот, то самое' более конкретизируют, уточняют определенные указываемые предметы, явления, лица: *Сол кэннэ болдьообут курдук, мотуордара алдьаммыт* (НЛ ТТ 1984 65) 'После вот этого самого, как будто было назначено, у них сломался мотор'; *...сол түүн уһун уутун утуйан, төрүттэрин дойдутугар аттанан хаалла* (СМ ИК 2009 60) '...в ту самую ночь, заснув свой долгим сном, отправился в страну своих предков'.

Кроме дейктической функции, указательные местоимения, указывая на уже упомянутое, известное, употребляются в анафорической функции. Указательное местоимение *били* 'тот, та, то' выступает только в данной функции [Данилова, 1991, с. 46]: *Өссө сорохтор били Күөл тумуллаабы ат сүүрүүтүн ахтыах курдук гыналлар* (АФ ОД 2006 17) 'Некоторые еще делают вид, как будто хотят вспомнить те конные скачки, которые были проведены на местности Күөл тумул'; *Ону бу сарсыарда ити Костяны кытта көрсүһүүтэ эмиэ санатан кэбистэ* (НГ ТХ 2002 11) 'Эта встреча с Костей этим утром опять напомнило ему об этом'.

Указательные местоимения выполняют функцию всех членов предложения: подлежащего (*Бу – киин оройуоннарга биллибэт хаһаайыстыба ураты салаатыгар (таба иитиитигэр, балык, тыа булдугар о.д.а.) туттуллар аналлаах тыл-өс* (ГСЯЛЯ 1995 13) ‘Это – не известная центральным районам лексика, используемая в особенном отделе хозяйства (в оленеводстве, рыболовстве, охоте и т.д.), сказуемого (*Баайбыт барыта бу* ‘Все наше богатство это и есть’), дополнения (*Ону Кириһээн өтө билэ иһэрэ* (ДТ СА 2004 28) ‘Григорий шел, предвидя это’), обстоятельства (*Суумката манан алдьаммыт* ‘Ее сумка порвалась в этом месте’), определения (*Ол ат биһиги дьибэ тусна миэстэлээх дьибэ кэргэн чилиэнэ этэ* (МН ТЫаб 2006 29) ‘Тот конь в нашем доме был членом семьи, имевшим отдельное место’). При этом они не только указывают предмет как находящийся на определенном расстоянии, но и обозначают нахождение предмета в пространстве или во времени с точки зрения говорящего [Данилова, 1991, с. 42-47].

Парные указательные местоимения, обозначая совокупность множества предметов, лиц, явлений, обладают семантикой неопределенности: *Ол-бу сулууспаларыттан арыгылаан энин ууруллубут чиновниктар, ситэ үөрэммэтэх семинаристар, суруксуттар учуутал буолаллара* ‘Учителями становились чиновники, уволенные со своей службы из-за пьянства, недоучившиеся семинаристы, секретари’.

Вопросительные местоимения указывают на лица и предметы в виде вопроса [Майтинская, 2009, с. 215]. В якутском языке они представлены следующими словами: *ким?* ‘кто?’, *туох?* ‘что?’, *хас?* ‘сколько?’, *төһө?* ‘сколько? в какой мере?’, *ханнык?* ‘какой?’, *хайдах?* ‘какой? как?’, *хайа?* ‘который? какой?’, *тобо?* ‘почему? для чего?’, *хаһан?* ‘когда?’, *ханна?* ‘где? куда?’, *ханыаха?* ‘докуда?’, *хантан?* ‘откуда?’, *ханан?* ‘где? по какому месту?’.

Семантика определенности и конкретности лежит в основе распределения вопросительных местоимений *ким?* ‘кто?’, *туох?* ‘что?’ ‘Ким употребляется при вопросе о человеке, а туох – о любом другом одушевленном или неодушевленном предмете, кроме человека’ [Данилова, 1991, с. 56]. Подобное распределение по указанию на людей и на не людей четко наблюдается в любом контексте: *Түннүгүнэн суол устун ким хааман иһэрэ үчүгэйдик көстөр* ‘Из окна хорошо видно, кто идет по дороге’; *Биэрэк устун туох сүүрэн иһэрий?* ‘Кто бежит по берегу?’ *Остуолга туох сытарый?* ‘Что лежит на столе?’.

Вопросительное местоимение *төһө?* ‘сколько? в какой мере?’ употребляется для определения степени, меры признака. По сравнению с ним, вопросительное местоимение *хас?* ‘сколько?’ имеет более узкое конкретное значение – оно используется только при количественной характеристике лиц или предметов, соотносится только с количественными числительными [Там же].

Семантикой определенности обладает вопросительное местоимение *хайа?* ‘который? какой?’, которое употребляется для выделения одного конкретного лица, предмета из ряда подобных: *Хайалара кэллэ?* ‘Кто из них пришел?’

Вопросительные местоимения с локальным значением *ханна?* ‘где? куда?’, *ханыаха?* ‘докуда?’, *хантан?* ‘откуда?’, *ханан?* ‘где? по какому месту?’, требующие точного ответа, указывающего локализацию предмета, лица, явления, также имеют значение определенности: *Ханна түстүгүт?* ‘Где вы остановились?’, *Ханыаха диэри тиийдигит?* ‘Докуда вы дошли?’, *Хантан кэллигит?* ‘Откуда вы пришли?’

Парные вопросительные местоимения имеют обобщенное значение, а редуцированные вопросительные местоимения выражают множественность и обладают семантикой неопределенности: *Ким-ким кэллэ?* ‘Кто да кто пришел?’, *Кими-кими ыйытабын?* ‘Ты про кого это спрашиваешь?’, *Тугу-тугу сангарар?* ‘О чем это он говорит?’ [ГСЯЛЯ 1982 200].

Определительные местоимения указывают на лица, предметы, явления через признак, свойство, количество [ГСЯЛЯ, 1982, с. 195; Данилова, 1991, с. 69], обладают семантикой определенности. Они подразделяются по типам указания: ‘местоимения *маннык* ‘такой; такой, как вон этот’ указывает через самый близкий предмет, *итинник* ‘такой, как вот этот’ – более удаленный, *оннук* ‘такой, как вот тот’ – самый удаленный’ [Данилова, 1991, с. 69]. Определительные местоимения с усилительной формой *саманнык* ‘такой, точно вот такой’, *ситинник* ‘именно вот такой, точно вот такой’, *соннук* ‘такой, как тот; точно такой, как тот’ подчеркивают то, что

речь идет об определенном свойстве, качестве, количестве. Местоимения *бачча* 'столько, сколько этот', *итиччэ* 'столько, сколько тот', *оччо* 'сколько тот' указывают через количественный признак предмета, степень свойства. В анафорической и предваряющей функциях определительные местоимения указывают через признак или количество, сравниваемое с уже упомянутым, известным.

Неопределенные местоимения указывают на неопределенность, невыясненность, неизвестность лиц, предметов, количества, качества, времени и других признаков и обстоятельств [ГСЯЛЯ, 1982, с. 200]. Представляя собой составные слова, образуются при помощи присоединения отдельных частиц к вопросительным местоимениям и их формам. Сочетания вопросительных местоимений с частицей *эрэ* "употребляются для указания на неизвестность одного данного лица, предмета и т.д.", о которых идет речь, в их семантике присутствует "доля известности, определенности указываемого лица, предмета, признака" [Данилова, 1991, с. 80]: *Ханнык эрэ сага киинэ туһунан кэпсэтэллэр* (АФ КК 1980 209) 'Разговариваю о каком-то новом фильме'; *Хайа эрэ туора улуус ыал устун сылдыар кыыһа кэлэн булбутун Баһылай оҕонньор: "Таах аһыы олоруохтааҕар, Байбалы кытта баран отто муньус", – диэн ыһпыта ити кэлэн олорор* (К КТС 2000 90) 'Когда к ним пришла девушка из какого-то чужого улуса, подбиравшаяся по семьям, старик Василий отправил ее, сказав: "Чем так сидеть и есть, иди вместе с Павлом, собери сено" – вот сидит'; *Сарсыада туох эрэ илиитин кэлэн ибигирэппитигэр киһи хараҕын аспыта, уот хайыы үйэбэ тигинэччи оттуллубут, кыыһа кэлэн уһугуннара турар этэ* (НЗ М 2003 164) 'Когда утром что-то дотронулось его руки и человек открыл свои глаза, то печь была натоплена, его девушка будила его'. Неопределенным местоимениям с частицей *эмэ* свойственно выражение неопределенности любого лица, предмета, признака из ряда подобных: *Онно сыл аайы хас эмэ ийэ кус оҕотун киллэрэрэ* (РК КК 2003 123) 'Туда каждый год несколько уток-матерей приводили своих деток. Они подчеркивают то, что "речь идет о любом неизвестном лице, предмете и говорящему безразлично, о каком неизвестном идет речь; выяснение, конкретизация неопределенного не ставится целью" [Данилова, 1991, с. 81]. Между неопределенными местоимениями *ким эрэ* 'кто-то' и *ким эмэ* 'кто-нибудь' и во всех подобных парах местоимений прослеживается следующее значение: *ким эрэ* 'кто-то' выражает неизвестности определенного человека, а *ким эмэ* 'кто-нибудь' указывает на неизвестность любого лица [ГСЯЛЯ, 1982, с. 201]: *Ким эрэ дьиэбэ киирдэ* 'Кто-то вошел в дом'; *Ким эмэ кэлбитэ буолуо* 'Наверно, кто-нибудь пришел'. При этом они оба обладают семантикой неопределенности. Местоимения *төһө эрэ* 'сколько-то, сколько много', *хас эмэ* 'много', *төһөлөөх эрэ* 'как много' имеют значение конкретной неопределенности [Там же]: *Эһиги төһө эрэ өйдөөх этигит* 'Вы будто сколько-нибудь ума имели'; *Төһө эрэ наада диэбитэ* 'Говорил, что сколько-то нужно'. Неопределенные местоимения, представляющие сочетания формы вопросительного местоимения *хас* с частицами *да*, *даҕаны*, имеют значение 'несколько, несколько раз, по несколько, по несколько раз': *Хас да күн үлэлээтэ* 'Поработал несколько дней'; *Хас даҕаны хаһыаты ылла* 'Взял несколько газет'; *Лана сельпоҕа кассирдаабыта хас да ый буолла* (АФ КК 1980 108) 'Наступило несколько месяцев, как Лана стала работать кассиром в сельпо'.

Обобщительно-отрицательные местоимения образуются от всех вопросительных местоимений, кроме *тоҕо* 'почему', в их сочетании с частицами *да*, *даҕаны*. В них проявляется семантика неопределенности – обобщая, без конкретизации "указывают на то, что речь идет о любом лице, предмете из ряда подобных", "подчеркивают, что речь идет о любом признаке, времени и месте" [Данилова, 1991, с. 87]: *Туох да көстүбэт* 'Ничего не видно'; *Туохтан да толлубат* 'Он ничего не боится'. В конструкциях с отрицательным значением данные местоимения "указывают на отсутствие лиц, предметов, признаков, допустимых в данной ситуации", при этом они сохраняют обобщающее значение, т.е. "через отрицание любого возможного предмета выражается отсутствие всего ряда предметов" [Там же, с. 88]: *Кинини кытта туох да сыһыаным суох* 'С ним у меня нет никаких отношений'.

Обобщительные местоимения "указывают на лицо, предмет или признак как на обобщенного представителя вообще людей и предметов, как на любой, всякий признак предметов или действия" [ГСЯЛЯ, 1982, с. 206]. Образуются от вопросительных местоимений при помощи

частиц *бабарар*, *барыта*. Выражая обобщенные предметы и явления, обобщенные понятия через указание на единичные предметы, несут в себе значение неопределенности: *Харангаба туюх барыта улаатан көстөр* 'В темноте всякое кажется большим'; *Туюх барыта аналынан буолуохтаах* 'Всякое должно быть по своему предназначению'; *Ким бабарар үөрэххэ бырааптаах* 'Каждый имеет право на образование'. При этом они "могут обозначать как всю совокупность лиц, предметов, так и указывать на потенциальную возможность полного охвата лиц", "указывают на любой предмет, лицо, признак в плане подчеркнутого безразличия говорящего к предмету речи, а также в плане выбора любого предмета, который желателен собеседнику, а также в плане допущения любого желающего" [Данилова, 1991, с. 93].

Притяжательные местоимения *миэнэ* 'мой, моя, мое', *эйиэнэ* 'твой, твоя, твое', *киниэнэ* 'его, ее', *биһиэнэ* 'наш', *эһиэнэ* 'ваш', *кинилэр киннэрэ* 'их' обозначают принадлежность предмета через определенное лицо: *Биһиэннэрэ кыайдылар* 'Наши победили', *Биһиги күрэхтэһибит кинилэр киннэринээбэр көхтөөх буолла* 'Наше соревнование оказалось веселее, чем их (соревнование)'; *Бу барыта – эйиэнэ* 'Это все – твое'.

Собирательные местоимения *бары* 'все', *барыта* 'все, все, весь, всего', *бутун* 'весь, целый' указывают на совокупность множества лиц, предметов, явлений и на полноту охвата чего-либо, общность показывают как единое целое [ГСЯЛЯ, 1982, с. 204; Данилова, 1991, с. 102]. При этом не уточняют, не конкретизируют количество предметов, лиц, обладают семантикой неопределенности: *Бутун дьинэн көһөн иһээччилэр, үгүс оҕолоохтор да бааллар, фестиваль значоктаах хас да бөлөбүнэн иһэр ыччаттар эмиэ бааллар* (АФ КК 1980 213) 'Есть те, кто переезжает всем домом, есть и много местных, есть и несколько групп идущих молодых людей, имеющих значок фестиваля'.

Лично-возвратные местоимения *бэйэм* 'я сам, мой собственный', *бэйэн* 'ты сам, твой собственный', *бэйэтэ* 'он сам', *бэйэбит* 'вы сами, ваш собственный', *бэйэбит* 'мы сами, наш собственный', *бэйэлэрэ* 'они сами' употребляются для подчеркнутого указания на говорящего, собеседника и на 3-е лицо [Данилова, 1991, с. 105], имеют значение определенности: *Бэйэм оҕордум* 'Сделал сам'; *Бэйэбиттэн иэстиэм* 'С тебя самого спрошу'; *Бэйэтигэр атыыласта* 'Купила себе'.

В каждом языке выражение категории определенности-неопределенности по внутренней организации, по функциональной семантике имеет свои особенности. Определенность и неопределенность связаны с общей семантикой предметности имени существительного как части речи. Они характеризуют предмет, обозначаемый существительным, как определенный или неопределенный. Определенность показывает единичность предмета, всегда подчеркнута, выражает известность, индивидуальность, притяжательность, конкретность, точность. Неопределенность выражает отношение предмета к классу множества ему подобных. Ее значение исходит от новизны, неизвестности, обобщенности, неконкретности, неточности. Отсутствие в безартиклевых языках четкой системы специфических морфологических средств выражения значений определенности-неопределенности позволяет рассмотрение данного явления как слабо централизованного функционально-семантического поля. Изучаемая нами функционально-семантическая категория определенности-неопределенности в безартиклевом якутском языке состоит из двух семантических сегментов – микрополей, образующих общее значение оппозиционного характера на уровне единой категории: микрополе определенности и микрополе неопределенности.

В данной монографии имена существительные, прилагательные, числительные и местоимения рассмотрены в качестве лексических средств выражения категории определенности-неопределенности в якутском языке. Выяснилось, что средства выражения рассматриваемой категории в якутском языке можно обнаружить в морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка. Выявлено, что к приближенным к центру микрополя определенности относятся аффиксы категории принадлежности, некоторые лексические средства, как количественные числительные, определяющие существительное через числовые понятия, порядковые, разделительные, собирательные и дробные числительные, личные, указательные, вопросительные определительные, притяжательные и лично-возвратные

местоимения. К центру микрополя неопределенности наиболее близкими выступают аффиксы категории числа, приблизительные числительные, неопределенные, обобщительно-отрицательные, обобщительные, собирательные местоимения. Остальные выявленные средства выражения относятся к периферийным. При этом определено, что периферийные средства наиболее нуждаются в поддержке контекста. Результаты анализа на материале якутского языка позволяют утверждать, что средства выражения категории определенности-неопределенности представлены на всех уровнях языка и относятся не только к имени существительному. Субъектно-предикатные и объектно-предикатные отношения, через которые выражается данная категория, распространяют ее влияние и на систему якутского глагола.

РАЗДЕЛ 4.

ЛЕКСИКА МИКРОПОЛЯ СУТОЧНОГО ВРЕМЕНИ

Время – это мера длительности существования всех объектов, характеристика последовательной смены их состояний в процессах изменения и развития. Категорию времени изучают в физике, философии, фольклоре, истории, литературе, культурологии, психологии, лингвистике. С точки зрения языка, время – это категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории времени, и функционально-семантическое поле, которое охватывает разноуровневые средства языка, взаимодействующие при выражении временных отношений между процессом и моментом речи. Языковые средства выражения восприятия человеком времени показывают сколько, с какого и до какого времени протекает действие, когда происходит действие. В якутском языкознании категория времени имела место быть в работах синтаксистов. Например, изучение обстоятельства времени простого предложения было начато Е.И. Убрятовой в “Исследованиях по синтаксису якутского языка” [Убрятова, 1950, с. 157-170], которая выделила роль имен существительных, прилагательных, наречий времени, числительных, послелогов, а также словосочетаний в создании временных отношений в предложении. Автор указывает на то, что обстоятельство времени – это второстепенный член предложения, показывающий сколько, с какого и до какого времени протекает действие, выраженное сказуемым [Там же, с. 157]. Время как семантический признак сложноподчиненных предложений было рассмотрено в Грамматике современного якутского литературного языка 1995 года, в которой временные отношения в сложноподчиненных конструкциях формируются из понятий предшествования, следования, одновременности: “различные отношения во времени между событиями, описываемые их частями. Это могут быть отношения разновременности, которые конкретизируются либо как следование события главной части за событием зависимой части, либо как предшествование главного события зависимому, или отношения одновременности, которая может быть полной или неполной” [ГСЯЛЯ, 1995, с. 262-263]. Временные отношения между событиями сложного предложения как “одновременность”, “следование”, “предшествование” были рассмотрены также в монографии Н.Н. Ефремова “Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке”, который значение временной связи определяет темпоральной локализацией события главной части относительно события зависимой части [Ефремов, 1984, с. 26]. Термин темпоральность в якутское языкознание было введено Н.И. Даниловой, которая, в свою очередь, категорию темпоральности понимает как отношение между частями аналитической конструкции, основанной на идее времени. Другими словами, один фрагмент конструкции отвечает на вопрос когда?: “содержание одной из частей аналитической конструкции выступает как обозначение времени действия другой части” [Данилова, 2001, с. 94]. Предшествующее предложение предстает как показатель того, во время какого действия совершается другое действие. Н.И. Даниловой были рассмотрены указательные местоимения и послелогов, участвующие в формировании темпорального значения: одно и многокомпонентные скрепы, представляющие собой сочетания указательных местоимений с послелогов темпорального содержания: *онтон* ‘после того, потом’, *ол икки ардыгар* ‘между’, *ол кэннэ (кэнниттэн)*, *дэ ол*

кэнииттэн ‘после того’, *ол иннигэр* ‘до того’, *онтон салгыы* ‘дальше того’, *ол тухары*, *ол былаһын тухары* ‘в течение того’, *онтон ыла* ‘с тех пор’, *ону кытта* ‘вместе с тем’, *дьэ онтон* ‘а затем, вот затем, а потом’, *онтон бэттэх (итинтэн бэттэх)* ‘с тех пор, с того времени’, *онтон салгыы* ‘затем, после того, вслед за тем’, *ону кытта тэнгэ (ону кытары тэнгэ)* ‘вместе с тем, одновременно’, *ол сабана* ‘в то время, в те времена, тогда’ и др. Таким образом, можно считать, что изучение функционально-семантической категории темпоральности в якутском языкознании находится на стадии развития.

Объектом нашего исследования мы выбрали природное время. Исследование временных ориентиров природного времени любого народа дает возможность установить его самобытную особенность и неразрывную связь между человеком и окружающей его средой. В сознании человека существуют два вида времени: циклическое и линейное время. Циклическое время охватывает природные циклы, возвраты и повторы одних и тех же событий, как восход и заход солнца, фазы луны, смена сезонов и др. Они отражают “циклы человеческой жизни, времен года, и реализуются в соответствующей лексике, называющей данные циклы: ночь, день, год, лето, зима и др.” [Кужугет, 2014, с. 30]. А линейное время – это время, которое представляет единичные, неповторимые, уникальные события в необратимом жизненном процессе [Яковлева, 1994, с. 101].

Существуют разные виды циклического времени: сезонное (годовое) время, солнечное время, лунное время, суточное время и т.д., которые можно объединить под термином “природное время” [Кужугет, 2014, с. 30]. К природному времени относятся времена года и части суток. Также к ним подключаются данные народного календаря, который считается отражением природного времени.

Сутки – это малая временная единица, делящаяся на день/ночь в соответствии с оппозицией свет/тьма. Определение времени человеком зависело от хода небесных светил, от движения солнца, его отражения на земле, от других природных факторов, а также от хода хозяйственной деятельности.

Структура макрополя суточного времени состоит из микрополей: *сарсыарда* ‘утро’, *күнүс* ‘день’, *түөртүүр* ‘полдник’, *киэһэ* ‘вечер’, *түүн* ‘ночь’.

1. В сознании человека “утреннее время” – это время от рассвета до 11 ч. утра (4-5 ч. до 11 ч.). Оно в языке представлено такими темпоральными реляторами, как наречия, существительные, прилагательные, фразеологические сочетания. Общее название утреннего времени выражено наречием *сарсыарда* ‘утро, утром’: *Сарсыарда таһырдыа тымныы* ‘Утром на улице холодно’. Данное наречие в зависимости от функции в предложении может быть существительным: *Кэрэ да сарсыарда!* ‘Какое прекрасное утро!’ Слово *сарсыарда* представляет собой композит из *сарсын* + *эрдэ* ‘завтра + рано’ [Бетлингк, 1990, с. 622]. Значение *сарсыарда* может усиливаться определяющими наречиями: *сарсыарда эрдэ* ‘очень рано утром’, *сарсыарда олус эрдэ* ‘очень рано утром’ и т.д.

Наречия времени, определяющие утреннее время, образуются с помощью падежных аффиксов:

Наречие времени *сарсыарданан* ‘под утро, к утру’, состоящее из наречия *сарсыарда* и аффикса орудного падежа *-нан*, указывает, что действие происходит перед самым рассветом, буквально в конце ночи и перед началом утра: *Сарсыарданан халлаан сырдаан барбыта* ‘Под утро стало светло’.

Наречие *сарсыардаттан* ‘с утра’, состоящее из *сарсыарда* и аффикса исходного падежа *-ттан*, обозначает, сколько времени длится действие, вернее, начиная с какого времени длится действие: *Мин эйигин сарсыардаттан күүтэбин* ‘Я тебя с утра жду’.

Наречие *сарсыардатын* ‘по утрам’ состоит из *сарсыарда* + *-та* + *-н*: аффикса притяжательности 3 л. *-та* и родительного падежа *-н*. Тоже указывает на время действия, но с семантикой ограничения, подчеркивания: *Кини дьиэбэ үлэлиир, ол гынан баран сарсыардатын манна сылдыаба* ‘Он дома работает, но по утрам (по его+ утру) будет приходить’.

Диалектный вариант наречия *сарсыардалык* ‘под утро, ранним утром’, представляющий собой композит наречия и имяобразующего аффикса *-лык* со значением уменьшительности. *Мин*

манна хонуом, сарсыардалык тиийиэм эһиэхэ ‘Я здесь переночую, к вам приеду только к утру’.

Прилагательные, выражающие утреннее время, образованы путем адеквативации наречия или способом аффиксации: *сарсыарда аһылык* ‘завтрак’, *сарсыарда процедура* ‘утренняя процедура’; *сарсыардаангы аһылык* ‘завтрак’, *сарсыардатаабы биэри* ‘утренняя программа’. В образовании данных прилагательных задействованы аффиксы *-нгы, -таабы*.

Существительные, выражающие утреннее время: *саһарба, сарсыардаангы саһарба* ‘утренняя заря, рассвет’. Ближайшими периферийными средствами от ядерного средства *сарсыарда* могут служить существительные с семантикой рассвет, заря, восход: *тын* ‘рассвет’, *саһарба* ‘утренняя заря’ и т.д.

Наречия времени, состоящие из оборотов сказуемого на *-ыта* и существительных *тын* ‘рассвет’, *халлаан* ‘небо’, *күн* ‘солнце’, *саһарба* ‘заря’, *сарыал* ‘заря’ и т.д., являются периферийными, но частовстречающимися средствами выражения утреннего периода времени: *күн тахсыыта* ‘восход солнца’, *күн ойуута* ‘солнце набрало силу’, *халлаан сырдыыта* ‘к началу рассвета неба’, *халлаан лаппа сырдыыта* ‘рассвет входит в силу’, *халлаан суһуктуйуута* ‘очень рано’ и др. Данная форма наречия на *-ыта* встречается среди следующего пласта периферийных средств – фразеологических единиц якутского языка: *тын хатыыта* ‘чуть свет, на рассвете, рано утром, как только занялась заря’. Например, *Сарсыарда тын хатыыта туран айаннахпыт* ‘Завтра, как только поднимется заря (очень рано), поедем в путь-дорожку’. Фразеологическая единица *хара сарсыардаттан* ‘с самого раннего утра’ буквально обозначает с черного утра’, выражает негативное отношение к происходящему действию, которое началось с утреннего времени: *Хара сарсыардаттан кыһырсан бардылар* ‘Начали ссориться с самого утра’.

Фразеологическая единица *харахпын хайа тардаат* ‘как только открыла глаза’ (букв.: ‘как только разорвала глаза’) обозначает утреннее время, которое следует сразу после пробуждения человека, используется в значении ‘как только проснись’: *харахпын хайа тардаат оскуолаба суурдум* ‘как только проснулась, побежала в школу’. Следующий фразеологический оборот полностью калькирован из русского языка: *Бөтүүк хаһытын кытта уһуктабын* ‘Просыпаюсь с первыми петухами’.

2. Дневное время в якутском языке выражается, в основном, существительным *күнүс* ‘день, дневное время, светлая часть дня, обеденное время’ и наречием *күнүс* ‘днем’, которые образованы от слова *күн* ‘солнце’. *Күнүс буолла* ‘Наступил день’.

Дневное время часто определяется с помощью прилагательного *күнүскү* в словосочетаниях, связанных с приемом пищи: *күнүскү аһылык, эбиэт* ‘время обеда’, *күнүскү омурбан* ‘дневной, обеденный перерыв на сенокосе’. Также есть словосочетание *күнүскү ыам* ‘дневной удой’, которое связано с хозяйственной деятельностью человека [Попова, 2012, с. 88].

Наречие *күнүстэри* ‘и днем; днем тоже’ (*күнүстэри-түүннэри* ‘весь день’) с аффиксом *-лэри, -тэри* обозначает время продолжительного действия: *күнүстэри утуйар* ‘спит даже днем’. Аффикс *-лэри, -тэри* фигурирует у С.В. Ястремского как особая форма совместного падежа [Харитонов, 1943, с. 28]. В настоящее время известен как аффикс винительно-собирательного падежа, который обычно употребляется в сочетаниях однородных членов, представляющих либо совокупность предметов, целиком подвергшихся действию, либо совокупность частей одного предмета, также целиком подвергшегося действию [ГСЯЛЯ, 1995, с. 26]. Но в нашем случае перед нами не имя существительное в форме винительно-собирательного падежа, а наречная форма со значением совокупности [Харитонов, 1943, с. 28-29], которая показывает время продолжительного действия во время обеденного перерыва или в течение дня, в светлое время суток.

Также наречие *күнүһүн* ‘днем, пока светло’ с аффиксом *-н* указывает на то, что действие длится в дневное время: *күнүһүн халлаан сылаас турар* ‘Днем погода стоит теплая’. Наречие *күнүһөрү* ‘ближе к обеду’, благодаря аффиксу *-үөрү*, выражает приблизительное дневное время. Данный аффикс восходит к древнетюркскому дательному-направительному падежу *-гари* [ГСЯЛЯ, 1995, с. 36], часто используется в наречиях сезонного времени: *сааһыары* ‘ближе к весне’, *кыһыары* ‘ближе к зиме’.

От наречия *күнүс* образуется наречие образа, благодаря аффиксу *-лыы*: *күнүскүлүү* ‘словно днем, как будто днем’ – *күнүскүлүү күндэээр* ‘светится как будто днем’.

Фразеологическая единица *курулуур күнүс* ‘В середине дня, среди белого дня’: *Күрүлүүр күнүс утуйа сытыма!* ‘Что ты лежишь среди бела дня! Букв.: не спи днем!’. Обозначение времени суток по движению солнца: *Күн оройго тыгар буоллабына* ‘Ровно в полдень, когда солнце достигнет пика’.

3. Послеобеденное время называется *түөртүүр* ‘полдник’. В старину у якутов, когда коров доили пять раз в день в летний период, *түөртүүр* ‘полдник’ был временем четвертого удоя. *Киэһээнни түөртүүргэ диэри дьэдьэнни табыстым* ‘До четвертого удоя землянику соберу’ [ТСЯЯ, XI, 2014, с. 268]. Название представляет собой субстантивированное причастие настоящего времени с аффиксом *-ыыр*: *Түөртүүр аһылык* ‘прием пищи между обедом и ужином (в четыре часа дня)’; *түөртүүр омурбан* ‘небольшой перерыв на сенокосе для отдыха в 4 часов дня’. *Түөртүүр омурбан кылгас буолар* ‘Послеобеденный перерыв должен быть коротким’.

4. Общее название вечернего времени именуется наречием, существительным *киэһэ* ‘вечер’, прилагательным *киэһээнни* ‘вечерний’, *киэһээнни кэм* ‘вечер, вечернее время’. *Киэһэ бишрдэ мустабыт* ‘Соберемся только вечером’; *Чуумпу киэһэ* ‘Тихий вечер’.

Наречия *киэһэлик* с аффиксом *-лик* обозначает время действия к вечеру, под вечер, вечерком: *Киэһэлик бишрдэ босхолонобун* ‘Освобожусь только к вечеру’. На приблизительное время действия указывает имя существительное в творительном падеже *киэһэнэн* ‘ближе к вечеру’: *Киэһэнэн сылайдылар* ‘К вечеру устали’. *Киэһэнэн халлаан тымныйбыта* ‘Под вечер (к вечеру) стало прохладно’.

Для того, чтобы определить причастность какого-нибудь явления к вечернему времени, используются прилагательные от наречия *киэһэ* при помощи аффиксов *-ээ* и *-ээнни*: *киэһээ аһылык* ‘ужин’, *киэһээнни ыам* ‘вечерняя работа’, *киэһээнни үлэ* ‘вечерняя работа’, *киэһээнни оскуола* ‘вечерняя школа’, *киэһээнни омурбан* ‘вечерний перерыв на сенокосе’ и т.д.

В обозначении вечера часто встречаются существительные, имеющие отношение к лексико-семантической группе ‘вечер’, а именно существительные и прилагательные с лексическим значением ‘сумерки и полумрак’: *им* ‘вечерние сумерки, полумрак после захода солнца и до наступления ночи’ (*Им сүппүтүн кээнэ* ‘После захода солнца’), парное существительное *имик-самык* ‘сумерки, полусвет, полумрак’, существительное *борук* ‘сумерки, полумрак’ или *борук-сорук* ‘слабый, полутемный, сумрачный свет, сумерки’ (*Борук-сорукка дьэйттэн табыстаххына, чугастаабы ыалларын охотторун ураатыттан кыым бөбө кытыастар* (ХУ ХС 21) ‘Если выйдешь под вечер в сумерки из дому, то увидишь, как на соседних крышах из труб искры летят’).

Существительные *им* ‘вечерние сумерки, полумрак после захода солнца и до наступления ночи’, *имик-самык* ‘сумерки, полумрак’ встречаются в качестве компонента оборота *им сүтүүтэ* ‘после захода солнца’, *имик-самык буолуута* ‘в сумерки’.

5. Следующим временным отрезком суток является ночное время *түүн* ‘ночь’. *Түүн ортото бишрдэ кэллилэр* ‘Приехали только в полночь’. Наречия, выражающие ночное время: *түүн* ‘ночь’, *түүнүн* ‘ночью’, *түүннэри* ‘ночью’.

Наречие *бөлүүн* ‘в минувшую ночь’ состоит из указательного местоимения *бу* + *түүн* ‘ночь’ [Бетлингк, 1990, с. 522] указывает на ночное время суток. *Бөлүүн 4 чааска фашистар биһиги дойдубутугар ороспуонньуктуу саба түстүлэр* (АА С 7) ‘Сегодня ночью в 4 часа на нашу страну напали фашисты’.

Следующими обозначениями ночного времени могут являются фразеологические сочетания: *ытыс таһынар харанга* ‘темная-темная ночь’, *им балай харанга* ‘темная ночь’.

6. Далее рассмотрим понятия, которые обозначают круглые сутки. К ним относятся, например, парное наречие *күнүстэри-түүннэри* ‘весь день’: *күнүстэри-түүннэри хаар түһэр* ‘снег идет и днем, и ночью’. Понятие “целые сутки” можно выразить оппозицией понятий день/ночь: *Күнүһүгэр Москва уруккутунан толору олобу олорон ... ньирилли-ньиргийэ турар. ... Түүнүгэр Москва күндэлэс уулуссалара им балай ортотугар иһийэллэр* (АА С 25) ‘Днем (дословно в день + его) Москва по-прежнему полной жизнью живет. Ночью (досл.: в ночь + его) сверкающие

улицы Москвы погружаются в глубокую тьму’. В данном примере для подчеркивания времени используются антонимы притяжательные имена существительные с аффиксом дательного падежа *-гэр*. Также в якутском языке редко встречается наречие времени суток с исчезнувшим аффиксом инструментального падежа *-н (ын)* [ГСЯЛЯ, 1982, с. 148]: *Күнүн сылаас турбутун иһин, түүнүн тонгоруон сөп* ‘Несмотря на то, что днем тепло, ночью могут ударить заморозки’.

Форма наречия с аффиксами глагола *-лээ*, изъявительного наклонения *-т*, и деепричастия на *-э* обозначает постоянное время, которое продолжается не переставая или повторяется время от времени: *Сыллата ахсын түөрт уоннуу сымыыты сымыыттаан биэрэр буолта* (СО А 113) ‘Ежегодно начала нести по 40 яиц’; *Сардаана күннэтэ ахсын тупсан иһэр* ‘Сардаана хорошеет с каждым днем’.

Күнүстэтэ

Күдээрит да күдээрит буолла,

Түүннэтэ

Түһэр да түһэр буолла,

Киэһэлэтэ

Киптэр да киптэр буолла,

Сарсыардалата

Сайгыт да сайгыт буолла [КУу НКАТДьБ 90].

‘И днями он быстро несется, поднимая пыль, и ночами мчится да мчится он; и вечерами пробивается стремительно, и утрами все продолжает свой путь’.

Таким образом, функционально-семантическое микрополе суточного времени, которое содер-жит понятие *төгүрүк суукка* “круглые сутки”, делится на пять отрезков времени: *сарсыарда* ‘утреннее время’, *күнүс* ‘дневное время’, *түөртүүр* ‘послеобеденное время’, *киэһэ* ‘вечернее время’, *түүн* ‘ночное время’. В функционально-семантическом микрополе суточного времени ядерными средствами являются существительные, обозначающие отрезок суточного времени, и наречия со значением времени с аффиксами *-н*, *-ээри*, *-ыары*, *-нан*, *-тын*, *-ттан*, *-лык*, *-лыы*. Наречия иногда представляют собой композиты из двух слов: *сарсыарда* ‘утро’ состоит из *сарсын* ‘завтра’ + *эрдэ* ‘рано’, *бөөлүүн* ‘этой ночью’ состоит из *бу* ‘эта’ + *түүн* ‘ночь’ и т.д. При этом, часто встречаются наречия в виде лексиколизированных существительных с падежными формами. Выявлено, что имя существительное с аффиксом орудного падежа *-нан* лексиколизировалось в наречие, обозначающее приблизительное время. Аффикс исходного падежа *-ттан* – наречие, показывающее с какого времени длится действие. Наречия с формой инструментального падежа *-тын*, *-н* указывают точный отрезок времени, выделяют его роль. Аналогичную функцию выполняет аффикс дательного падежа *-гэр*. Показатель *-лэри* (*-тэри*) встречается в наречиях со значением собирательности, особенно в парных наречиях, обозначающих продолжительное действие. Также зафиксировано наречие в форме существительного с аффиксами глагола *-лээ*, повелительного наклонения *-т*, и деепричастия на *-э*, которое обозначает постоянное время, которое продолжается периодически, но не переставая. Особое место среди ядерных средств, выражающих суточное время, занимают наречия в виде оборотов на *-ыыта* с формой рудиментарного падежа места *-та*. Периферийными средствами являются парные прилагательные, прилагательные с аффиксами *-нны*, *-ны*, *-кы*, фразеологические единицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы монографии едины во мнении о том, что в области грамматики и лексики якутского языка достигнуты значительные результаты в исследовании способов выражения языковых семантических категорий и тем самым созданы все предпосылки для их систематизации и построения функционально-семантических полей.

Результат исследования семантических категорий, представленных в данной монографии, показал, что в якутском языке они различаются как по базовым способам языкового выражения, так и по структуре и объему содержания. Так, сложную семантическую структуру имеет категория темпоральности. Эта сложность обусловлена тесными семантическими связями и широким взаимодействием базовых категорий аспектуальности, модальности, персональности. Например, формы времен изъявительного наклонения современного якутского языка, представляющие реальные ситуации с точки зрения их временной локализации относительно момента речи, образуют ядро поля темпоральности. Семантическая структура каждой временной формы формируется сочетанием ее реально-модального, аспектуального и собственно-темпорального значений. При этом в каждой временной форме названные значения взаимодействуют по-разному. Формы прошедшего времени представляют событие как реальное (достоверное), предшествующее моменту речи. Ситуация может быть представлена как преимущественно аористивная (форма на *-ды*) или как преимущественно результативная (форма на *-быт*), т.е. эти формы разнятся и по аспектуальной характеристике: аорист связан с кратковременными событиями, результатив – с продолжительными. В якутском языке формы предшествования имеют различную степень временной удаленности от момента речи: менее удаленное событие обозначается формой на *-ды (-ты)*, более удаленное – формами на *-быт*. Форма настоящего времени связана с реальной модальностью и с продолжительным событием. Будущее время отличается ирреальностью содержания, имеет нейтральную аспектуальную характеристику. Периферию категории темпоральности составляет довольно обширный круг лексем со значением времени.

Свои особенности функционирования имеет комплекс средств выражения качественно-количественной характеристики действия: категории глагольной качественности и дистрибутивной множественности. К ним по многим семантическим параметрам примыкает категория определенности-неопределенности, которая во многом опирается на качественную и количественную характеристику предмета. При этом сложность анализа семантической структуры категории качественности обусловлена тем, что в языкознании наблюдается сильная тенденция к совмещению понятий качества и свойства, когда слово *качество* многозначно и понимается, с одной стороны, как качественная определенность предмета, совокупность свойств, определяющих специфику вещи, и, с другой стороны, как отдельное свойство [Павлов, 1996, с. 12]. Анализ глагольной качественности в якутском языке выполнен исходя из мнения, что в поле качественности включаются только те атрибутивные и предикативные конструкции, которые несут семантическую нагрузку приписывания качества-свойства. ФСП качественности в якутском языке имеет полицентрическую структуру с двумя основными центрами – атрибутивным и предикативным. В ядре ФСП атрибутивной и предикативной качественности находятся высокочастотные качественные прилагательные, поскольку значение качественного признака является их грамматическим (категориальным) значением. Ближе к центру атрибутивной качественности расположены конструкции с отглагольными причастиями. Существительные в роли атрибутов также встречаются довольно часто и потому не относятся к периферийным средствам, тогда как в роли предикатов они гораздо более реже употребляются для приписывания качественного признака субъекту, чем глагольные сказуемые с квалита-

---

тивной семантикой. Основу глагольных атрибутивных конструкций со значением качественности составляют причастия на *-ар, -бат, -быт, -батах, -ыах*. В целом анализ категории глагольной качественности способен подтвердить теорию прототипов, согласно которой лексические и грамматические категории не имеют четко очерченных границ, имеют центр и периферию и организуются вокруг прототипа, который представляет собой в концентрированном виде конгломерат наиболее типичных для данной категории признаков.

Семантические типы дистрибутивной глагольной множественности обусловлены лексической семантикой глагольного предиката или лексическим модификатором. Например, в якутском языке для ситуаций движения в качестве основного репрезентанта выступает семантика глагола, объектный диверсатив характеризуется наличием грамматических средств выражения (аффиксов многократности), в субъектном диверсативе не менее важную роль играют наречия, обозначающие направления движения в разные стороны. А в качестве ядерного репрезентанта субъектного дисперсива выступают лексические средства, указывающие на то, что одинаковые ситуации происходят в нескольких местах (*онон-манан* 'то тут, то там', *хас да сиринэн* 'в нескольких местах'). Кроме того, в якутском языке достаточно четко выделяются два подтипа квазидистрибутивного значения, напрямую зависящие от характеристики объекта.

Сложную структуру имеет функционально-семантическое поле категории обусловленности в якутском языке. Ядром выступают причинно-следственные полипредикативные конструкции, ибо данными конструкциями описываются, прежде всего, реальные пропозиции, тогда как в условных, целевых и уступительных характерно обозначение потенциальных (возможных) и нереальных пропозиций. Уступительные ППК в отличие от других ППК обусловленности характеризуются как конструкции антиобусловленности. Примечательно, что в сфере синтетических и аналитических ППК обусловленности имеют место отношения функциональной эквивалентности, что связано с доминирующим характером синтетических ППК в системе ППК обусловленности.

Имеет свои особенности категория персональности в якутском языке, для выражения которой доминирующим средством выступает морфологический способ. Показатели лица при этом еще выражают согласование сказуемого с подлежащим в лице и числе, и при отсутствии подлежащего способны самостоятельно представлять лицо-число производителя действия. Систему средств выражения персональности составляют три типа показателей: 1) личные аффиксы сказуемости, образующие финитные формы глагола, способные также прикрепляться к деепричастиям, входящие в состав сложных лично-отнесенных модальных конструкций и участвующие при образовании именного сказуемого, присоединяясь к именам, частицам, модальным словам; 2) аффиксы принадлежности в составе финитных форм глагола, сложных лично-отнесенных модальных конструкций и участвующие в образовании именного сказуемого в прошедшем времени; 3) особые личные аффиксы повелительного наклонения. При наличии определенных условий контекста в значениях глагольных форм лица расширяется возможность функционального варьирования, что выражается в максимальной взаимозаменяемости форм всех трех лиц в единственном и множественном числах. Так как категория лица составляет основу сказуемости, а также предопределяет типы простого предложения (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные), она выступает как синтаксически ориентированная категория, выполняющая важную роль в формировании предикативного ядра предложения, а также реализации коммуникативного потенциала отдельного высказывания.

Анализ функционально-семантической категории определенности-неопределенности в безартиклевых языках, к которым относится якутский, осложняется тем, что в процессе функционирования в речи одни и те же языковые единицы могут выступать средствами выражения как определенности, так и неопределенности, что вынудило отказаться от схематичного изложения и строгого описания языковых фактов, составляющих данную категорию. В этой связи описание средств выражения функционально-семантической категории определенности-неопределенности в якутском языке представлено в рамках традиционного деления по уровням языка: морфологическом, лексическом, синтаксическом. При этом особое внимание уделяется влиянию контекста как основной среде, способствующей подобному переходу.

Установлено, что средства выражения рассматриваемой категории в якутском языке можно обнаружить в морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка. К приближенным к центру микрополя определенности относятся аффиксы категории принадлежности, некоторые лексические средства, как количественные числительные, определяющие существительное через числовые понятия, порядковые, разделительные, собирательные и дробные числительные, личные, указательные, вопросительные определительные, притяжательные и лично-возвратные местоимения. К центру микрополя неопределенности наиболее близкими выступают аффиксы категории числа, приблизительные числительные, неопределенные, обобщительно-отрицательные, обобщительные, собирательные местоимения. Остальные выявленные средства выражения относятся к периферийным. Определено также, что периферийные средства более всех нуждаются в поддержке контекста. Результаты анализа на материале якутского языка позволяют утверждать, что средства выражения категории определенности-неопределенности представлены на всех уровнях языка и относятся не только к имени существительному.

В качестве следующего этапа исследования семантических категорий якутского языка участники научного коллектива рассматривают сравнительно-сопоставительный аспект анализа с привлечением материала тюркских языков разного ареала. Выяснилось, что дальнейшего исследования требует проблема пересечения и взаимодействия функционально-семантических категорий. В ходе анализа участники проекта пришли к выводу о том, что в семантике высказывания важную роль играет лексическая основа словоформы, которая задает характер аргументов, количество актантов и т.д. Большие перспективы безусловно может иметь совершенствование методов исследования, например, использование методики структурно-семантического моделирования языковых единиц, что позволило бы более доступно представить результаты анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Абумова О.Д. Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2002. – 24 с.

Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. Значение качественной характеристики в конструкциях с глагольными предикатами // Теория функциональной грамматики: Качество. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 79-93.

Акимова Э.Н. Функционально-семантическая категория обусловленности в плане языковой синхронии и диахронии // Интеграция образования. – 2005. – № 4. – С. 177-180.

Андреев Ф.В. Знаменательные и служебные слова в русской речи // Журнал министерства народного просвещения. – М., 1895.

Аристотель. Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, 1976-1983. – Т. 1. – 1976. – 550 с.; – Т. 2. – 1978. – 687 с.

Арутюнова Н. Д. От редактора // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Изд-во Индрик, 1997. – С. 5-16.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 607 с.

Баскаков Н.А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 263-304.

Белякова С.М. Категория темпоральности в русском языке: история изучения // Пространство и время в языке, язык в пространстве и времени. – Тюмень: Изд-во Тюменского госуд. ун-та, 2005. – С. 13-21.

Бетлингк О.Н. О языке якутов / Пер. с нем. Рассадин В.И. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.

Болсуновская Л.М., Кузнецова Н.Г. Способы глагольного действия и множественность ситуаций в диалектах селькупского языка // Языки коерных народов Сибири. – Новосибирск, 1999. – С. 157-177.

Бондарко А.В. Качество. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Качество. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С. 5-7.

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 260 с.

Бондарко А.В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – 369 с.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – 736 с.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976. – 254 с.

Боргоякова Т.Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями (на материале хакасского языка). – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 174 с.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 41-72.

Буркова С.И. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2002. – 26 с.

Буркова С.И. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка. – Новосибирск: Ред.-изд. отдел НГУ, 2003. – 260 с.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1863. – 394 с.

- Валиева Л.Г. Семантика и репрезентация каузальности в татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. – 26 с.
- Васильев Г.М. Якутское стихосложение. – Якутск: Кн. изд-во, 1964. – 125 с.
- Вахтин Н.Б. Персональность в эскимосском языке // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 109-124.
- Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 231-253.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
- Винокуров И.П. Синонимика падежных конструкций в якутском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1971. – 20 с.
- Винокурова Н.И., Винокуров И.П. Наклонения в якутском и английском языках: сравнительный анализ // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 2(5). – С. 98-107.
- Воейкова М.Д., Пупынин Ю.А. Предикативная качественность // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 53-65.
- Володин А.П. Персональность в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 87-108.
- Всеволодова М.В. К вопросу о методологии и методах лингвистического анализа (на примере пространственных, временных и причинных отношений) (Статья третья) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2005. – №3. – С. 51-78.
- Герасимова Е.С. Категория множественности в функциональных стилях якутского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2012. – 24 с.
- Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1. Фонетика. Морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
- Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – 336 с.
- Грамматика туркменского языка. Ч.1. Фонетика и морфология / Под ред. Н.А. Баскакова. – Ашхабад: Ылым, 1970. – 503 с.
- Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Наука, 1975. – 418 с.
- Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 160 с.
- Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 168 с.
- Гузев В.Г. Парадигма финитных форм имен как категория сказуемости // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1976. – С. 235-248.
- Данилова Н.И. Местоимение в якутском языке. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. – 120 с.
- Данилова Н.И. Смысловая структура аналитической связи в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 2001. – 143 с.
- Данилова Н.И. Система временных форм якутского глагола в функциональном аспекте // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 2(5). – С. 90-98.
- Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, 2008. – 262 с.
- Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 275 с.
- Дмитриев Н.К. Башкорт теленен грамматикаһы. – Өфө: Башгосиздат, 1950. – 299 с.
- Дмитриев Н.К. К истории аффиксов сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 16-21.
- Долинина И.Б. Количественность в сфере предикатов // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 219-245.
- Дробышева Н.Н. Категория обусловленности в русском и чувашском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2008а. – 164 с.
- Дробышева Н.Н. Способы выражения отношений обусловленности в русском и чувашском языках // Вестник Чувашского университета. – 2008б. – N 1. – С. 149-151.

Дубровская О.В. Темпоральные конструкции в шорском языке (в сопоставлении с южносибирскими тюркскими языками): дис. ... канд. филол. наук. – Новокузнецк, 2012. – 177 с.

Дьячковский Ф.Н. Лексическая полисемия непроеизводных имен прилагательных в современном языке саха (системно-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1997. – 22 с.

Евтюхин Б.Б. О некоторых текстовых аспектах категории обусловленности (на материале текстов художественной литературы) // Именные и глагольные категории в системе функциональной грамматики: Сб. мат-лов конф. (9-12 апреля 2013 г.). – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 87-91.

Егинова С. Д. Развитие семантики имен прилагательных якутского языка, обозначающих черты характера человека (диахронно-синхронное исследование). – Якутск: Изд-во СВФУ, 2013. – 166 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. – Новосибирск: Наука, 2000. – 192 с.

Ефремов Н.Н. Локативные конструкции в якутском языке. Отчет НИР 2010-2012 гг.

Ефремов Н.Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 193 с.

Ефремов Н.Н. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. – М., 1984. – 85 с.

Ефремов Н.Н. Средства выражения эвиденциальности в якутском языке: изъяснительные конструкции // Современная филология: теория и практика: мат-лы VIII межд. науч.-практ. конф. (2-3 июля 2012 г.). – М.: Изд-во “Спецкнига”, 2011. – С. 52-57.

Ефремов Н.Н. Эпические формулы в тексте якутского героического эпоса олонхо: Лингвистический аспект // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2013. – №1. – С. 64-67.

Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963. – 462 с.

Звездова Г.В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. – 144 с.

Золотова Г.А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 7-30.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Изд-во ИРЯ РАН, 2004. – 544 с.

Иванов С.Н. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). – Ташкент: Изд-во “ФАН” Узбекской ССР, 1969. – 204 с.

Иванова Е.Ю. Семантическая типология предикатов в сопоставительном аспекте: предикаты «свойств» в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. – 2009. – № 3-4. – С. 5-17.

Иванова И.Б. Функционально-семантическая категория количественности в якутском языке. Отчет НИР 2010-2012 гг.

Иванова И.Б. Функционально-семантическое поле количественности в якутском языке (на материале микрополя единичности) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 28. – С. 41-44.

Илларионов В.В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо. – Новосибирск: Наука, 2006. – 191 с.

Исхакова Ф.Х., Насилов Д.М., Рассадин В.И. Выражение множественности ситуаций в тюркских языках // Типология итеративных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. – С.110-122.

Исхакова Х.Ф., Насилов Д.М., Невская И.А. Уступительные конструкции в тюркских языках // Типология уступительных конструкций / отв. ред. В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 2004. – С. 424-452.

Киекбаев Дж.Г. Современный башкирский язык. – Уфа: БГУ, 2001. – 148 с.

Кондаков Н.И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 656 с.

- Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.
- Копырина Е.П. Полисемия глаголов физического воздействия на объект в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 2012. – 163 с.
- Коркина Е.И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 96 с.
- Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 208 с.
- Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.
- Коркина Е.И. Формы прошедшего времени в якутском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1960. – 19 с.
- Кормушин И.В. Категория времени // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – Ч. 2. – М.: Наука, 1988. – С. 368-423.
- Кормушин И.В. Система времен глагола в алтайских языках. – М.: Наука, 1984. – 84 с.
- Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. – Изд. 3-е, перераб. и допол. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. – 614 с.
- Кужугет Ш.Ю. Лексико-семантическое поле природное время в прозе К.-Э.К. Кудажы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 23 с.
- Курс якутской грамматики: система морфологических категорий и синтаксических конструкций / Данилова Н.И., Попова Н.И., Ефремов Н.Н. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004. – 202 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Лиханов В.И. Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке. – Новосибирск: ВО “Наука”. Сибирская издательская фирма, 1994. – 130 с.
- Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. – М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. – 312 с.
- Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.
- Мельников Г.П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и истории тюркских языков. – М.: Наука, 1971. – С.121-137.
- Мурыгина З.М. Семантическая структура спрягаемых форм русского глагола. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 157 с.
- Никифоров Г.А. Категория множественности в якутском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1952. – 20 с.
- Осипова М.А. Дистрибутивные глаголы в современных западнославянских языках (синхронно-сопоставительный аспект): дис. ...канд. филол. наук. – М., 1984. – 220 с.
- Павлов В.М. Качественность и субстанциальная семантика // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 8-53.
- Пете И. Дистрибутивная множественность в русском языке // Russian Linguistics. – 1981. – №1. – С. 41-55.
- Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 300 с.
- Петрова Т.И. Ыраастык сахалыы саҥарыах. Билиҥҥи саха тылыгар нуучча тылын сабыдыала. – Дьокуускай, 1996. – С. 34-45 (на якутском языке).
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
- Понкротова А.Н. Дистрибутивная глагольная множественность в когнитивно-функциональном аспекте: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2002. – 171 с.
- Попова Н.И. Аспектуальность: глагольные аналитические конструкции // Функционально-семантические категории в якутском языке: темпоральность, таксис, аспектуальность: отчет (заключ.) проект РГНФ №05-04-794, 07а/т/ рук. Н.Н. Ефремов, исп. Н.И. Данилова, Н.И. Попова. – Якутск, 2006.
- Попова Н.И. Перифрастическая форма *-ар/-бат буол-* в якутском языке: аспектуальная семантика // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 2(5). – С. 86-90.

Попова Н.И. Словоизменительные категории глагола // Курс якутской грамматики: Система морфологических категорий и синтаксических конструкций: Учеб.пособие. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004. – С. 72-124.

Попова Н.И. Функционально-семантический анализ причастий якутского языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Якутск, 1992. – 18 с.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4-х т. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1-2. – 536 с.

Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – 478 с.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. – 286 с.

Самсонова Е.М. Категория итеративности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность. – Новосибирск: Наука, 2013. – С. 178-224.

Сандакова М. В. Метонимия качественного прилагательного и его синтаксическая позиция // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: сб. мат. Межд. науч. конф. – Киров, 2006. – С. 222 - 229.

Саха билинни тыла. Морполуогуя: устудьуонна аналлаах үөрэх кинигэтэ / Антонов Н.К. уо.д.а. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 288 с.

Саха тыла. Морфология / Н.Д. Дьячковский, П.С. Афанасьев, Г.Д. Сосин. – Якутск: Кн. изд-во, 1973. – 208 с.

Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М., 1966. – 438 с.

Севортян Э.В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 16-22.

Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку: Маариф, 1979. – 304 с.

Сивцева Н.А. К вопросу о категориях определенности-неопределенности и множественности в якутском языке // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков: сб. мат-лов Межд. тюркологической конф., посв. памяти проф. Казанского университета Д.Г. Тумашевой (21-24 октября 2011 г., г. Казань). – Казань: ИФИ КФУ, 2011. – С. 265-266.

Сивцева Н.А. Функционально-семантическая категория определенности-неопределенности в якутском языке. Отчет НИР 2010-2012 гг.

Синкевич Д.А. Категория темпоральности в лингвофилософском освещении // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – №7 (188). – С. 148-152.

Скрибник Е.К., Даржаева Н.Б. Полипредикативные конструкции обусловленности в бурятском языке. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 180 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

Смирнов И.Н. Семантика качественности и временная локализованность // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 93-107.

Собакина И.В. Русско-якутские соответствия при переводе форм выражения категории множественности (Имена существительные): дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2004. – 172 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – Ч. 2. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

Степаненко К.А. Категория лица в функционально-семантическом аспекте (на материале русского и португальского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2009. – 184 с.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Книжный дом “Либроком”, 2010. – 336 с.

Суперанская А.В. Апеллятив – онама // Имя нарицательное и собственное: Сб. ст. – М.: Наука, 1978. – С. 5-32.

Сымулов М.Г. Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках: На материале английского и чувашского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2005. – 198 с.

Тажибаева С.Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 271 с.

Тажибаева С.Ж. Способы выражения каузальных отношений в казахском языке (сопоставительный аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 2004. – 44 с.

Татевосов С.Г. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. – 2005. – №1. – С. 108-139.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис: Изд. 5-е. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.

Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996а. – 264 с.

Теория функциональной грамматики. Локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. – СПб.: Наука, 1996б. – 230 с.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.

Типология условных конструкций. – СПб., 1998. – 583 с.

Торотов Г.Г. Функционально-стилистическая дифференциация определений в современном якутском языке. – Якутск: Изд-во СВФУ, 2011. – 148 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка: Простое предложение. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 304 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. – Кн. 1. – Новосибирск, 1976. – 214 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2006. – 603 с.

Убрятова Е.И. Удвоение основы слова в якутском языке // Вопросы грамматики: сб. ст. к 75-летию акад. И.И. Мещанинова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 211-222.

Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 336 с.

Филиппов Г.Г. Причастие – древнейшая живая системообразующая форма тюркских языков // Тюркские и северные языки: Мат-лы науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рожд. проф. Л.Н. Харитоновой. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2002. – С.136-147.

Филиппов Г.Г. Причастия будущего времени на *-аах* и форма на *-аа* в якутском языке. – Якутск, 1996. – 190 с.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Якутск, 1999. – 51 с.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование: дис. ... доктора филол. наук. – Якутск, 1999. – 506 с.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. – 607 с.

Филиппов Г.Г. Саха тылыгар предикативнай падежтааһын. – Якутск: РИО ЯГУ, 1989. – 192 с.

Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. – Изд. 3-е. – М.: Политиздат, 1975. – 496 с.

Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы. – Казань: Татарстан китап нәшрияты, 1954. – 335 с.

- Харитонов Л.Н. Неизменяемые слова в якутском языке. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1943. – 83 с.
- Харитонов Л.Н. Саха тылын грамматиката. Морфология. IV кылааска үөрэнэр кинигэ. – Якутскай: САССР государственной изд-вата 1949. – 306 с.
- Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Ч.1. Фонетика и морфология. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 313 с.
- Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.
- Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 179 с.
- Хартунг Ю. Дистрибутивный и суммарно-дистрибутивный способы глагольного действия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1979. – 24 с.
- Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 180 с.
- Хораськина Г.В. Синкретичные отношения обусловленности в разноструктурных языках: на материалы русского и чувашского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2006. – 167 с.
- Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. – Л.: Наука, 1989. – С. 5-53.
- Черемисина М.И. Специфические функции финитных и инфинитных (зависимых) сказуемых в языках разных систем // Теоретические аспекты лингвистических исследований. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1984. – С. 3-36.
- Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 198 с.
- Черемисина М. И., Озонова А.А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. – Новосибирск: Изд-во “Любава”, 2008. – 205 с.
- Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – №4. – С. 46-57.
- Чиркоева Д.И. Категория принадлежности в современном якутском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1998. – 23 с.
- Чиркоева Д.И. Категория принадлежности в современном якутском языке. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 216 с.
- Чонбашев К.С. Сложные предложения с придаточными дополнительными, времени и причины в русском и киргизском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Фрунзе, 1964. – 37 с.
- Шайхайдарова Д.Ш. Грамматическая категория лица татарского глагола и персональность: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1980. – 22 с.
- Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 132 с.
- Шелякин М.А. Дистрибутивно-суммарный способ действия русского глагола // Ученые записки Тартуского ун-та. – Вып. 524. – Тарту, 1980. – С. 42-53.
- Шелякин М.А. О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 62-86.
- Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 2001. – 288 с.
- Шкунников В.А. Глагольная множественность в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1997. – 138 с.
- Шлуинский А.Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. – 2006. – №1. – С. 46-75.
- Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). – Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1981. – 183 с.
- Юдин А.А. Категория лица глагола в современном русском языке: Учеб. пос. – Рязань: Изд-во Рязанского госуд. пед. ин-та, 1976. – 155 с.
- Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 97-112.

- Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.
- Яковлева Е.С. Время и пора в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
- Яковлева Е.С. Час в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 54-76.
- Яковлева Е.С. Языковое отражение циклической модели времени // Вопросы языкознания. – 1992. – № 4. – С. 73-83.
- Ястремский С.В. Грамматика якутского языка / Под ред. Б.М. Гранде. – М.: Учпедгиз, 1938. – 228 с.
- Baker, M. *Lexical categories: verbs, nouns, and adjectives*. – Cambridge: Cambridge UP, 2003.
- Bhat, D. N. S. *The adjectival category: Criteria for differentiation and identification*. – Amsterdam: Benjamins, 1994.
- Bolinger, D. *Adjectives in English: Attribution and Predication* // *Lingua*. – 1967. – № 18. – P. 1-34.
- Carlson, G. (b). *Reference to Kinds in English*. Ph.D. dissertation, University of Massachusetts. – New York: Garland, 1977.
- Carlson, G. (a). *A unified analysis of the English bare plural* // *Linguistics and Philosophy*. – 1977. – № 1. – Том 3. – P. 413–58.
- Corrigan, R., F. Eckman, and M. Noonan (eds.). *Linguistic categorization*. – Amsterdam: John Benjamins, 1989.
- Dressler W. *Studien zur verbalen Pluralitat, Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatic, im Lateinischen und Hethitischen*. – Wien, 1968.
- Durie M. *The grammaticalization of number as a verbal category* // *Proceedings of the 12th Annual meeting of the Berkeley linguistic society*. – Berkeley, 1986.
- Geeraerts, D. *Introduction: Prospects and problems of prototype theory* // *Linguistics*. – 1989. – № 27. – С. 587-612.
- Givón, T. *Prototypes: Between Plato and Wittgenstein* // C. Craig (ed.): *Noun classes and categorization*. – Amsterdam: John Benjamins, 1986. – P. 77-102.
- Hopper, P.L. and S.A. Thompson. *The discourse basis for lexical categories in universal grammar* // *Language*. – 1984. – № 60. – P. 703-752.
- Köning E. *Conditionals, concessive conditionals and concessives areas of contrast, overlap and neutralization* // *On Conditionals*. – Cambridge, 1986.
- Lakoff, G. *Classifiers as a Reflection of Mind*. // C. Craig (ed.): *Noun classes and categorization*. – Amsterdam: John Benjamins, 1986. – P. 13-51.
- Rosch, E. *Principles of categorization* // E. Rosch and B.B. Lloyd (eds.): *Cognition and categorization*. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27-48.
- Taylor, J.R. *Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory*. – Oxford: Clarendon Press, 1995.
- Thompson, S.A. *A discourse approach to the cross-linguistic category Adjective* // Corrigan et al. (eds.): *Linguistic categorization*. – Amsterdam: John Benjamins, 1989. – P. 245-265.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А ИК – Айталын. Ийэ кутум. – Якутскай, 1984. – 196 с.
- А КД – Айталын. Көрсүөххэ диэри: Сэһэн. – Якутск, 1985. – 318 с.
- АА А – Амма Аччыгыһа. Алдьархай. – Дьокуускай, 1966. – 352 с.
- АА КО – Амма Аччыгыһа. Кэпсээннэр, очеркалар. – Якутскай, 1983. – 295 с.
- АА КСХ – Амма Аччыгыһа. Талыллыбыт айымньылар. Т.1. Кэпсээннэр. Сэһэннэр. Хоһооннор. – Дьокуускай, 1956. – 480 с.

- АА С – Амма Аччыгыйа. Сэри. – Якутской, 1942. – 86 с.
- АА СК 1952 – Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. – Якутской, 1952. – 698 с.
- АА СК 1963 – Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. – Якутск, 1963. – 682 с.
- АА СК 1982 – Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. – Якутской, 1982. – 752 с.
- АА СК 1994 – Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. – Дьокуускай, 1994. – 360 с.
- АА СКА – Амма Аччыгыйа. Сэһэннэр, кэпсээннэр, ахтыылар. – Дьокуускай, 1986. – 528 с.
- АА ТА 1969 – Амма Аччыгыйа. Талыллыбыт айымньылар. Т. 3. – Якутск, 1969. – 512 с.
- АА ТА 1970 – Амма Аччыгыйа. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1970. – Т. 4. – 744 с.
- АБ Х – Алексей Бэрияк. Хоһооннор. Сэһэн. – Якутск, 1986. – 285 с.
- АН ДьБ – Айталига Никифорова. Дьолго баһаран. – Дьокуускай, 2006. – 80 с.
- АН СК – Айталига Никифорова. Сырдык курус. – Дьокуускай, 2011. – 160 с.
- АС КДБ – Анастасия Сыромятникова. Күөх дуолум барахсан. – Дьокуускай, 1995. – 150 с.
- АС КХ – Анастасия Сыромятникова. Кыыс Хотун. Ч. 1-2. – Якутск, 1970. – 530 с.
- АС СК – Анастасия Сыромятникова. Сүрэх кыыма. – Дьокуускай, 1983. – 112 с.
- АС ТА 1964 – А.И. Софронов. Талыллыбыт айымньылар. Т. 1. – Дьокуускай, 1964. – 420 с.;
- АС ТА 1965 – А.И. Софронов. Талыллыбыт айымньылар. Т.2. – Дьокуускай, 1965. – 442 с.
- АФ КК – Афанасий Федоров. Күөх кырыс. – Дьокуускай, 1980. – 311 с.
- АФ ОД – Афанасий Федоров. Олох долгуннара. – Дьокуускай, 2006. – 240 с.
- АФ ТА – Афанасий Федоров. Талыллыбыт айымньылар. Т. II. – Дьокуускай, 1962. – 428 с.
- ББ У – Болот Боотур. Уһуктуу: Кн. 2. – Дьокуускай, 1979. – 399 с.
- БДь МС – Бэс Дьарааһын. Муммут Сөдүөт // Альманах якутской советской художественной литературы. – Якутск, 1942. – С. 36-44.
- БП Ө – Борис Павлов. Өсөһүү. – Дьокуускай, 2003. – 114 с.
- БСННБ – Багдарыын Сүлбэ. Нөрүөннөргүй буолуохтун! (Вечная память им!): Художественные очерки). – Дьокуускай, 1995. – 272 с.
- БСМБ – Бүдүрүйбэт сүһүөхтээх Мүлдьү Бөбө // Саха боотурдара. (Запись П.Я. Туласынова со слов И.А. Николаева (КуоҕасУйбаан). – Якутск, 2012. – 253 с.
- В ӨТК – Венера. Өлүү толоонун кистэлэнэ. – Дьокуускай, 2009. – 192 с.
- ВЕ КТ – Василий Егоров. Кырыыстаах таас. – Дьокуускай, 1982. – 144 с.
- ВИ КуоЭ – Василий Иванов. Кырдыһастар уонна эдэрдэр. – Дьокуускай, 1982. – 88 с.
- ВП К – Василий Протодьяконов. Кэскил. – Дьокуускай, 1961. – 232 с.
- ВЧ ОС – Валерий Чиряев. Олоһум сыдыаһа: Хоһооннор, тылбаастар, кэпсээннэр. – Якутск, 1981. – 174 с.
- ВЯ СА – Василий Яковлев. Сардана ардаһа: Сэһэн. – Якутск, 1970. – 132 с.
- ВЯ ТС – Василий Яковлев. Тһа салгына: Кэпсээннэр. – Якутск, 1984. – 264 с.
- ВЯ УоИи – Василий Яковлев. Уот иитиитэ. – Дьокускай, 1979. – 312 с.
- ГК СС – Гаврил Колесов. Саллаат санаата: Документальной сэһэн. – Якутск, 1973. – 168 с.
- ГСЯЛЯ 1982 – Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М., 1982. – 496 с.
- ГСЯЛЯ 1995 – Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. – Новосибирск, 1995. – 336 с.
- ГУ ӨА – Гавриил Угаров. Өлүктүйбүт антенналар: Научной-фантастической сэһэн. – Якутск, 1985. – 142 с.
- Д АТС – Далан. Аар тайһам суугуна: Сэһэн. – Якутск, 1980. – 157 с.
- Д ББ – Далан. Бүтэй Бүлүү: Роман. – Якутск, 1995. – 392 с.
- Д ДДКС – Далан. Дөбөрүөм, дабай күөх сыырдаргын. – Якутск, 1991. – 424 с.
- Д ДьС 1978 – Далан. Дьикти саас: Сэһэн. – Якутск, 1978. – 344 с.
- Д ДьС 2001 – Далан. Дьикти саас. – Дьокуускай, 2001. – 332 с.
- Д КЫ – Далан. Кэриэн ымыһа: Үһүйээннэр, номохтор, кэпсээннэр. Очеркалар. – Якутск, 1988. – 334 с.
- Д ТО – Далан. Тулааһа оһо. – Дьокуускай, 1983. – 351 с.
- Д ТД – Далан. Тыгын Дархан: исторической роман. – Дьокуускай, 1993. – 512 с.

- Д ХО – Дылбаны. Хапсыһыылаах олох. – Дьокуускай, 2006. – 240 с.
- Д ХУТ – Дылбаны. Харах уулаах таптал. – Дьокуускай, 2009. – 224 с.
- ДЗ ХБ – Зверев Д.С. Хааннаах булумһуу. – Якутск, 2002. – 368 с.
- ДО ОУо – Дмитрий Очинскай. Огдообо уолаттара. – Якутск, 1959. – 160 с.
- ДС ААА – Даана Сард. Ааспыт ааспат амтана. – Дьокуускай, 2009. – 192 с.
- ДС ВДЬУ – Даана Сард. Вануату – дьол уйата. – Дьокуускай, 2010. – 224 с.
- ДТ КБ – Даниил Токоосоп. Кыра буруйдаах. Сэһэн. – Якутск, 1965. – 80 с.
- ДТ ККХ – Дмитрий Таас. Кыһыл көмүс хоруоп. – Дьокуускай, 1979. – 376 с.
- ДТ С – Дмитрий Таас. Сэһэннэр. – Дьокуускай, 1990. – 336 с.
- ДТ СА 1971 – Дмитрий Таас. Сырдык аартык. Сэһэн. – Якутск, 1971. – 149 с.
- ДТ СА 2004 – Дмитрий Таас. Сырдык аартык. – Дьокуускай, 2004. – 288 с.
- ДТ ТА – Дмитрий Таас. Талыллыбыт айымньылар. – Якутскай, 1954. – 235 с.
- ДьНЬБ – Оросин К.Г. Дьулуруйар Ньургун Боотур. – Якутскай, 1947. – 410 с.
- ЕН А 2006 – Егор Неймохов. Алампа: роман. 1 кинигэ. – Дьокуускай, 2006. – 272 с.
- ЕН А 2009 – Егор Неймохов. Алампа: роман. 2 кинигэ. – Дьокуускай, 2009. – 424 с.
- ЕН КК – Е.С. Никифоров. Кырдык кыайтарбат. – Якутск, 2005. – 123 с.
- ЕН ЭКУОДЬ – Егор Неймохов. Эр киһи уонна дьахтар. – Дьокуускай, 2010. – 384 с.
- ИА КК – Иван Арбита. Көмүс күрүлгэн: Хоһооннор, поэма. – Дьокуускай, 1993. – 147 с.
- ИБ К – Иван Бочкарев. Кэпсээннэр. – Якутск, 1966. – 84 с.
- ИГ Д – Иван Гоголев. Драмалар. – Якутск, 1981. – 285 с.
- ИГ КХ – Иван Гоголев. Күн хайата. – Якутскай, 1962. – 187 с.
- ИГ МЭТ – Иван Гоголев. Мин эһигини таптыбын: Сэһэн. – Якутск, 1971. – 112 с.
- ИГ ОМК – Иван Гоголев. Олорор мутуккун кэрдимэ: Сэһэн. – Якутск, 1986. – 213 с.
- ИГ ХК 1977 – Иван Гоголев. Хара кыталык. 1 кинигэ. – Якутскай, 1977. – 357 с.
- ИГ ХК 1982 – Иван Гоголев. Хара Кыталык. 2-с кинигэ. – Дьокуускай, 1982. – 288 с.
- ИГ ХК 1987 – Иван Гоголев. Хара кыталык. 3-с кинигэ. – Дьокуускай, 1987. – 264 с.
- ИД ӨХ – Иван Данилов. Өн хочо. – Якутск, 1967. – 160 с.
- ИД ЧТН – Иван Данилов. Чизэнэ туһунан номох. Роман. – Якутск, 1974. – 136 с.
- ИН ОИО – Исай Никифоров. Олох иһин охсуһуу. – Дьокуускай, 1959. – 212 с.
- ИН СКС – Исай Никифоров. Суор кыланар сиһигэр: Сэһэннэр. – Якутск, 1970. – 204 с.
- ИС С – Иннокентий Семенов. Сонордьуттар. – Дьокуускай, 1983. – 104 с.
- ИТ ДЬХУИ – Иван Тарабукин, Владимир Тарабукин. Дьокуускай харах уутун итэбэйбэт. – Дьокуускай, 2013. – 128 с.
- К КТ – Күндэ-Иванов А.А. Кыһыһар тунат: Кэпсээннэр, хоһооннор, пьесалар, ыстатыйалар, ахтыһылар. – Якутскай, 1979. – 296 с.
- К КТС – Күндэ. Кыһыһар тунат сырдыга. – Дьокуускай, 2000. – 336 с.
- К ТА – Күндэ. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1960. – 431 с.
- К ТЫ – Куорсуннаах. Түнкэтэх ырай. – Дьокуускай, 2013. – 128 с.
- КДЬ ТА – Күн Дьырибинэ. Талыллыбыт айымньылар. – Якутск, 1975. – 176 с.
- КК – Көрдөөх кэпсээннэр: хомурунһук. – Дьокуускай, 2011. – 192 с.
- КТ – “Коммунизм тутуутугар”, Амма оройуонун хаһыата.
- КУу БДЬБ – Күннүк Уурастыырап. Былыргы дьыллар быыстарыгар: Сэһэн. – Якутск, 1976. – 157 с.
- КУу НКАТДЬБ – Күннүк Уурастыырап. Нуоҕалдьын кугас аттаах тойон Дьаҕарыма Бухатыыр. – Якутск, 1941. – 364 с.
- КХКК – И. Тимофеев-Терешкин. Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур / Запись В.Н.Васильева. – М., 1985. – 605 с.
- Кыым – “Кыым”, еженедельная общественно-политическая газета, выходит с 1927 г.
- ЛГ Ыа – Лев Габышев. Ыаллыылар: Пьесалар. – Якутск, 1971. – 180 с.
- ЛМ А – Леди Муус. Ахтылҕан. – Дьокуускай, 2011. – 384 с.
- ЛП К – Леонид Попов. Күндэли. – Дьокуускай, 2004. – 224 с.
- ЛП КТ – Леонид Попов. Күннээх таас: Кэпсээннэр, сэһэн. – Якутск, 1982. – 229 с.

- ЛП ОУо – Леонид Попов. Охоноос уолатгара. – Дьокуускай, 1968. – 68 с.
- МД КС – Михаил Дожордуурап: Кэпсээннэр, сэхэннэр. – Дьокуускай, 1972. – 416 с.
- МИ ОС – Михаил Иванов. Оҕо сангата. – Дьокуускай, 1983. – 112 с.
- МН ТЫаБ – Миитэрэй Наумов. Тыа ыала барахсан. – Дьокуускай, 2006. – 192 с.
- Н ДьАА – Намылы. Дьахтар абылыыр айылгыта. – Дьокуускай, 2013. – 144 с.
- НА ХК – Николай Абыйчанин. Хотугу кэпсээннэр: кэпсээннэр, үһүйээннэр. – Якутск, 1968. – 48 с.
- НАпр УөТ – Николай Апросимов. Үөлээннээҕим таптала: Кэпсээннэр, очеркалар. – Якутск, 1964. – 84 с.
- НБ УС – Николай Босиков. Үс сурук: Сэхэннэр. – Якутск, 1985. – 191 с.
- НБор ЭС – Николай Борисов. Эргэ саа: Кэпсээннэр. – Якутск, 1987. – 135 с.
- НБС – Нюргун Боотур Стремительный / Текст К.Г. Оросина; вводная статья, пер. и коммент. Г.У. Эргис. – Якутск, 1947. – 140 с.
- НГ СК – Николай Габышев. Сүүс кэпсээн. – Якутскай, 1982. – 408 с.
- НГ ТХ – Николай Габышев. Таптыыр харахпынан. – Дьокуускай, 2002. – 240 с.
- НГ ҮДь – Николай Габышев. Үчүгэй дьон. – Якутск, 1961. – 156 с.
- НЗ Д – Николай Заболоцкай. Дабаан: Кэпсээннэр, очеркалар, ахтыылар. – Якутск, 1965. – 196 с.
- НЗ ДьК – Николай Заболоцкай. Дьэллик кэпсээннэрэ. – Якутск, 1971. – 172 с.
- НЗ КДУ – Николай Заболоцкай. Күн да уһун. – Дьокуускай, 1968. – 488 с.
- НЗ М – Николай Заболоцкай-Чысхаан. Маappa. – Дьокуускай, 2003. – 256 с.
- НЛ К – Николай Лугинов. Кустук. – Дьокуускай, 2003. – 224 с.
- НЛ М – Николай Лугинов. Мэндизмэннэр. – Якутскай, 1980. – 200 с.
- НЛ Т – Николай Лугинов. Түһүлгэ: Сэхэн. – Якутск, 1981. – 104 с.
- НЛ ТТ – Николай Лугинов. Таас тумус. – Якутскай, 1984. – 221 с.
- НН ТА – Николай Неустроев. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1959. – 193 с.
- НХ ТА – Наталья Харлампьева. Талыллыбыт айымньылар: Хоһооннор, поэмалар, проза: 1994-2002. – Дьокуускай, 2003. – 2 т. – 272 с.
- НЯ АК – Николай Якутскай. Алмааһы көрдөөччүлэр. – Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1966. – 176 с.
- НЯ АуоТ – Николай Якутскай. Аран уонна таптал. – Дьокуускай, 2001. – 288 с.
- НЯ ИуоА – Николай Якутскай. Илин уонна арҕаа: Роман. – Якутск, 1978. – 509 с.
- НЯ С – Николай Якутскай. Сэхэннэр. – Дьокуускай, 1969. – Т. 2. – 632 с.
- НЯ Т 1960 – Николай Якутскай. Төлкө: Роман. 1 кинигэ. – Якутск, 1960. – 304 с.
- НЯ Т 1964 – Николай Якутскай. Төлкө: Роман. 3 кинигэ. – Якутск, 1964. – 360 с.
- НЯ Т 1973 – Николай Якутскай. Төлкө: Роман. – Якутск, 1973. – 766 с.
- НЯ Т 1988 – Николай Якутскай. Төлкө. – Хос таһаарыы. – Якутскай, 1988. – 704 с.
- О БДЭ – Огдо. Буолар да эбит... – Дьокуускай, 2013. – 320 с.
- ПА А – Петр Аввакумов. Алҕастар. Сэхэннэр. – Дьокуускай, 1994. – 153 с.
- ПА ББ – Петр Аввакумов. Биһиэхэ барыбытыгар. – Дьокуускай, 1984. – 256 с.
- ПА ТБС – Петр Аввакумов. Төрөөбүт буор сылааһа. – Якутск, 1978. – 176 с.
- ПА УдКд – Петр Аввакумов. Улахан да, кыра да. – Дьокуускай, 1989. – 175 с.
- ПО КЫ – П. А. Ойуунускай. Көнүл ырыата. – Якутск, 1968. – 438 с.
- ПО ТА 1975 – Ойуунускай П.А.Талыллыбыт айымньылар. В 2-х томах. Т.2. Рассказы, повести, воспоминания, статьи, выступления. – Якутск, 1975. – 432 с.
- ПО ТА 1993 – Платон Ойуунускай. Талыллыбыт айымньылар. II т. – Дьокуускай, 1993. – 442 с.
- ПО ТА 2005 – Ойуунускай П.А. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 2005. – II т. – 365 с.
- ПТ ЧКК – Петр Тобуруокап. Чыгычахтар күнү көрсөллөр. – Якутскай, 1970. – 160 с.
- ПТ Э – Петр Тобуруокап. Эрэдэһиннэр. – Якутскай, 1987. – 284 с.
- ПФГ – Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – СПб., 2005. – 478 с.
- РК КК – Реас Кулаковскай. Кистэлэн кэпсээним. – Дьокуускай, 2003. – 320 с.
- РК С – Реас Кулаковскай. Сиккиэр: Сэхэн, кэпсээннэр. – Якутск, 1976. – 136 с.

- РК С – Реас Кулаковская. Сыккыс. – Дьокуускай, 1965. – 116 с.
- С ОБГУО – Сомоџо-Федоров П.П. Ол, ынгыар тырымнас уоттар. – Дьокуускай, 1999. – 109 с.
- СД ДьУөС – Софрон Данилов. Дьону үөрдэ сырыттарбын: Сэһэн. – Якутск, 1967. – 84 с.
- СД КС – Софрон Данилов. Күн сырдыга. – Дьокуускай, 1982. – 448 с.
- СД МЭЖ – Софрон Данилов. Мин эйиэхэ кэпсиим... – Якутск, 1964. – 199 с.
- СД СС – Семен Данилов. Сээркээн Сэһэн. – Якутскай, 1964. – 63 с.
- СД СТ – Софрон Данилов. Санаам туймуулар. – Якутск, 1995. – 381 с.
- СД СТТ 1967 – Софрон Данилов. Сүрэх тэбэрин тухары: Роман. – Якутск, 1967. – 608 с.
- СД СТТ 1996 – Софрон Данилов. Сүрэх тэбэрин тухары. – Дьокуускай, 1996. – 672 с.
- СЕ ТП – Степан Ефремов. Талыллыбыт пьесалар. – Дьокуускай, 1964. – 308 с.
- СК ХуоХ – Семен Курилов. Ханидуо уонна Халерхаа: Роман. – Якутск, 1971. – 401 с.
- СМ ИК – Семен Маисов. Ийэм кэпсиир. – Дьокуускай, 2009. –1 ч. –192 с.
- СН СДь – Семен Никифоров. Саллаат дьылҕата. – Дьокуускай, 1983. – 405 с.
- СН ЫХЫа – Семен Никифоров. Ытык-Хайа ыаллара: Сэһэн. – Якутск, 1988. – 139 с.
- СНов ОК – Семен Новиков. Олох кыһата: Роман. – Якутск, 1973. – 245 с.
- СО А – Суорун Омоллоон. Айымньылар. – Дьокуускай, 1996. – 2 т. – 704 с.
- СО К – Суорун Омоллоон. Кэпсээннэр (Рассказы). – Дьокуускай, 1980. – 184 с.
- СО С – Суорун Омоллоон. Сайсары. – Дьокуускай, 1943. – 100 с.
- СО ТА – Суорун Омоллоон. Талыллыбыт айымньылар. 2 т. – Якутск, 1960. – 439 с.
- СР 33 – Семен Руфов. Зыр-зыр. – Дьокуускай, 2002. – 304 с.
- СР КТ – Семен Руфов. Куораттарга, тыаларга. – Дьокуускай, 1976. – 152 с.
- СС ОББ – Соркомов С.С. Олох биирдэ бэриллэр. – Дьокуускай, 2010. – 96 с.
- СТ ЭИМС – Сэмэн Тумат. Эниги истин, мин сэхэргийим. – Якутск, 2004. – 238 с.
- СТТТ – Саха түөлбө тылын тылдьыта: эбии том. – Новосибирскай, 1995. – 294 с.
- СФ – Саха фольклора. – Новосибирск, 1996. – 336 с.
- СЯПП – Сборник якутских пословиц и поговорок / Сост. Н.В. Емельянов. – Якутск, 1965. – 247 с.
- ТС ЕЧ – Тимофей Сметанин. Егор Чээрин. – Дьокуускай, 2005. – 72 с.
- ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск, 2004-2016.
- ТУо – “Туймаада уоттара” (республиканская газета), г. Якутск.
- ТФГ 1987 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – 348 с.
- ТФГ 1990 – Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – 263 с.
- ТФГ 1996а – Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб., 1996. – 264 с.
- ТФГ 1996б – Теория функциональной грамматики. Локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. – СПб., 1996б. – 230 с.
- ТФГ 2007 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис: Изд. 5-е. – М., 2007. – 352 с.
- У КУо – Урсун. Куорат уота: Кэпсээннэр, тылбаастар. – Якутск, 2005. – 206 с.
- УН КА – Уйбаан Нуолур-Иванов И.Г. Киэһээни алаас. – Дьокуускай, 1999. – 185 с.
- УН СК – Уйбаан Нуолур. Сайылык кыһа. – Дьокуускай. 1984.
- УО А – Уйбаан Ойуур. Аймахтар. – Дьокуускай, 2009. – 296 с.
- УУА – Ус үтүө алгыс. – Дьокуускай, 1982.
- ФВС ДМУТ – Федоров В.С.-Сэмээр Баһылай. Дойдум миэнэ Улуу Тоҕой. – Дьокуускай, 2012. – 431 с.
- ФЗ СС – Федот Захаров. Сана сүүрээһиннэр. – Дьокуускай, 1999. – 327 с.
- ФЗ Т – Федот Захаров. Түгэһиридэр. – Дьокуускай, 2002. – 174 с.
- ФК СБ – Федот Ксенофонтов. Сизеркилэ бытархайдара. – Дьокуускай, 1992. – 30 с.
- ФП ДЬИУ – Федор Постников. Дьол икки утаҕа: Сэһэн, кэпсээннэр. – Якутск, 1992. – 142 с.

ХС – “Хотугу Сулус” (Полярная Звезда), литературно-художественный журнал.
ХУ ХС – Алексеев И.Е.-Хомус Уйбаан. Холумтан сылааһа. Саха дьарыга, үгэнэ. – Дьокуускай, 2013. – 160 с.

Ч – “Чолбон”, ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходит с 1926 г.

Э СО 1994 – Эргис Г.У. Саха остуоруйалара. – Дьокуускай, 1994. – 388 с.

Э СО 1996 – Эргис Г.У. Саха остуоруйалара. – Дьокуускай, 1996. – 392 с.

Э ХП – Эллэй. Хоһооннор, поэмалар. – Дьокуускай, 1954. – 628 с.

ЭБ – П.В. Оготовев. Эһэ Харааттаах Элэс Боотур. – Якутск, 2002. – 225 с.

ЭС Дь – Эдуард Соколов. Дьол: Сэһэн. – Якутск, 1985.

ЭЭ А – Эрилик Эристиин. Айымньылар. 2-с т.: Кэпсээннэр, очеркалар, ахтыылар. – Якутск, 1969. – 516 с.

ЭЭ КуоП – Эрилик Эристиин. Кэпсээннэр уонна пьесалар. – Якутскай, 1963. – 189 с.

ЭЭ ТА 1954 – Эрилик Эристиин. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1954. – 541 с.

ЭЭ ТА 1964 – Эрилик Эристиин. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1964. – Т.1. – 284 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь. – М., 1972. – 605 с.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

N – имя существительное

N-N – парное имя

N4 – имя существительное в винительном падеже.

N_{собир.} – собирательное имя

N_{вещ.} – имя существительное со значением вещественности

Num – количественное числительное

V_{iter} – глагольные формы с аффиксами многократности

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо; ACC – винительный падеж; Adj – имя прилагательное, AUX – вспомогательный глагол; COND1 – первая форма условного наклонения; COND2 – вторая форма условного наклонения; CONJ – союз; DAT – дательный падеж; CV – деепричастие; FUT – будущее время; NEG – отрицательная форма; PAST – недавнопрошедшее время; PFUT – настоящее-будущее время; Pl – множественное число; POSS – изафет; PRTCL – частица; Sg – единственное число;

1.2.Sg – двойственное число (я+ты); 1.2.Pl – двойственное число (я/мы+вы); ABL – исходный падеж; ACC – винительный падеж; AUX – вспомогательный глагол; COMP – показатель сравнения =лыы; CV – деепричастие; DAT – дательный падеж; INSTR – орудный падеж; ITER – многократность; KAUS – побудительный залог; NEG – отрицательная форма; NOM – вторичный номинализатор; PASS – страдательный залог; PAST – недавнопрошедшее время; RICEP – совместно-взаимный залог; POSS – аффикс принадлежности; PFUT – настоящее-будущее время; Pl – множественное число; PP – прошедшее время на=быт; PRTCL – частица; Sg – единственное число;

Лаах – имя обладания, N – имя существительное, T_v – глагольная основа, T_vан+/P/ – деепричастие предшествования (-ан) в форме сказуемости, выражающей значение лица-числа субъекта; // – показатель лица-числа субъекта, иһин – послелог; амадаҕаны – препозитивная скрепа, исх. – исходный падеж.

{ } – линейная позиция высказывания; ( ) – позиция зависимой предикативной единицы – ЗПЕ; [ГПЕ] – позиция главной предикативной единицы – ГПЕ или предикативной единицы с финитным сказуемым.

Научное издание

*Данилова Надежда Ивановна
Ефремов Николай Николаевич
Винокурова Надежда Ивановна
Иванова Ирина Борисовна
Самсонова Екатерина Михайловна
Сивцева Наталья Александровна
Харабаева Виктория Ивановна*

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ:
ГРАММАТИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ БАЗА**

Публикуется в авторской редакции

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Системные требования:
электронное устройство с программным обеспечением
для воспроизведения файлов формата PDF.

Адрес: 677027, Якутск, ул. Петровского, 1
Тел: +7 (411) 236-14-49
Официальный портал: www.igi.ysn.ru